ЕЖЕГОДНИКфинно-угорских исследований

«Yearbook of Finno-Ugric Studies»

Вып. 4

Редакционный совет:

- В. Е. Владыкин (Ижевск, УдГУ)
- Д. В. Герасимова (Ханты-Мансийск, Югорский ГУ)
- А. Е. Загребин (Ижевск, УИИЯЛ УрО РАН) председатель
- Н. Г. Зайцева (Петрозаводск, ИЯЛИ Карельский НЦ РАН)
- А. С. Казимов (Йошкар-Ола, МарНИИЯЛИ)
- А. Кережи (Будапешт, Этнографический музей)
- В. М. Лудыкова (Сыктывкар, Сыктывкарский ГУ)
- В. И. Макаров (Йошкар-Ола, МарГУ)
- И. В. Меньшиков (Ижевск, УдГУ)
- Ю. А. Мишанин (Саранск, МГУ им. Н. П. Огарева)
- М. В. Мосин (Саранск, МГУ им. Н. П. Огарева)
- С. Сааринен (Финляндия, Туркуский университет)
- К. Салламаа (Финляндия, Оулуский университет)
- С. Тот (Эстония, Тартуский университет)
- И. Л. Жеребцов (Сыктывкар, ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН)
- Е. П. Шеметова (Москва, МГУП)
- Э. Тулуз (Франция, Институт восточных культур и цивилизаций)
- В. А. Юрченков (Саранск, НИИГН при Правительстве РМ)

Редколлегия:

- В. М. Ванюшев (Ижевск, УИИЯЛ УрО РАН)
- Т. Г. Владыкина (Ижевск, УИИЯЛ УрО РАН)
- В. Н. Денисов (Санкт-Петербург–Ижевск, УИИЯЛ УрО РАН)
- М. Г. Иванова (Ижевск, УИИЯЛ УрО РАН)
- А. С. Измайлова (Ижевск, УдГУ)
- А. В. Ишмуратов (Ижевск, УдГУ) заместитель гл. редактора
- Р. В. Кириллова (Ижевск, УдГУ)
- Н. И. Леонов (Ижевск, УдГУ)
- Р. Ш. Насибуллин (Ижевск, УдГУ)
- Г. А. Никитина (Ижевск, УИИЯЛ УрО РАН)
- В. Г. Семенов (Ижевск, УдГУ)
- Ю. В. Семенов (Ижевск, УдГУ)
- И. В. Тараканов (Ижевск, УдГУ)
- Н. А. Федосеева (Йошкар-Ола, МарНИИЯЛИ)
- Г. Н. Шушакова (Ижевск, УдГУ)

Министерство образования и науки РФ Международная ассоциация финно-угорских университетов ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет» Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН Финно-угорский научно-образовательный центр гуманитарных технологий

ЕЖЕГОДНИК ФИННО-УГОРСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

«Yearbook of Finno-Ugric Studies»

Вып. 4

Ижевск

2012

УДК 08 ББК 94.3 Е36

Главный редактор – Γ . В. Мерзлякова, доктор исторических наук, профессор, ректор УдГУ

Зам. главного редактора – A. B. Uимуратов, кандидат педагогических наук, доцент, директор ФУНОЦГТ УдГУ

Ответственный редактор – Д. И. Черашняя

Ежегодник финно-угорских исследований. Выпуск 4 / Науч. ред. А. Е. Загребин; сост.-ред. А. В. Ишмуратов, Р. В. Кириллова; отв. ред. Д. И. Черашняя. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2012. – 143. с.

В Ежегоднике представлены статьи и материалы, посвященные проблемам социально-экономического, духовно-нравственного и культурного развития финно-угорских народов, опыту разработки инновационно-гуманитарных технологий, направленных на внедрение их в общественную практику, в процессы обучения и воспитания.

Адресуется историкам, культурологам, филологам, преподавателям вузов, школ, лицеев, работникам учреждений культуры.

ISSN 2224-9443

© Удмуртский государственный университет, 2012

© Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ	7
Асталош Э. Е. Позиции сфокусированного объекта	
в удмуртском языке	7
Шибанов А. А. История изучения наречий в удмуртском языке	
Душенкова Т. Р. Понятия стыд и совесть в удмуртской	
лингвокультуре	23
ФОЛЬКЛОРИСТИКА	31
Окунева Т. В. Уровни информативности удмуртского	
свадебного текста	31
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ	39
Чикина Н. В. Проблемы становления детской литературы	
на карельском языке	39
ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ	49
Садиков Р. Р., Миннияхметова Т. Г. Зарубежные исследователи	
этнографии, фольклора и языка закамских удмуртов:	
историографический очерк	
Маратканов В. А. Этот многоликий Гуго Стандертшёльд	63
КУЛЬТУРА, ИСКУССТВО	78
Байкова Е. В., Буянова Л. И., Пислегова О. Л. Опыт сохранения	
и развития удмуртского национального костюма	
в системе деятельности «Национального центра	
декоративно-прикладного искусства и ремесел»	78
Ковычева Е. И. Проблемы костюма современного	
фольклорного коллектива	86
Сазыкина И. А. Сценический костюм как феномен народного	0.4
комплекса одежды	94
Шутова Н. И. О деятельности народного этнофутуристического объединения «Тёдьы юсь» («Белый дебель»)	98

ИННОВАЦИИ И ТЕХНОЛОГИИ	101
Ишмуратов А. В. Финно-угорский научно-образовательный центр гуманитарных технологий Удмуртского государственного	
университета – итоги и задачи	101
T имерханова H . H ., K удрявцев A . Φ . Научно-образовательный	
проект «"География" на удмуртском языке»	109
ЮБИЛЕИ	115
Яшина Роза Ивановна	115
Измайлова-Зуева А. С. Слово об учителе	
ОТЗЫВЫ, ОБЗОРЫ	122
Иванова М. Г. Удмуртский институт истории, языка	
и литературы УрО РАН в год российской истории:	
основные разработки	122
РЕЦЕНЗИИ	129
Ракин А. Н. Рец. на: Рябина Е. С. Основные цветообозначения	
в пермских языках. Тарту, 2011. 254 с.	129
Указатель статей и материалов, опубликованных в 2012 году	
в «Ежегоднике финно-угорских исследований»	137

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.511.131

Э. Е. Асталош

ПОЗИЦИИ СФОКУСИРОВАННОГО ОБЪЕКТА В УДМУРТСКОМ ЯЗЫКЕ

Работа отражает результаты исследований, показывающих, что сфокусированный объект в удмуртском языке (элемент предложения, находящийся под логическим ударением и выступающий в роли объекта) не всегда занимает фокус-позиции (непосредственно перед глаголом в стандартной языковой ситуации и в конце предложения — в нестандартных случаях). Для определенной категории носителей удмуртского языка допустимо расположение фокуса и в других позициях. Часть респондентов посчитала грамматически верными такие предложения, где сфокусированный объект расположен в превербальной позиции между двумя топиками или перед двумя топиками, а также между двумя отглагольными словами. Кроме изменения порядка слов в предложении, инструментом фокусирования может выступать фонетическое ударение. Однако мнения респондентов о том, в какой степени ударение выступает в роли метода фокусирования, существенно отличаются.

Ключевые слова: удмуртский язык, синтаксис, информационная структура, порядок слов, фокус, объект.

Информационная структура удмуртского предложения (ранее употреблявшийся термин – актуальное членение предложения) относится к малоизученным темам языкознания. Языковые методы отражения фокуса и его позиции в предложении также исследованы лишь немногими учеными (о позициях фокуса: [1]). В настоящей работе мы остановимся на исследовании позиции фокуса, функционирующего исключительно в роли объекта, и попытаемся ответить на два основных вопроса:

1. Как известно, сфокусированный элемент в удмуртском языке расположен непосредственно перед глаголом, а в случаях, отклоняющихся от стандарта, он

^{*} Выражаю благодарность Е. В. Родионовой за перевод статьи на русский и респондентам (З. Б. Байбековой, Н. В. Кондратьевой, С. В. Маслаковой и Д. А. Ефремову) за участие в анкетировании.

может находиться в конце предложения (данные примеры подтверждаются исследованиями О. Танцош [1. С. 222]. Допускают ли респонденты (по крайней мере, часть из них) позиционирование сфокусированного объекта в другой части предложения?

2. Есть ли разница между позиционированием так называемых информационного и контрастивного фокусов?

Исследование проводилось при помощи языковых анкет, которые были заполнены четырьмя респондентами, чьим родным языком является удмуртский.

Фокус — это такое составляющее предложения, которое чем-то подчеркивается, находится под ударением. Это «особо подчеркнутый смысловой центр тяжести» [2. С. 117] предложения, несущий в себе самую важную информацию. Традиционно различают два типа фокуса:

Информационный фокус — это «новая информация, на которую не имеются предпосылки и которую нельзя предсказать, предугадать из предыдущего дискурса... а также члены предложения, которые передают эту информацию» [3. С. 201]. Более просто информационным фокусом можно назвать часть предложения, которая могла бы послужить нашим ответом на дополнительный вопрос [4. С. 5] (пример № 1а). В венгерском предложении № 1b, таким образом, информационным фокусом служит составляющее «СВОЮ ДИССЕРТАЦИЮ» (в научной литературе фокус традиционно отмечается заглавными буквами):

- (1) a. «Mit ir Sanyi? 'Что пишет Саша?'
- b. A DISSZERTÁCIÓJÁT írja. 'Он пишет СВОЮ ДИССЕРТАЦИЮ'».

Отличительным знаком *контрастивного фокуса* является то, что он противопоставляет одному из элементов предложения его возможные альтернативы [3. C. 202]:

(2) «Sanyi A DISSZERTÁCIÓJÁT írja, nem az évfolyamdolgozatát. 'Саша пишет СВОЮ ДИССЕРТАЦИЮ, а не курсовую работу'».

В венгерском языке передача как информационного, так и контрастивного фокуса происходит одними и теми же методами, а именно: порядком слов и ударением – сфокусированное составляющее стоит непосредственно перед глаголом, на так называемой фокус-позиции и подчеркивается при произношении. Однако в некоторых языках, как, например, в английском, русском и польском, для выражения двух типов фокусов используется два различных синтаксических способа, или вида, словопорядка. В английском языке информационным фокусом является составляющая, подчеркнутая ударением и расположенная после глагола (пример $\mathbb{N} \ 3b$), в то же время передача контрастивного фокуса происходит с помощью специальной конструкции, описывающей фокус (пример $\mathbb{N} \ 4$) [3. C. 202].

- (3) a. «What did John eat? 'Что ел Джон?'
- b. John ate an APPLE. 'Джон ел яблоко'».
- (4) «It was an apple that John ate. 'Это было яблоко, что ел Джон» [3. С 202].

В польском языке, как и в русском, информационный фокус также занимает постглагольную позицию (пример $\mathbb{N}_2$ 5), контрастивный фокус, однако, расположен перед глаголом (пример $\mathbb{N}_2$ 6). В то же время, в отличие от венгерского языка, он может предшествовать так называемому топику — «известные для

говорящего и слушателя... личность, группа, предмет и т. д., о чем говорящий упоминает в предложении» [2. С. 111-112] — или же стоять между двумя топиками (пример № 7) [4. С. 14]:

- (5) «Jan dał książkę EWIE. 'Иван дал книгу EBE'» [4. С. 10].
- (6) «Jan EWIE dał książkę. 'EBE дал Иван книгу'» [4. С. 10].
- (7) «Jan EWIE książkę dał. 'Иван книгу EBE дал'» [4. С. 14].

Перед нами была поставлена цель выяснить, действительно ли позиция сфокусированного объекта расположена непосредственно перед глаголом? Действительно ли в нестандартных языковых примерах она всегда переходит на конец предложения? Встречается ли сфокусированный элемент в других позициях, не упомянутых нами выше? Действительно ли при фокусировании определенного слова или выражения ударение может сыграть большую роль (по крайней мере, это характерно для определенного круга носителей языка), чем это предполагается в исследовании О. Танцош [1], которая считает, что для фокусирования каких-либо членов предложения прежде всего используется изменение порядка слов.

Сфокусированное составляющее предложения в удмуртском языке занимает превербальную позицию, однако определенная часть респондентов считает также допустимым расположение фокуса в конце предложения. Исходя из данного утверждения, наш вопрос можно преобразовать следующим образом: должен ли стоять превербальный сфокусированный объект непосредственно перед глаголом (как в венгерском языке) или он может находиться и подальше от глагола, например перед так называемым топиком или между топикализированными составляющими; должен ли находиться поствербальный сфокусированный объект исключительно в конце предложения или он может стоять между глаголом и одним из поствербальных составляющих?

С другой стороны, мы попытались дать ответ и на следующий вопрос: есть ли разница между позиционированием двух сфокусированных объектов – информационного и контрастивного – с точки зрения порядка слов в предложении?

В анкете были представлены два типа заданий: в первом задании респондентам нужно было ответить «полным предложением» на дополнительный вопрос, другими словами, им предстояло ответить такими предложениями, которые содержат составляющие вопросительного предложения (само собой разумеется, исключением является вопросительное слово). Вопросы, похожие на пример № 8, должны были выявить место информационного фокуса, а предложения, подобные примеру № 9, определяли позицию контрастивного фокуса.

- (8) «Мар Тü толон нуназе сииды? 'Что Вы вчера ели на обед?'»
- (9) «Кудзэ Тü золгес яратüськоды: перепечез яке табанез? 'Что Вы любите больше: перепечи или табани?'»

Второй тип заданий включал в себя семь ответов на один дополнительный вопрос. В каждом из предложений был разный порядок слов, но они состояли из одних и тех же составляющих. Респонденты должны были выбрать грамматически верные ответы (или дать свой вариант правильного ответа). Вопрос N = 10 нацелен на выявление позиции информационного фокуса, а предложение N = 12 – контрастивного.

- (10) «Мар Вова толон юиз? 'Что пил вчера Вова?'»
- (11) ответ: «'Вова вчера пил пиво'
- а. Вова толон юиз сур.
- b. *Сур юиз толон Вова*.
- с. Вова сур толон юиз.
- d. Вова юиз сур толон.
- е. Сур Вова толон юиз.
- f. Вова толон сур юиз.
- g. Вова юиз толон сур».
- (12) «*Мар праздникын Луша сииз, котлет яке шашлык?* 'Что ела на празднике Луша, котлеты или шашлыки?'»
  - (13) ответ: «'Луша на празднике ела шашлыки, а не котлеты'
  - а. Праздникын Луша сииз шашлык, не котлет*.
  - b. Луша сииз праздникын шашлык, не котлет.
  - с. Шашлык праздникын Луша сииз, не котлет.
  - d. Луша шашлык праздникын сииз, не котлет.
  - е. Праздникын Луша шашлык сииз, не котлет.
  - f. Луша сииз шашлык праздникын, не котлет.
  - g. Шашлык сииз праздникын Луша, не котлет».

Порядок построения полученных ответов был проанализирован нами следующим образом. Если составляющие вопросительного предложения (например в предложениях № 8 и № 10 это *толон* 'вчера', далее, в предложении № 10 – Вова 'Вова', а в предложении № 12 – праздникын 'на празднике' и Луша 'Луша') в выбранном ответе стоят перед глаголом (V), тогда они были рассмотрены нами как топик (T), ведь данные составляющие, которые упоминаются в ответах, являются уже известными членами дискурса. В том случае, когда те же самые составляющие следуют после глагола, по примеру венгерского языка [2] они были рассмотрены нами как отглагольные второстепенные члены**. Те составляющие, на которые в предложениях был поставлен вопрос (например сур 'пиво (В. п.)', котлет 'котлеты (В. п.)'), были проанализированы мною в качестве фокуса (F). Для изображения структуры предложения, таким образом, была использована следующая линейная схема (здесь пока не известны возможные позиции фокуса):

(14) T T V X X

На вопрос первого типа все респонденты без исключения выбрали ответы, где оба фокуса – информационный и контрастивный – занимали позицию непосредственно перед глаголом. В заданиях второго типа в большинстве случаев также были выбраны подобные ответы. Однако когда сфокусированное слово было поставлено нами под ударение, и респондентам предстояло выбрать пред-

 $^{^*}$ Выражение *не котлет* 'не котлеты' всеми респондентами было исправлено на удмуртский вариант отрицания: вместо словосочетания с отрицательной частицей *не* был использован ответ с отрицательным вспомогательным глаголом *котлет* $\ddot{o}$ 3.

^{**} В то же время своими исследованиями мы не хотим утверждать, что отглагольные второстепенные члены, не относящиеся к топику и фокусу, не встречаются в превербальной позиции.

ложения с грамматически правильным порядком слов, нашему вниманию были предложены довольно разные альтернативы. Кроме того, один из респондентов посчитал, что во втором задании все перечисленные нами вариации с порядком слов в предложении допустимы в речи и грамматически правильны. Однако в большинстве случаев, в зависимости от типа фокуса, респонденты выбрали те альтернативы, где сфокусированный элемент стоит непосредственно перед глаголом (TTFV) или после него (TTVF), а также между двумя топиками, занимающими превербальную позицию (TFTV). В то же время один из респондентов посчитал грамматически верными и такие примеры, где фокус стоял перед двумя топиками (FTTV) или между двумя поствербальными дополнениями (TVXFX). На основе проведенного исследования допустимые позиции сфокусированного объекта можно изобразить следующей схемой (более характерные позиции обозначены жирным шрифтом):

(15) T	T	V	X	X
↑	$\uparrow$	$\uparrow$	↑	$\uparrow$
(F)	$\mathbf{F}$	$\mathbf{F}$	$\mathbf{F}$	(F)

Таким образом, данные исследования показывают, что сфокусированный объект в удмуртском языке обычно расположен непосредственно перед глаголом. Эта позиция принимается большинством респондентов, а также подтверждается выводами О. Танцош [1]. На вопросы первого типа все респонденты без исключения выбрали ответы, где сфокусированная часть предложения стоит непосредственно перед глаголом. В задании второго типа, как правило, также именно такие предложения были отмечены грамматически правильными. В то же время некоторые из носителей языка посчитали верными и те примеры, где сфокусированный объект расположен перед топиком (-ами) или между двумя топиками, а также непосредственно после глагола. Мнения респондентов о грамматической правильности предложений существенно различаются: для одних носителей языка допустимы такие примеры, где сфокусированный объект стоит в начале предложения перед двумя топиками или же между двумя поствербальными дополнениями, для других же респондентов такие ответы были грамматически недопустимыми. Кроме вариаций с порядком слов, инструментом фокусирования может служить и ударение, однако мнения носителей языка по поводу того, в какой степени они принимают ударение в качестве инструмента фокусации, существенно разделяются. Необходимо отметить, что наш тест не выявил разницы между позициями информационного и контрастивного сфокусированного объекта.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1. *Tánczos O*. Szórendi variációk és lehetséges okaik az udmurtban // Nyelvtudományi Közlemények. 2010–2011. № 107. C. 218–228.
  - 2. Kiss É. K. Mondattan // Magyar nyelv. 2006. C. 110–148.
  - 3. Gyuris B. Szemantika // Magyar nyelv. 2006. C. 175–221.
- 4. *Patona M.* A lengyel nyelv két fókuszpozíciója // Félúton 6. A hatodik Félúton konferencia (2010) kiadványa / Főszerk. Parapatics A., 2010. C. URL: http://linguistics.elte.

hu/studies/fuk/fuk10/

5. Понарядов В. В. Порядок слов в пермских языках в сравнительно-типологическом освещении (простое предложение). Сыктывкар: Коми научный центр УрО, 2010.

Поступила в редакцию 20.11.2012

E. E. Asztalos

Positions of the focused object in Udmurt

My study aims to describe the possible positions of the focused object in Udmurt. (Focus is the part of the sentence that carries new or unexpected xinformation and is often given a special emphasis.) I argue that the focused object, besides the focus positions identified by Tánczos (2010) (immediately preverbal position in standard and sentence-final position in non-standard Udmurt) can occupy other positions as well. In fact, certain speakers accept also different positions for the focused object: one part of my informants (native speakers of Udmurt) considered grammatical also such sentences in which the focused object was located between or before two topics preceding the verb, or between two postverbal complements. Besides positioning, another means of focusing in Udmurt is stress, and presumably, the Udmurt speakers vary as to what extent they consider stress (as opposed to positioning) as a means of focusing. *Keywords*: Udmurt language, syntax, information structure, word order, focus, object.

Асталош Эрика Ева, аспирант, Университет им. Этвеша Лоранда Венгрия, г. Будапешт, E-mail: aszterik@gmail.com

Asztalos Erika Éva.

PhD student, University of Eötvös Loránd, Hungary, Budapest E-mail: aszterik@gmail.com УДК 81'366(=511.131)

А. А. Шибанов

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ НАРЕЧИЙ В УДМУРТСКОМ ЯЗЫКЕ

Наречие – одна из поздних грамматических категорий. Первая работа, в которой впервые обозначены удмуртские наречия, – грамматика удмуртского языка 1775 г. Далее наречия рассмотрены в работах З. Кротова, М. Могилина, Ф. И. Видеманна, П. П. Глезденева, Г. Е. Верещагина, А. И. Емельянова и др. Последняя работа «Удмурт кыллэн кылкабто-досэз» датируется 2011 годом.

Ключевые слова: морфология, наречие, удмуртский язык, грамматика, части речи, словообразование, учебник удмуртского языка.

В античном и средневековом языкознании содержание понятия наречия сводилось к логической сути слова приглаголие — adverbium. «Слово наречие (греч. еріггёта, латинск. adverbium) собственно значит приглаголие (от гёта, verbum — глагол). Но еще Барсов в своей грамматике (XVIII в.) отмечал, что этимологический смысл термина наречие не соответствует позднейшим функциям этой категории: наречия относятся не только к глаголам, но и к другим частям речи» [5. С. 272].

Первое упоминание об удмуртских наречиях мы встречаем в грамматике удмуртского языка 1775 г. (Сочиненія принадлежащія къ грамматикъ вотскаго языка), дату выхода которой считают возникновением удмуртской письменности и удмуртского языкознания.

Грамматика начинается с рассуждения, что удмуртский язык состоит «из осьми частей речи». За главами «О склоненЇи», «О именахъ прилагательныхъ», «О именахъ числительныхъ», «О склонеЇи мъстоименЇй», «О спряженЇи глаголовъ», «Глаголъ существительный», следует глава, посвященная наречиям «НаръчЇи». Всего к наречиям отнесено 132 слова.

Как отмечает В. И. Алатырев [2. С. 13–14], «Семантический анализ наречий, приведенных в списке-перечне, показывает, что даны все основные разряды их: а) наречия места: *отысь* 'оттуда', *татысь* 'здесь' и т. д.; б) наречия времени: *туннэ* 'сегодня', *чуказе* 'завтра' и т. д.; в) наречия меры, степени: *ятыръ*

и уно 'много', быдэскынъ 'в целом, совсем' и т. д.; г) наречия способа и образа действия: кызи 'как', мырденъ 'кое-как, с трудом' и т. д. Но есть случаи, когда в число наречий ошибочно включены слова, относящиеся к другим частям речи. Со 'он, тот', nom (императив от глагола потыны 'выходить, выйти') 'выходи, выйди', бырънтэкъ (деепричастие) 'не выбирая' и др.»

Спустя 10 лет после опубликования в Санкт-Петербурге первой научной грамматики «Сочинения...» [16], священником Троицкой церкви с. Еловского Глазовского уезда Захарием Кротовым был составлен удмуртско-русский словарь, опубликованный лишь в 1995 году. С точки зрения морфологии «Краткой Вотской словарь съ россЇйскимъ переводомъ собранный и по Алфавиту расположенный села Еловскаго Троицкой церкви священникомъ ЗахарЇєю Кротовымъ, 1785 года» интересен тем, что у большинства представленных слов имеются какие-либо грамматические указания: для имен существительных — суффикс родительного падежа —лэнъ; для глаголов — спряжение и т. д. Наречия в словаре отмечены пометой нарѣчіе. К наречиям автор относит 191 слово.

Неверно включены в разряд наречий: 1) деепричастия (напр.: валаса 'совниманіемъ' [12. С. 20], дуд дытекъ 'непрестанно, непрестанный' [12. С. 55], жалятекъ 'нежалостно' [12. С. 61], зекъ яскыса 'гордо' [12. С. 64], исаскытекъ 'безшутокъ' [12. С. 69]), 2) сочетания с местоимением ас (напр.: ачим: асмактазъ (лит. ас мактаз) 'безъ ума какъ скотина' [12. С. 6], асламъ сяменъ 'побратски' [12. С. 6], ас визмыныз 'наизустъ' [12. С. 7]), 3) числительные с компонентом (послелогом) пол (напр.: кызьполъ 'дватцатью' [12. С. 108], кыкъполъ 'дважды' [12. С. 110], ниль полъ 'четырежды' [12. С. 146], тямысъ полъ 'осмью' [12. С. 229]), 4) послелог сямен и сочетания с данным послелогом (напр.: сяменъ 'извъстно, наподобіе, вправду, подлинно' [12. С. 213], калыкъ сяменъ 'по народному обычаю' [12. С. 74], кыйканъ-сяменъ 'звърски' [12. С. 109], кышно сяменъ 'женски, поженски' [12. С. 117], мукетъ сяменъ 'иначе, инымъ образомъ' [12. С. 138], орціонъ сяменъ 'мимоходомъ' [12. С. 158]) и 5) причастие (напр.: быдестемъ 'совершенно' [12. С. 17]).

«Принадлежит къ числу книгъ библіотеки Семинаріи Вятской яко истинный плодъ семинаріи воспитанника вотяцескимъ новокрещеннымъ Се(?)кинъ села Укану священника Михаила Могилина». С данных слов начинается грамматика М. Могилина «Краткой отяцкія грамматики опытъ», составленная автором в 1786 году. Глава, посвященная наречиям (О наречіи), изложена на 7 страницах. Начинается она с определения, данного наречиям: «Нарѣчіе есть простая и несклоняемая часть слова, которая кладется при глаголахъ и именахъ для болшаго смысла изъясненія». Далее следует лексический материал, включающий 148 лексических единиц.

В отличие от словаря 3. Кротова [12] и перечня слов в «Сочиненія...» [16], встречаем гораздо меньше несоответствий.

В 1851 г. из печати вышла первая научная грамматика удмуртского языка Ф. И. Видеманна под названием «Grammatik der wotjakischen Sprache nebst einem kleinem wotjakisch-deutschen und deutsch-wotjakischen Wörterbuche». Структуру, достоинства и недостатки которой подробно охарактеризовал И. В. Тараканов [17. С. 340–361].

Наречия в данной грамматике рассматриваются с 211 по 224 параграфы [28. С. 218–247]. В начале раздела автор указывает, что одно и то же слово в удмуртском языке может выступать и в качестве наречия, и в качестве прилагательного, и в качестве существительного.

В труде немецкого ученого отмечено, что наречия места и времени, подобно существительным, склоняются по падежам: входный, исходный и предельный [28. С. 219].

- Ф. И. Видеманн дает классификацию наречиям по семантическим признакам. Всего выделены три группы, которые, в свою очередь, подразделяются еще на три подгруппы:
- 1) коррелятивные наречия места (Correlative Adverbe des Ortes): а) вопросительные и относительные (Interrogative und relative): кытын 'где', кытчы 'куда', кытыс' 'откуда', кыччыоз' 'докуда; б) указательные (Demonstrative): отын 'там', отчы 'туда', отыс' 'оттуда', татын 'здесь', таччы 'сюда', татыс' 'отсюда'; в) отрицательные (Negative). Как отмечает автор [28. С. 221], данная подгруппа наречий образуется с помощью отрицательных приставок ("negativen Pronomina") но- или нено- (нокытын (н'энокытын) 'нигде', нокыччы 'никуда', нокытыс' 'ниоткуда') и с помощью употребления но в постпозиции (нокытынно (н'энокытын-но) 'нигде');
- 2) коррелятивные наречия времени (Correlative Adverbe der Zeit): а) вопросительные и относительные (Interrogative und relative): ку 'когда', кыз'ы 'как'; б) указательные (Demonstrative): соку 'тогда'; в) отрицательные (Negative): нокуно (неноку-но) 'никогда';
- 3) наречия образа и способа (Adverbe der Art und Weise): а) вопросительные и относительные (Interrogative und relative): кыз'ы 'как', кöн'а 'сколько'; б) указательные (Demonstrative): оз'ы, оз' 'так', так', так', так', сокэм 'столько'; в) отрицательные (Negative): нокыз'ы (ненокыз'ы) 'никогда' или нокыз'ы-но (ненокыз'ы-но).

В 1896 г. Ю. Вихманн опубликовал работу финского ученого Т. Г. Аминоффа, занимавшегося в свое время сбором и публикацией текстовых и лексических материалов по различным удмуртским диалектам, под названием «Votjakin ääne- ja muoto-opin luonnos» («Эскизы по фонетике и морфологии удмуртского языка») [22].

В начале раздела по морфологии отмечено, что четкого разграничения между большинством частей речи в удмуртском языке не существует. В качестве примеров приведены слова bur 'хорошо; доброта' и šo'ner 'правильный; правильно' [22. С. 20].

К сожалению, отдельным разделом наречия в данной работе не выделены, некоторую информацию о них мы встречаем в разделе «Склонение существительных». Все наречия, которые образовались способом адвербиализации, автор рассматривает как существительные, при этом выделяя их основу + падежный суффикс [22. С. 24–27].

Обстоятельства места в удмуртском языке рассмотрены в труде Д. Р. Фокоша-Фукса «A lokativusz-féle határozók a votjákban» [23].

Формы на -ti, -t'i (к. kjten 'где', удм. kjtjś 'откуда', к. seten 'там', taten 'сдесь', удм. tatjn 'сдесь', otjn 'там') в коми и удмуртском языках рассматривает в своей

работе «Zur permischen grammatik» («К пермской грамматике») Ю. Вихманн и отмечает, что они состоят из двух локативных элементов – t и i [26. С. 158].

Бесспорно, огромным вкладом в удмуртскую лингвистику стали и такие лексикографические труды, как «Syrjänisch-deutsches Wörterbuch nebst einem wotjakisch-deutsches im Anhange und einem deutschen Register» [29], «A votják nyelv szótára» [24], «Wotjakische Chrestomathie mit Glossar» [25] и «Wotjakischer Wortschatz» [27]. Зачастую, авторами данных словарей не отмечена принадлежность слов к той или иной части речи.

В 1921 г. была опубликована «Краткая грамматика языка Удмурт» П. П. Глезденева. Автор пишет, что «наречия служат для пояснения различных частей речи. Наречия поясняют: 1) имя существительное, 2) имя прилагательное, 3) имя числительное, 4) местоимение, 5) глагол и 6) другое наречие» [6. С. 40].

Выделены следующие разряды наречий: 1) наречия образа действия (берен, вамен, умой, умойтэм и т. д.); 2) наречия места (азь, азьлань, артэ, дорын, котыр и т. д.); 3) наречия времени (азьло, аскы, берэ, бер, берлань и т. д.); 4) наречия количества и степени (данак, ичи, ичиен-ичиен, нош, ношик и т. д.); 5) наречия причины и цели (марлы, марзэ, макэ, мар, ма и т. д.); 6) наречия утверждения (бен, бен-бен, я, ялэ-ка, яралоз и т. д.); 7) наречия отрицания (öвöл, озь-öвöл и т. д.); 8) наречия предположения (керэк, лэся, маке со, озь-кено, озь-кадь).

В конце главы Глезденев отмечает, что в качестве наречий могут выступать качественные прилагательные * и некоторые существительные ** [6. С. 40].

Интересный подход к принципам разграничения и классификации частей речи встречаем в учебнике Γ . Е. Верещагина «Руководство к изучению вотского языка» [4].

Автор отмечает: «Наречий в вотском языке множество» [4. С. 100] — и выделяет следующие разряды наречий: 1) наречия времени (Калык валлян урче улэм 'Люди прежде жили мирно'); 2) наречия места (Коркаен кеносэн вискын тыремын пу 'Между избой и амбаром сложены дрова'); 3) наречия уверения (Зэм-ик, со адями урод вылэм 'Точно, тот человек был худой'); 4) наречия указания (Тазьы лэсьты 'Этак делай'); 5) наречия, усиливающие какое-нибудь качество, и наречия образа действия (Милям дышетысьмы ортчыт лек 'Наш учитель очень сердит'); 6) наречия вопроса (Кызьы ужалом огнам? 'Как буду работать один?'); 7) условные наречия (Дурыны быгатымтэ-бере, малы дурыны дауртйськод? 'Если не умеешь ковать, зачем занимаешься ковкой'); 8) наречия пути (Вал-вылын ветлыны кудызлы зуркыт потэ 'Иному верховая езда кажется тряской'); 9) наречия просьбы (Быдысик сёт валдэ вукоэ ветлыны 'Пожалуйста, дай лошадь съездить на мельницы'); 10) наречия отрицания (Уд мын 'Не пойдешь (ты)'); 11) наречия неопределенности (Вочак куномы бускеле потйзы 'Все гости

^{* «}Прилагательные качественные могут служить наречиями. В этих случаях они в предложении занимают место около сказуемого. При этом они никаким изменениям в форме не подвергаются. Напр., прилагательное люгыт может служить без всякого изменения в форме и наречием, и существительным. Все зависит от того, где оно, т. е. слово люгыт, занимает место в предложении» [6. С. 41].

^{** «}Существительные (некоторые) могут служить наречиями. Причем они принимают частичку -ын. Напр. nы ∂ - nы ∂ ын, yй - yйын и т. д.» [6. С. 41].

(наши) в соседи [т. е. к соседям] ушли'); 12) наречия количества (*Шубаэ мынам овол-но, толалтэ кык-полэс дукесэн ветлйсько* 'Шубы у меня нет, потому зимой в двух зипунах хожу'); 13) наречия понудительные (*Сэрыт лык* 'Скорее иди') [4. С. 100–105].

Г. Е. Верещагин предпринял попытку отграничения в удмуртском языке недифференцированных частей речи. Он подчеркивает, что наречие следует при глаголе, а послесловие в склонениях – при предмете [4. С. 106].

Автор рассматривает образование наречий. По его мнению, наречия образовались от корней и разных звукоподражаний, например: *чык-чык, тур-тур, кычак, сур-сур*. Также в наречия обращаются те же существительные и послесловия... [4. С. 100].

Новшеством в его работе является указание формы превосходной степени. «Превосходнейшие степени, в какой могут выразить только наречия *ортчыт*, уката, укыр... Положительная и превосходная степени употребляются в смысле наречий, если они употреблены при глаголах, например: курыт лэсьтйд 'горько сделал (ты)', туж чебер лэсьтйд 'очень красиво сделал (ты)', уката дуно вузаськод 'весьма дорого продаешь' и др.» [4. С. 78].

Заслуживает внимания и другая работа Г. Е. Верещагина «Удмурт грамматика: кык кылын – удмурт кылын, дзюч кылын» [4]*. В отличие от первой, здесь дополнительно выделены следующие разряды наречий: 1) наречия неизвестности: оло-ма 'что-то', оло-кытиы 'куда-то', оло-кин 'кто-то' [4. С. 240]; 2) наречия просьбы: 6ыдысь-ик 'пожалуйста' [4. С. 240]; 3) наречия полноты: mыр 'полно' [4. С. 240]; 4) наречия запретительности: 9н 'не' [4. С. 240].

В грамматике А. И. Емельянова (Грамматика Вотяцкого языка) 1927 г., при морфологической классификации указано, что «все слова, входящие в состав вотяцкой речи, по своему происхождению могут быть отнесены к двум основным категориям: глаголам и именам» [9. С. 63]. Наречия отнесены к именам**.

Автор не предпринимает попытки отделить наречия от других частей речи. Он пишет: «Между именами самостоятельными, прилагательными и наречиями даже с внутренней стороны не замечается резкой грани, которую можно было бы провести, разделив их раз на всегда на определенные группы. Язык свободно пользуется ими для какой угодно цели» [9. С. 84]. Также автор не согласен с мнением о неизменяемости наречий в удмуртском языке: «Вообще к вотяцкому наречию менее всего приложимо стереотипное определение его в грамматиках, как неизменяемой части речи. Наречие в вотяцком языке имеет целый ряд падежей: puṭskin внутри – inessiv; puṭski внутрь – illative; puṭskiś изнутри – elativ; и даже именит. падеж: pir potini проходить» [9. С. 85].

^{* «}В рукописной грамматике отсутствуют сведения о времени ее создания. Судя по особенностям орфографии, датировку написания этой работы мы можем приблизительно отнести к периоду после принятия реформы русской орфографии в 1918 году» [4. С. 7].

^{** «}К отделу имен мы относим не только имена в собственном смысле этого слова: самостоятельные (substantiva), прилагательные (adjektiva), местоимения (pronomina), числительные (numeralia), но также наречия (adverbialia) и послелоги (postpositia), в виду слишком ясных следов их происхождения от имен» [9. С. 84].

«Удмурт кылрадъян» И. В. Яковлева [21] – первая грамматика удмуртского языка, изданная на удмуртском языке с использованием удмуртской грамматической терминологии. Части речи подразделяются на 1) изменяемые – существительное, прилагательное, числительное, местоимение, 2) неизменяемые – наречие, послелог, союз, междометие, частица и 3) отдельно глагол.

Наречия объяснены как слова, определяющие действие [21. С. 54]. Автор делит наречия на следующие разряды: 1) наречия времени (дырзэ валэктйсез): весь 'постоянно', ини 'уже', ялан 'постоянно' и т. д; 2) наречия места (интызэ валэктйсез): выллань 'наверх', матын 'близко', отын 'там' и т. д.; 3) наречия образа действия (кызьызэ валэктйсез): туж 'очень', валче 'вместе', юри 'нарочно' и т. д.; 4) наречия вопросительные (юамез валэктйсез): кызьы 'как', бен 'да', макем 'сколько' и т. д.; 5) наречия отрицательные (луымтэез валэктйсез): овол 'нет'; 6) наречия количества (конязэ валэктйсез): пол 'раз', ожытак 'немножко', чошен 'вместе' [21. С. 56–57].

В качестве аффикса сравнительной степени И. В. Яковлев указывает суффикс -гем (азьлогем 'раньше', матэгем 'ближе', шонеракгем 'прямее') [21. С. 57].

Взяв за основу грамматики И. В. Яковлева, П. П. Глезденева, Г. Е. Верещагина и А. И. Емельянова, П. Д. Горохов составил «Учебник удмурт языка» [7].

Классификация наречий по разрядам у П. Д. Горохова и И. В. Яковлева совпадают. Выявлять какие-либо неточности нет необходимости, так как вся классификация и все примеры совпадают.

Автором ставится под сомнение неизменяемость наречий: «Будучи употреблены в значении существительных, что бывает очень часто, изменяются как по падежам, так и по числам, напр.: вылланьёс турнаны кутскизы ни; вылланьёслэн туэ турымзы туж удалтэм» [7. С. 150]. Следует отметить, что в данном примере слово вылланьёс 'живущие выше' является субстантивированным существительным, поэтому во втором случае данное слово принимает суффикс множественного числа.

С исторической справки начинает описание наречий С. П. Жуйков в «Учебнике удмуртского языка для русских ФЗС и ШКМ 5 и 6 года обучения» [10]. «Наречие, как часть речи, или грамматическая категория, позднейшего происхождения» [10. С. 104].

Автором выделены 1) наречия времени (дырзэ возьматйсь сямнимъёс), 2) наречия места (интызэ возьматйсь сямнимъёс) и 3) наречия образа действия (кызьызэ возьматйсь сямнимъёс) [10. С. 105].

С. П. Жуйков впервые определил синтаксические признаки наречий как выступление в роли обстоятельственного слова: «Когда мы разбираем предложение по членам предложения, то говорим обстоятельственное слово, по частям речи мы говорим наречие. Следовательно, наречия стоят вместо обстоятельственных слов» [10. С. 105].

В данной работе встречаем неверное утверждение о том, что в удмуртском языке, в отличие от русского:

1) наречия изменяют свои окончания по лицам и падежам (татын 'здесь', татчы 'сюда', татысь 'отсюда') [10. С. 108];

2) наречия в удмуртском языке имеют притяжательные формы и, как имена существительные, изменяют свои окончания по лицам в единственном и во множественном числе (Со дорам пуксиз 'Он около меня сидел', Иван возад пуке 'Иван сидит возле тебя', Мон возаз пуки 'Я сидел возле него') [10. С. 109].

Относительно происхождения и омонимии частей речи автор пишет, что наречие первоначально обозначало какое-либо имя или действие. Наречия произошли от имен существительных и глаголов [10. С. 104]. Изменение наречий по лицам показывает близость происхождения наречий от имен существительных. Эти же наречия могут быть и послелогами [10. С. 109].

Следует отметить учебник А. А. Поздеевой «Удмурт кыл грамматика. Нырысетй люкетэз. Фонетика но морфология 5 но 6 классъёслы» [15], в котором системно раскрыта теория наречий: от определения до правил их правописания. Отмечено [15. С. 176], что наречия способны определять не только действия, но и признаки (прилагательные), причастия, деепричастия и другие наречия.

А. А. Поздеева делит наречия на 5 основных групп: 1) наречия места; 2) наречия времени; 3) наречия образа действия; 4) наречия причины; 5) наречия степени и количества [15. С. 177].

Она выделяет большинство способов образования наречий [15. С. 181–183] и отмечает, что формы образования степеней сравнения наречий совпадают с формами степеней прилагательных. Выделены также сравнительная и превосходная степени сравнений наречий: сравнительная – посредством суффикса -гес или -гем (кужмогес 'сильнее', матэгес 'ближе', кезьытес 'холоднее'), и превосходная – с помощью прибавления наречия туж 'очень' (туж жог 'очень быстро') [15. С. 183–184].

В своей статье «Наречие» С. Баженов справедливо замечает способность наречий определять и действия, и признаки самих себя. В качестве примеров приводятся предложения с наречиями *туж* 'очень', *уката* 'еще' [3. С. 111].

По признаку определения наречия разделяются на две группы: наречия действия и наречия признака. Наречия одной группы не заменимы наречиями другой группы. Например, нельзя сказать — жог чебер 'быстро красивый', туж мынэ 'очень идет' (глагол движения); но можно — жог ужа 'быстро работает', чебер гожъя 'красиво пишет' [3. С. 112].

Заслуживают внимания доводы о наречиях места. Эту группу слов автор подразделяет на наречия, определяющие глаголы конкретного действия и глаголы состояния (улыны 'жить', вераськыны 'разговаривать'), и наречия, определяющие глаголы движения (мыныны 'идти', лобаны 'летать'). Связь этих групп заключается в том, что если наречие первой группы определяет глагол движения, то этот глагол перестает указывать на перемещение, напр.: аэроплан вылын лобе 'аэроплан летает высоко', здесь вылын указывает лишь на местонахождение, хотя лобе 'летает' глагол движения [3. С. 112–113].

Отмечены некоторые способы образования наречий. Деепричастия, не образующие оборота и стоящие непосредственно рядом со сказуемым, названы наречиями, напр.: гырыку ой жадьы 'пахая не устал', егитьёс лудэ кыр заса мыно 'молодые на поле идут с песней' [3. С. 117].

П. Н. Перевощиков предлагает системное объяснение образования наречий. Кроме аффиксальных способов образования выделены два синтаксических: 1) повторение одного и того же слова (дырын-дырын 'временами, время от времени', радэн-радэн 'рядами-рядами'); 2) сочетанием слов (випьымтэ шорысь 'неожиданно') [14. С. 422].

В 1962 г. выходит в свет коллективный труд «Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология», в котором раздел «Наречие» составлен В. М. Вахрушевым. По своим значениям наречия разделены им на обстоятельственные и определительные (качественные) наречия.

Дано определение наречиям как «части речи, обозначающей различные признаки действия и признаки (степень) признаков» [8. С. 294]. В целом описание наречий удмуртского языка носит вполне законченный и системный характер в том смысле, что при выделении наречия как грамматической категории использованы его морфологические, синтаксические и словообразовательные критерии.

В 1983 г. В. И. Алатырев составил «Краткий грамматический очерк удмуртского языка» для «Удмуртско-русского словаря» [19]. Все основные положения были переданы автором с учетом вышедшей ранее «Грамматики современного удмуртского языка» [8].

В 2003 г. на кафедре современного удмуртского языка и методики его преподавания УдГУ А. А. Алашеева издала препринт «Туала удмурт кыл. Сямкыл» [1], где отражены основные лексико-семантические разряды удмуртских наречий с последующей их классификацией, рассмотрены основные способы образования наречий, приведен иллюстративный материал из произведений художественной литературы [1. С. 3–30].

В 2008 г. коллектив авторов УИИЯЛ УрО РАН подготовил «Удмуртско-русский словарь» [20], представляющий собой 2-ое доп., переработ. изд. «Удмуртско-русского словаря», вышедшего в 1983 г. К словарю [20] в качестве приложения дан «Краткий грамматический очерк удмуртского языка» [11. С. 827–864], переработанный и дополненный Д. А. Ефремовым и Н. В. Кондратьевой с учетом материалов готовящейся книги по удмуртской морфологии.

Наряду с обстоятельственными и определительными наречиями, авторы данного труда выделяют также третий семантический разряд — наречия, выражающие категорию состояния [11. С. 857]. Кроме степеней сравнения наречий, отдельной группой выделены их степени качества [11. С. 857].

Коллектив авторов факультета удмуртской филологии УдГУ издает в 2011 г. работу на удмуртском языке под названием «Удмурт кыллэн кылкабтодосэз». В отличие от «Грамматики современного удмуртского языка» 1962 г., в данном труде дополнительно выделены такие разделы, как «Местоименные наречия» [18. С. 297–298] и «Степени качеств наречий» [18. С. 310–312].

ПРИМЕЧАНИЯ

 $1.\ Aлашеева\ A.\ A.\ Туала удмурт кыл: Сямкыл. Азьпечатлос / Удмурт кун университет. Туала удмурт кылъя но сое дышетон амалъёсъя кафедра. Ижкар: «Удм. ун-т» книга поттон корка, 2003. 31 б.$

- 2. *Алатырев В. И.* Введение / Первая научная грамматика удмуртского языка / Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР. Ижевск: Удмуртия, 1975. С. 3–15.
- 3. *Баженов С.* Наречие // Удмурт кылын морфология но синтаксис вопросъёс. 1-тй сборник. Ижевск, 1939. С. 111–119.
- 4. Верещагин Г. Е. Собр. соч.: В 6 т. / Под ред. В. М. Ванюшева. Т. 6. Кн. 1.: Труды по языкознанию / Отв. за выпуск Л. Е. Кириллова; авт. предисл. и коммент. Л. Л. Карпова и Л. Е. Кириллова. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2002. 291 с.
- 5. Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М.: Высшая школа, 1972. 614 с.
  - 6. Глезденев П. П. Краткая грамматика языка народа удмурт. Вятка, 1921. 55 с.
  - 7. Горохов П. Д. Учебник удмурт языка. Ижевск, 1929. 232 с.
- 8. Грамматика современного удмуртского языка: Фонетика и морфология / Под ред. П. Н. Перевощикова. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1962. 376 с.
- 9. *Емельянов А. И.* Грамматика вотяцкого языка / ЦИК СССР. Л., Восточный интим. А. С. Енукидзе. Л.: Изд-во Ленингр. восточного ин-та, 1927. 160 с.
- 10. Жуйков С. П. Учебник удмуртского языка для русских ФЗС и ШКМ 5 и 6 года обучения. Ижевск: Удм. гос. изд-во, 1933. 117 с.
- 11. Алатырев В. И., Ефремов Д. А., Кондратьева Н. В. Краткий грамматический очерк удмуртского языка // Удмуртско-русский словарь: Ок. 50 000 слов / РАН. УрО. Удм. ин-т ИЯЛ; Сост. Т. Р. Душенкова, А. В. Егоров, Л. М. Ившин, Л. Л. Карпова, Л. Е. Кириллова, О. В. Титова, А. А. Шибанов; Отв. ред. Л. Е. Кириллова. Ижевск, 2008. С. 827–868.
- 12. Кротов 3. Удмуртско-русский словарь / РАН. УрО. Удм. ин-т ИЯЛ. Ижевск, 1995 (= Краткой Вотской словарь съ россійскимъ переводомъ собранный и по Алфавиту расположенный села Еловскаго Троицкой церкви священникомъ Захарією Кротовымъ, 1785 года). XX + 208 с. (Памятники культуры Удмуртии: Лингвистическое наследие: Памятники удмуртской филологии I).
- 13. *Могилин М.* Краткой отяцкія Грамматики опытъ = Опыт краткой удмуртской грамматики / Отв. ред. Л. Е. Кириллова; Слово к читателям Л. Е. Кириллова; Предисл. К. И. Куликова; Прил. Т. И. Тепляшиной. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998. 203 с. (Памятники культуры Удмуртии: Лингвистическое наследие). Комм.: с. 121–191; Прил.: с. 192–201.
- 14. *Перевощиков П. Н.* Краткий очерк грамматики удмуртского языка: Синтаксис, лексика, морфология // Удмуртско-русский словарь. М., 1948. С. 371–445.
- 15. *Поздеева А. А.* Удмурт кыл грамматика. І люкетэз. Фонетика но морфология 5 но 6 классъёслы. Ижевск: Удмуртгосиздат, 1949. 207 б.
- 16. Сочиненія принадлежащія къ грамматикъ вотскаго языка. Въ Санктпетербургѣ при Императорской АкадемЇи наукъ 1775 года. 113 с. [В кн.: Первая научная грамматика удмуртского языка / Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при СМ УАССР. Ижевск: Удмуртия, 1975. С. 3–15 + 113 + 17].
- 17. *Тараканов И. В.* О первой научной грамматике удмуртского языка Ф. И. Видемана // Тараканов И. В. Исследования и размышления об удмуртском языке: Сб. статей: Пос. для высш. уч. завед. Ижевск: Удмуртия, 1998. 340–361.
- 18. Удмурт кыллэн кылкабтодосэз Удмурт кыллэн кылкабтодосэз (морфологиез): Тодослыко дышетскон издание (А. А. Алашеева, Д. А. Ефремов, Т. М. Кибардина, Н. В. Кондратьева, С. В. Соколов, О. Б. Стрелкова, И. В. Тараканов, Н. Н. Тимерханова, А. Ф. Шутов; Кылкутйсь ред. Н. Н. Тимерханова). Ижевск: «Удмуртский ун-т» книгапоттонни, 2011. 408 б.
- 19. Удмуртско-русский словарь: Ок. 35000 слов / А. С. Белов, В. М. Вахрушев, Н. А. Скобелев, Т. И. Тепляшина; Под ред. В. М. Вахрушева / НИИ при СМ УАССР. М: Рус. яз., 1983. 592 с.

А. А. Шибанов

20. Удмуртско-русский словарь: Ок. 50000 слов / РАН. УрО. Удм. ин-т ИЯЛ; Сост. Т. Р. Душенкова, А. В. Егоров, Л. М. Ившин, Л. Л. Карпова, Л. Е. Кириллова, О. В. Титова, А. А. Шибанов; Отв. ред. Л. Е. Кириллова. Ижевск, 2008. 925 с.

- 21. Яковлев И. В. Удмурт кылрадъян: Элементарная грамматика вотского языка. Ижевск: Удкнига, 1927. 87 б.
- 22. Aminoff T. G. Votjakin ääne- ja muoto-opin luonnos. Julkaissut Yrjö Wichmann // Journal de la Société Finno-Ougrienne. 1896. Vol. 14. S. 1–48.
- 23. Fuchs D. R. A lokativusz-féle határozók a votjákban // Nyelvtudományi közlemények. 1906. 36 szám. 207-250, 399-447 old.
  - 24. *Munkácsi B.* A votják nyelv szótára. Budapest, 1896. XVI + 758 l.
  - 25. Wichmann Y. Wotjakische Chrestomathie mit Glossar. Helsingfors, 1901. V+134 S.
- 26. Wichmann Y. Zur permischen Grammatik // Finnisch-ugrische Forschungen. 1924. XVI. S. 146-163.
- 27. Wichmann Y. Wotjakischer Wortschatz. Aufgezeichnet von Yrjo Wichmann. Bearbeitet von T. E. Uotila und Mikko Korhonen. Herausgegeben von Mikko Korhonen. Helsinki, 1987 (Lexica societatis fenno-ugricae). XXIII + 421 S.
- 28. Wiedemann F. J. Grammatik der wotjakischen Sprache nebst einem kleinen wotjakischdeutschen und deutsch-wotjakischen Wörterbuche. Reval, 1851. 390 S.
- 29. Wiedemann F. J. Syrjänisch-deutsches Wörterbuch nebst einem wotjakisch-deutsches im Anhange und einem deutschen Register. St.-Petersburg, 1880. XIV + 692 S.

Поступила в редакцию 17.10.2012

A. A. Shibanov

Histori of studying of adverbs in the Udmurt language

Adverb one of late grammatical categories. The first work in which the Udmurt adverbs for the first time are designated, the grammar of the Udmurt language of 1775 is. Further adverbs are considered in works of such authors, as Z. Krotov, M. Mogilin, F. J. Wiedemann, P. P. Glezdenev, G. E. Vereschagin, A. I. Emelyanov, etc. The latest work «Удмурт кыллэн кылкабтодосэз» is dated 2011.

Keywords: morphology, adverb, Udmurt language, grammar, parts of speech, wordformation, textbook of the Udmurt language.

Шибанов Алексей Александрович,

кандидат филологических наук, младший научный сотрудник, Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения РАН г. Ижевск

E-mail: jarik7979@mail.ru

Shibanov Alexey Alexandrovich,

Candidate of Science (Philology), younger research associate, Udmurt Institute of history, language and literature Ural branch of the Russian Academy of Sciences Izhevsk

E-mail: jarik7979@mail.ru

УДК 81.511.131'373:008

Т. Р. Душенкова

ПОНЯТИЯ *СТЫД* И *СОВЕСТЬ*В УДМУРТСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

«Эй, стыд, стыд, куда ты ушел?» Уходят из жизни стыд и совесть, взаимоуважение между молодыми и старыми в семье, любовь между людьми, с полным распадом последнего оплота родового быта... [2. С. 90].

Рассматриваются значимые для удмуртской лингвокультуры понятия *стыд* и с*овесть* как регуляторы поведения и концепты удмуртской культуры. Их обозначения в удмуртском языке представлены большим синонимическим рядом, что связано с диалектным, стилевым и иным употреблением.

Ключевые слова: стыд, совесть, регуляторы поведения, кöбер, керпотон, кепыр, кепыран, возьытлык, возьытбур, бесстыдство, бессовестность, ментальные установки.

Понятия *стыд* и *совесть* – это «реакция самосознания личности на нарушение установленных нравственных норм. Эти чувства возникают в результате осмысления своих желаний, действий, а также осознания их несоответствия собственным или общественным требованиям морали» [12. С. 9]. С другой стороны, *стыд* и *совесть* как ментальные образования Е. Урысон относит к невидимым органам внутри человеческого тела [13. С. 34–37].

В эпиграфе говорится об утрате *стыда* и *совести* для современного общества. На фоне других этносов проблема особенно актуальна, поскольку удмурты этими органичными для них свойствами характера с трудом вписываются в современные экономические и социальные рамки.

Стыд и совесть являются нравственными регуляторами национального/ этнического поведения. В одном из интервью этнолог Г. К. Шкляев констатирует, что представители определенных наций предпочитают ту или иную сферу деятельности. Так, русские работают, как правило, на заводах, татары торгуют

и/или руководят, удмурты заняты в строительстве или сфере бытовых/коммунальных услуг: «Туала вакытэ кивалтйсь луыны удмуртлы шуг, малы ке шуоно со возьытлыкез вала, совестез вань» [4. С. 11] ('В нынешнее время удмурту быть руководителем трудно, ибо он знает/понимает стыд, у него есть совесть'). Следует ли его слова понимать так: руководителем может быть тот, кто не имеет таковых ценностей или может пренебречь ими? М. Г. Атаманов в одной из своих книг пишет: «Людей стесняться, трудиться учил отец» [1. С. 44]. Это показывает, насколько важно было уже с детства воспитывать в себе такие качества.

Несмотря на то, что выражение стыд и совесть – устойчиво, в своей семантике они различаются. Совесть онтологически коренится в стыде и родственна ему, но она еще и стыд перед собой, чувство ответственности за совершенные безнравственные поступки. Только при наличии совести можно говорить о человеке как состоявшейся личности.

Стыд. Психологи эволюционное значение *стыда* сводят к следующему: необходим для развития навыков и умений для выживания индивида в обществе. Индивид стремится избежать наказания стыдом и начинает развивать свои способности. Если человек не выполняет своих обязанностей, если привносит в коллектив лишний элемент риска, то он может быть подвергнут унижению и изоляции. Стремление избежать наказания стыдом может стать довольно мощным мотивом поведения. Тем более мощным, чем выше человек ценит свое достоинство и свою честь [7. С. 354].

Физиологически ощущение стыда проявляется как покраснение кожи лица (гордэктыны, йыжектыны, кепыратыны 'пристыдить, вогнать в краску'), поэтому бесстыжего человека удмурты называют сурон бам* 'букв. кожаное лицо', гоно ымныр букв. 'заросший шерстью', суам бам букв. 'испачканный/измазанный сажей' (суам бамлэн бамыз öвöл букв. 'у испачканного сажей нет щеки/ лица'), то есть он теряет человеческие черты, взамен обретая животные. Человек отводит глаза, опускает/склоняет голову, теряет дар речи, что делает его бессловесным (вераськисьтям каре), робким (кышкась, кепырась). Застенчивость, стыдливость проявляется в движениях, в поведении человека: в скрытности и самоизоляции.

Стыд — более ранняя форма $cmy\partial$; слово означало ощущение холода; затем развилось значение 'срам' как метафорическое: ср. человек съеживается от холода или быстро одевается и делает то же похожим образом — оказавшись прилюдно обнаженным, желая прикрыться, поспешно что-то надевает. Это активное нежелание показываться обнаженным, а также неприятие любых нецеломудренных разговоров и действий, или — стыдливость;

— эмоциональное состояние, вызываемое осознанием человеком того, что он действовал нечестно или смехотворно, чувство или сознание предосудительного; боязнь позора, унижения перед людьми; угрызения совести по поводу дурного поступка, временная потеря самоуважения, чувства собственного достоинства. Возможные проявления — покраснение лица, закрывание лица руками. Может сочетаться с негодованием, ненавистью, гневом (по отношению к тому, кто вызвал

 $^{^*}$ Раскрытию данного понятия М. Коновалов посвятил целую повесть – «Вурысо бам» (в русском переводе «Лицо со шрамом» и передает иную семантику, выраженную визуально).

стыд), с угрызениями совести, отчаянием, растерянностью. Типичная реакция – неловкость, удовлетворение, сочувствие, злорадное наслаждение [9. С. 352–353].

Семантическая идея **стыда** заключается в следующем: испытывать/испытать чувство неловкости, вины от сознания предосудительности, неблаговидности поступка, поведения, переживание которого связано с ожиданием проявления отрицательного отношения к себе со стороны окружающих [3. С. 353]. Внешне выражается в том, что человек держится неуверенно, униженно, у него виноватая поза, он часто потеет, краснеет, говорит сбивчиво, как бы оправдываясь.

Близка к *стыду* лексема **стесняться** – испытывать/испытать на людях в течение длительного времени чувство неловкости, ложное занижение собственной личности, своих внешних данных и качества, при этом – завышение, преувеличение достоинства окружающих, что влечет за собой неуверенность, робость, застенчивость в поведении, манере держаться и говорить [3. С. 354].

«Словарь синонимов удмуртского языка» приводит следующие варианты данного понятия: возьдаськем, возьдаськон, керпотон, возьыт усён, кепыран, кепыр ваён, возьытлык 'застенчивость, стеснительность, стыдливость, конфузливость, смущение, стыд, стеснение, стесненность, неловкость'; глагольные образования — возьдаськыны, возьытаны, кепыраны, керпотыны, кепыр вайыны; зымыр-кепыр вайыны, возьыт (кепыр) луыны (потыны); гордэктыны, йыжектыны; кердыны (сев.); му пыр вияны (кошкыны) 'стыдиться, стесняться, постыдиться, постесняться, краснеть, покраснеть, совеститься, сгорать со стыда; смущаться, конфузиться; тушеваться'. О том, кто лишен чувства стыда/не умеет стыдиться, говорят коберыз но овол 'ни стыда, ни совести'. Человек же, обладающий такими качествами, соответственно — возьдаськись, керпотись, кепырась, кепыр ваись; зымыри (сев.); зымыр-кепыр ваись; керес 'застенчивый, стыдливый, стеснительный, конфузливый, красная девица (девушка)' [5. С. 55–56]. Другой словарь дает следующий синонимический ряд: керпотыны — кепыраны — кепыр вайыны — возьдаськыны — муртаны — мурт карыны — кердыны [8. С. 97].

Приведенные качества оцениваются удмуртами то положительно (возьдаськонэз уг вала на '[он] еще не знает стыда', кер уг поты '[он] не стесняется, не стыдится'), то отрицательно (возьдаськон сямыз вань 'стыдливый, застенчивый, иногда скромный' (положительно и отрицательно)). Строго осуждается...: кер но мар но потонэз уг вала '[он] не знает ни стыда, ни совести', керпотисьтэм 'наглый, бессовестный'; возьыттэм 'бесстыдник, бессовестный'; та мурт возыттэз уг вала 'этот человек не понимает стыда'; возьыттэз солэн пыдтышказ, синмыз йыртышказ 'стыд у него в пятках, глаза на затылке'; возьыттэмъяськыны 'бесстыдно вести себя, не стыдиться, не стесняться'; керпотон кенер вылын – возьдаськон возь вылын 'стыд на пряслах, смущение на лугу' и др.

Совесть (соотносится с *ведать* 'знать', *весть*, букв. 'сознание', 'совместное знание') – нравственное сознание, нравственное чутье, внутреннее сознание добра и зла, чувство, побуждающее к истине и добру и отвращающее от лжи и зла [9. С. 333].

Кроме того, совесть на удмуртском языке может быть обозначена/представлена следующими словосочетаниями: сюлэмез буйгатон понна 'для очистки совести'; поятэк, чик пояськытэк 'по совести, по чистой совести; говоря по совести' (вводное слово); шонерзэ вераса; зэмзэ ке верано; чик возьдаськытэк

'без зазрения совести', чик сюлэмшугъяськытык 'со спокойной совестью'; ас вылад луыны 'иметь на совести'; умой лэсьтыны, оскымон лэсьтыны 'делать на совесть' [10. С. 1038].

Кроме сказанного, стыд и совесть имеют бинарные оппозиции: *стыд-бесстыдство, совесть-бессовестносность* (по [12]):

	Стыд, совесть	Бесстыдство, бессовестность
1		ашкынэм бессовестный
		ашкынйсь диал. 1. наглый, обнаглев-
		ший; распоясавшийся; ведущий себя
		вольно (развязно, нагло) 2. неугомонный,
		неистовый, горячий
		ашкынон 1. сущ. от ашкыныны
		ашкыныны диал. 1. распоясаться,
		распоясываться; обнаглеть, наглеть;
		вести себя слишком вольно 2. погоря-
		читься, горячиться 3. шуметь (о людях)
		ашкынэм прич. и сущ. от ашкыныны
2	возьдаськон, возьдаськем стыд, стыдли-	
	вость, застенчивость; возьдаськон сямыз	
	вань стыдливый, застенчивый; возьдась-	
	конэз уг вала на еще не знает стыда	
3	возьыт 1. совесть, стыд 2. позор; во-	возьыттэм бессовестный, бесстыдный,
	зьытэ вуон 1) совесть, стыд 2) совестно,	бесстыжий ∥ бесстыдник ◊ возьыттэм
	стыдно; возьытэ вуттыны сконфузить;	бам бессовестный; возьыттэм син бес-
	пристыдить, устыдить; заклеймить по-	стыжие глаза
	зором; возьытэз вань на ик у него еще	
	есть совесть; возьытэз уг вала не знает	ный, бессовестный
	стыда; возьытэз ыштыны потерять	возьыттэмъяськем бесстыдство
	совесть; туж возьыт луиз стало очень	возьыттэмъяськись бесстыдник, бес-
	стыдно; синмаз возьытэз чик öвöл	стыдница
	у него нет никакой совести; солэн возьы-	возьыттэмъяськон сущ. от возьыт-
	тэз пыдтышказ он бессовестный (букв.	тэмъяськыны
	у него совесть в пятках)	возьыттэмъяськыны бесстыдно вести
		себя, не стыдиться, не стесняться
4	возьытаськон сущ. от возьытаськыны	
	возьытаськыны стыдиться; стесняться	
5	возьытбур диал. совесть, стыд	
	возьыто-буро стыдливый, застенчивый	
6	возьытлык скромность, стеснительность	
7	возьытан сущ. от возьытаны	
	возьытаны устыдиться, стыдиться; за-	
	стесняться, стесняться	
8	кекоръяськыны диал. чувствовать себя	
	неловко, стесняться	
	кекоръяськон сущ. от кекоръяськыны	

9	кепырес, кепрес стеснительный, застен-	
	чивый, стыдливый	
	кепырет стесняющийся	
1.0	-	
10	кепыр: кепыр ваён застенчивость;	
	кепыр вайыны (потыны) стесняться,	
	постесняться; смущаться; стыдиться, по-	
	стыдиться	
11	кепыран стеснительность, застенчи-	
	вость; смущение; стыдливость	
	кепыраны 1. стесняться; смущаться;	
	стыдиться 2. побаиваться, трусить	
	кепыратон сущ. от кепыратыны	
	кепыратыны пристыдить, вогнать	
	в краску	
12	кер диал. стеснение, неудобство; кер уг	
	поты [он] не стесняется, не стыдится;	
	кер но мар но потонэз уг вала [он] не	
	знает ни стыда, ни совести; кер вайыны	
	· · · · · · · · · · · · · · · · · · ·	
12	стыдиться	
12	керес неудобно, неловко; керес потыны	
	стыдиться, постыдиться ◊ ым кересэз	
	ӧвӧл не сдержан (в словах)	
13	кисыраны II 1. подняться, подниматься	
	(о тесте), скиснуть, скисать (о молоке)	
	2. перен. размякнуть, размякать, скиснуть,	
	скисать разг. 3. перен. стесняться; боять-	
	ся; мон та адямилы юанэн вазиськы-	
	ны туж кисырасько я очень стесняюсь	
	(боюсь) обратиться к этому человеку	
	с вопросом	
1.4	кöберан 1. стеснение 2. боязнь; кöбера-	кöберасьтэм 1. нестеснительный, не-
14		· ·
	ны 1. постесняться, стесняться, посты-	робкий; бессовестный, наглый 2. смелый,
	диться 2. побояться, бояться; коберась	храбрый;
	1. стесняющийся, стеснительный, робкий	
	2. трусливый, боязливый трус	кобертэм 1. бессовестный, наглый; на-
		хальный 2. смелый, храбрый
15	машакатланы диал. стесняться, стес-	
	нить, утруждать, утрудить, беспокоить,	
	обеспокоить, тревожить, потревожить	
	кого-л.	
	машагат диал. 1. беспокойство, тягость,	
	суета, возня 2. медленно, кропотливо	
1.6	машагатлан сущ. от машагатланы	aanway duga Famangayyyy aanaa 5
16		сармем диал. потерявший совесть, бес-
		совестный
		сармыны диал. потерять стыд (совесть);
		стать бессовестным (безразличным)

17		Туйбам! бессовестный
18	ыштйськыны 1. затеряться, теряться	
	2. спрятаться, прятаться 3. перен. те-	
	ряться, растеряться, смутиться, сму-	
	щаться	

Стыд и совесть. В отличие от русского языка, где существуют две определенные, хотя и взаимообусловленные лексемы, в удмуртском – одним словом обозначается и то, и другое: эти понятия (часто) неразделимы, совмещены или взаимозаменяемы (особенно при переводе):

- а) кобер: коберыз но овол говорят о человеке, который 'совсем никого/ ничего не стесняется, и в ус не дует'; т.е. ни стыда ни совести. Такой человек резко осуждается обществом: коберасьтом 'нестеснительный, неробкий; бессовестный, наглый'; коберсыз диал. или кобертом 'бессовестный, наглый; нахальный'. Хотя второе значение 'смелый, храбрый' подчеркивает достоинства. Но и излишняя трусливость и боязливость не одобряются: коберан 'стеснение'; кобераны 'постесняться, стесняться, постыдиться'; коберась 'стесняющийся, стеснительный, робкий'. Второе значение лексемы боязнь, трусость. Но при этом важно иногда кобератыны 'пристыдить, припугнуть';
- б) стыд и совесть в удмуртском языке имеют общий корень возь-: возьдаськон, возьыт(лык)/возьытбур 'совесть, стыд', который часто встречается в пословицах и поговорках: Возьдаськонзэ лымы улэ кельтэм букв. 'Совесть под снегом оставил'; Возьдаськонзз возь вылын букв. 'Совесть на лугу', 'Ни стыда ни совести'; Возьдаськонз турын зуродэ сюрем букв. 'Совесть на стоге сена осталась (бессовестный)'; Возьытлэн пиньыз öвöл ке но, виымон сыске букв. 'У стыда зубов нет, но до смерти гложет'; Возьытэз пыдтышказ, синьёсыз йыртышказ букв. 'Совесть в пятках, глаза на затылке', 'Ни стыда ни совести' [6. С. 22];
- в) с понятием совести связаны также лексемы *кепыр* (возьыт) 'совесть', *кепыран* 'стеснительность, застенчивость; смущение; стыдливость', *керпотон* 'стыд': *кепыр ваён курадзытэ* 'угрызения совести'; *кепыранэз-возьытанэз овол* 'не иметь ни стыда ни совести'; *Керпотон кенер вылын*, возьдаськон возь вылын букв. 'Стыд на изгороди, совесть на лугу', 'Ни стыда ни совести' [6. С. 44].

Как ментальные органы стыд и совесть могут:

- 1) присутствовать или отсутствовать в человеческом организме: возьыттэм 'бессовестный, бесстыдный';
- 2) локализоваться в разных местах: *синмаз возьытэз чик öвöл* '[у него] нет никакой совести в глазах'; *солэн возьытэз пыдтышказ* 'он бессовестный' (*букв*. у него совесть в пятках);
- 3) расходоваться как ресурс: возьытэз вань на ик '[у него] еще есть совесть'; Нош Тим, ас выжыдылэсь висьяськыны малпась ульюс, кепыранды воксё бырем ни ке, али ик кошке син азьысь! [14. С. 9];
- 4) обретаться и утрачивать с возрастом или по исполнении /достижении определенного возраста (*кепыранэз уг вала на, кепыранэз öвöл на*), быть связаны с социализацией ребенка/индивида в обществе;

- 5) их можно потерять: возьытэз ыштыны 'потерять совесть'; Шат тон но, Дуналак, Додэ сямен ик, кепырандэ ыштйд ни? вазиськиз эксэй Бака Додэ возын сылйсь арлыдо воргоронлы [14. С. 6];
- 6) их можно прочувствовать или быть в соответствующем состоянии: возьытэз уг вала '[он] не знает стыда'; туж возьыт луиз '[ему] стало очень стыдно'; возьытэ вуттыны 'сконфузить; пристыдить, устыдить; заклеймить позором';
- 7) быть метафорическими выражениями возьыттэм син 'бесстыжие глаза'; возьыттэм бам 'бессовестный, бесстыжий || бесстыдник'; возьыттэм ым! 'бесстыжий рот (бессовестный)!', используемыми как ругательства;
- 8) можно раскраснеться, разрумяниться от смущения/стыда: керпотэмен гордэктыны;
  - 9) заставляют страдать (кепыр ваён курадзытэ).

Таким образом, в удмуртской лингвокультуре *стыд* и *совесть* взаимосвязаны, взаимозаменяемы. Нередко они становятся нравственными регуляторами этнического поведения. На важность этих концептов указывает представленное выше богатство лексических синонимов, где, на наш взгляд, возможна особая иерархия/градация единиц.

Психологи утверждают, что *стыд* и *совесть* – суть одна эмоция, по-разному представленная в сознании. Именно эмоция *стыда* способствует формированию групповых норм и поддержанию общего согласия по отношению к ним. Способность к *стыду* можно рассматривать как одну из социальных способностей человека, которая обуздывает эгоцентрические позывы индивида. Человек, имеющий *стыд* и *совесть*, оценивается положительно, поскольку он регулирует свое поведение, в нем заложен нравственный закон.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1. *Атаманов М. Г.* За 4 моря в Иерусалим. Ижевск, 2010.
- 2. *Атаманов-Эграпи М. Г.* Происхождение удмуртского народа. Ижевск: Удмуртия, 2010. 576 с.
  - 3. Большой толковый словарь современного русского языка. СПб., 2008.
- 4. $\it Baxumoвa~O$. Мар понна вордске удмурт (интервью с Γ . К. Шкляевым) // Удмурт дунне. 2012. 20-тй толшор. 6 б., 11 б.
- 5. *Вахрушев В. М.* Синонимъёсын удмурт-зуч кылбугор = Удмуртско-русский словарь синонимов. Ижевск: Удмуртия, 1995. 280 с.
- 6. Средства образного выражения в удмуртском языке / Сост. К. Н. Дзюина. Ижевск: Удмуртия, 1996. 144 с.
  - 7. Изард К. Психология эмоций. СПб.: Питер, 2002. 464 с.
- 8. *Кельмаков В. К.* Удмурт синоним кыллюкам: Дышетскисьёс но дышетйсьёс понна. Ижевск: Удмуртия, 2009. 296 б.
- 9. Летягова T. B. Тысяча состояний души: краткий психолого-филологический словарь / T. B. Летягова, H. H. Романова, A. B. Филиппов. 2-е изд., испр. M.: Флинта: Наука, 2006. 424 с.
  - 10. Русско-удмуртский словарь. М., 1956.
- 11. *Терентьева О. Н.* Ценностный мир чувашей: нравственность и мировосприятие / Чуваш. гос. ин-т гуманит. наук. Чебоксары, 2011. Вып. 5. 34 с.

- 12. Удмуртско-русский словарь / Гл. ред. Л. Е. Кириллова. Ижевск, 2008.
- 13. *Урысон Е. В.* Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике. М.: Языки славянской культуры, 2003. 224 с.
  - 14. Бехматов Н. Юсьёс но кучъёс: Роман. Ижевск: Удмуртия, 1995.

Поступила в редакцию 24.10.2012

T. R. Dushenkova

The concepts of «shame» and «conscience» in Udmurt linguoculture

The article deals with such concepts as shame and conscience. They are of great importance for Udmurt linguoculture. Besides, they are regulators of behaviour. The content of these concepts for Udmurt culture is opened. Their designations in Udmurt language which are represented with a big synonymic row are given. It is connected with dialectic/style and other use.

Keywords: shame, conscience, regulators of behaviour, impudence, dishonesty, mental attitude.

Душенкова Татьяна Рудольфовна,

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения РАН

г. Ижевск

E-mail: dushenkovatr@mail.ru

Dushenkova Tatyana Rudolfovna,

Candidate of Science (Philology), senior research associate, Udmurt Institute of history, language and literature Ural branch of the Russian Academy of Sciences Izhevsk

E-mail: dushenkovatr@mail.ru

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

УДК 398(=511.131)

Т. В. Окунева

УРОВНИ ИНФОРМАТИВНОСТИ УДМУРТСКОГО СВАДЕБНОГО ТЕКСТА

Статья посвящена рассмотрению удмуртской свадьбы в качестве текста, состоящего из многоуровневого информационного потока. За основу берется семантический аспект процесса развертывания обрядовых действ во всем разнообразии составляющих кодов: акционального, предметного, вербального т. д. На таком уровне анализа наблюдается некая метасистема, имеющая сложную структуру, суть которой можно понять лишь при учете всего контекстного потока.

Ключевые слова: удмуртская свадьба, этапы обряда, текст, уровни информативности, коды обряда, контекст.

К числу наиболее значимых и «читаемых» фольклорных «текстов» в контексте обрядов жизненного цикла удмуртов, несомненно, относится свадебный ритуал, представляющий собой один из ярчайших образцов синкретизма слова и действия, реалий и символов, номинаций и поэтики. Изучение этого особого текста сопряжено с некоторыми трудностями, поскольку он не однороден и имеет различные уровни информативности, что в большей мере обусловлено его «многослойной» структурой, наложением поздних напластований на архаичную основу. Смысл одних его элементов лежит на поверхности, семантика других часто оказывается зашифрованной для современного человека [8. С. 32]. Элементы обряда изучаются разными науками и дисциплинами, поэтому понимание онтологической сущности удмуртской свадьбы немыслимо без полидисциплинарного подхода к проблеме, без изучения ее текста в разных аспектах, на разных уровнях.

По мнению исследователей, по своему содержанию и структуре обряд представляет собой линейно упорядоченную последовательность реальных (физических), целесообразных (прагматических), нормированных (санкционированных) действий, совершаемых в соответствии с устоявшимися в данном социуме религиозно-мифологическими нормами [1. С. 8–9]. Весь свадебный комплекс, включая совокупность предварительных и завершающих

акций, является одним из наиболее сложных компонентов информационного языка народной культуры, выполняющих коммуникативную функцию и выступающих как текст в семиотическом смысле слова. Элементы обрядового текста могут быть переданы не только с помощью языковых знаков. В создании культурной информации участвуют и неязыковые средства выражения: мимика, жест, танец, обряд – это уже определенные текстовые структуры, существующие по соответствующим информативным законам, «поэтому обряды могут быть отнесены к категории культурных текстов» [7. С. 175].

Такое понимание обрядового текста является основополагающим для исследований этнолингвистического характера, поэтому при рассмотрении свадебного ритуала как некоего культурного (лингвокультурного) текста за основу берется семантический аспект процесса развертывания обрядовых действ во всем разнообразии составляющих кодов, или «слоев»: акционального (действенного), реального (предметного), вербального (словесно-речевого) [15], а также персонажного, локативного, темпорального, музыкального, изобразительного и др. [13. С. 167]. Каждый из названных кодов представляет собой информационное поле, способное существовать и выражать некоторое содержание самостоятельно, однако реконструкция глубинных смыслов обряда и построение общего текста возможны лишь при учете соотношения всех потоков информации, «причем нередко один и тот же смысл может дублироваться в обряде несколькими семиотическими средствами одновременно» [4. С. 268].

Детальное изучение обрядовой морфологии, в частности анализ различных обрядовых символов одного уровня, может объяснить употребление в обряде символов другого уровня и прояснить их скрытый смысл.

Знаковой единицей обрядовой реальности является ритуальный акт — наделенное ритуальной функцией действие, с которым связаны предметы и персонажи свадьбы и которое осуществляется в определенный момент обрядового времени и в конкретном локусе. Ритуальное действо (акциональный код) удмуртской свадьбы включает в себя как разнообразные физические действия разной степени сложности, с применением орудий или без них (поклон, рукопожатие, прикосновение к печи, обливание водой и т. д.), так и целые микрообряды (ритуальное разрезание хлеба/нянь шорон), купание молодушки летом в первый день сенокоса/сялтым, привоз приданого/пирдан ваён и т. п.). Различие обрядовых актов в смысловом отношении является критерием разделения элементов внутри самого обряда на апотропейные, очистительные, посвятительные и др. [4. С. 269].

Реальный код удмуртского свадебного обряда представлен обыденными предметами (пища, одежда, предметы быта) или специально изготовленными ритуальными предметами для совершения обрядового действия. По мнению исследователей, этот код «объединяет все, что в философском, логическом смысле может быть понято как предмет (и противопоставлено предикату, признаку). Но в него входят не только предметы в обыденном смысле слова (природные, как камень, звезда, река; или артефакты, как веник, одежда, веретено), но и человеческие существа (исполнители обряда, адресаты, зрители и др.),

животные (ср. обряды вождения коня, похорон лягушки и т. п.), растения (дерево, зелень, зерно, плоды и т. д.), явления природы (дождь, засуха, радуга), мифологические персонажи, высшие силы и т. п. Все это "предметы", но субстанционально, онтологически все это разные предметы» [14. С. 25].

Данный код весьма разнообразен и присутствует на всех этапах свадьбы. Анализ архивных и опубликованных материалов показал, что наиболее нагружена символическим смыслом следующая свадебная атрибутика: предметы быта (полотенце/*чушкон*, подушка/миндэр, скатерть/*жоккышет*), одежда (платок/кышет, платье/дэрем), сооружения (ворота/капка, печь/гур), пища (хлеб/нянь, гусь/зазег, масло/вой), орудия труда (коса/кусо, грабли/мажес, прялка/кубо). В контексте обрядового действия все вышеперечисленные предметы выступают уже «не в своем обиходном, практическом значении, а в ритуальной, символической, знаковой функции» [13. С. 167].

Персональный код реализуется участниками свадебного действа. С этой позиции удмуртская свадьба, как и ритуальное действо в других культурах, может рассматриваться как взаимодействие двух текстов (М-текста и F-текста), представленных не только с точки зрения партий жениха (женик, пи, эмеспи) и невесты (невеста, ныл, кен), но и их родов (род жениха/сюанчиос, род невесты/келисьёс, борысьёс). Внутриобрядовые отношения во многом, разумеется, определяются отношениями внеобрядовыми (ср. такие признаки персонажей, как родство, старшинство, место жительства - соседи, односельчане), которые перенесены из жизни в обряд, но в обряде получают иное осмысление и рассматриваются как модель соответствующих внутриобрядовых отношений. Это связано с чертами текста, ассимилирующего внетекстовые явления. Отдельную категорию персонажей образуют свадебные «чины», которые присваиваются участникам в соответствии с их ритуальными функциями и обязанностями лишь на время свадебной церемонии (например старший поезжанин/азьветлйсь, сваха/дэмчи, главный распорядитель/тор, торо). Выделяются «чины» рода жениха и рода невесты.

Пространственно-темпоральный код раскрывает организацию и проведение свадебного ритуала, предельно строго подчиненного установленным правилам, которые определяются представлениями о времени и пространстве. К примеру, в ритуале сватовства особое внимание уделяли правильно выбранному времени, маркировавшему особую ситуацию в обыденном течении жизни. Сватать невесту ходили во время вечерних сумерек (акшан). Данный факт выявляет природу времени сватовства как периода, противоположного открытой жизнедеятельности, указывает на его маргинальные признаки и свойства, связанные в мифологических представлениях с развертыванием локуса «иного» мира.

Особенно сложным устройством отличается вербальный код, включающий разные жанровые формы словесных элементов обряда: слово, термин, имя, клише, паремию, фольклорный текст, приговор, проклятие, ритуальный диалог и др. При этом язык — не просто один из кодов культуры, а ее первоначальная основа, которая всегда стоит за любым другим культурным знаком, к какому бы субстанциональному коду он ни относился, ибо все выражаемое культурными текстами может быть выражено и средствами языка [14. С. 31]. Язык — составная

часть культуры, но в рамках культуры в целом он функционирует как ее подструктура, фундамент и универсальное средство [18. С. 379].

К каждому этапу, эпизоду удмуртского свадебного обряда приурочены те или иные жанры. Они задают ритм, плавное, величавое течение свадебному действу, определяют эмоциональный настрой участников, интонационномелодическую тональность, которая придает свадьбе неповторимо индивидуальный характер.

Перед тем как пойти свататься, родители жениха просили сваху узнать подробнее о девушке и ее семье. Удмуртская пословица гласит: «Тусьтызэ адзытэк — сионзэ эн сиы, анайзэ адзытэк — нылзэ эн басьты» (букв. «Не открыв миски, не ешь содержимое ее, не увидев матери, не сватай дочь ее») [16. С. 16]; о сходстве характеров родителей и детей говорят и другие пословицы: «Кызлэн кускылиез выжыяз ик усе» (букв. «Шишки под елку же падают»), «Анаез ке кыйе, нылыз но сыйе ик» (букв. «Какая мать, такая и дочь»).

Мотивируя отказ сватам при неравном социальном или имущественном положении, родители невесты говорили: *«Сапеглы сапег, кутплы кутп»* (букв. «Сапогу сапог, лаптю лапоть») [17. С. 8].

В виде поверья существовал неписаный закон о том, что близких родственников нельзя брать замуж и жениться на них, об этом говорили: «*Чынзы медаз сураськы*» (букв. «Дым [их изб] не должен смешиваться») [17. С. 7].

Для досвадебных этапов, например, характерны диалоги с вербальными формулами-иносказаниями:

- Мар муген ветлйськоды-ай? юа ныллэн анаез.
- Ветылды, пе, вань лэся но, юаны лыктйм вал, шуо ныл курасьёс.
- Ветыльёс ма вань, соос милям 2 но, 3 но, итйське атайзы.
- Табере вераським бере, нылды милям луоз ни. Маиз бен вань-ай солэн: сандыкъёс, бадзым кышетэз вань-а? юало ни нош ныл курасьёс. Öвöл ке, асьмеос но басьтом, тупаса гинэ мед улозы.
  - С какой целью ездите? спрашивает мать невесты.
  - Говорят, что у вас телочка есть, спросить приехали, отвечают сваты.
  - Телочки-то есть у нас, их у нас и 2, и 3, присоединяется к разговору отец.
- Раз уж договариваемся, дочь ваша нашей станет. Что у нее есть: сундук, большой платок есть ли? интересуются сваты. А если нет, то и сами купим, лишь бы жили в согласии [НОА УИИЯЛ УрО РАН. Оп. 2-Н. Д. 762. Л. 23].

Вариантами иносказательного выражения могут быть и следующие формулы: *«Ветылмы ышиз»* (букв. «У нас телочка потерялась») [НОА УИИЯЛ УрО РАН. Оп. 2-Н. Д. 749. Т. 7. Л. 5], *«Чабей кидыс дуре лыктий»* (букв. «Мы приехали за посевной пшеницей») [НОА УИИЯЛ УрО РАН. Оп. 2-Н. Д. 749. Т. 4. Л. 2].

Выдавать девушку с первого раза считалось предосудительным, поэтому родители невесты в разговоре между собой говорили: *«Сватлэн валэз кöй, мед ветлоз на öэсыт»* (букв. «Лошадь у свата упитанная, пусть поездят еще») [НОА УИИЯЛ УрО РАН. Оп. 2-Н. Д. 750. Т. 1. Л. 4].

После обоюдного согласия сторон на стол ставили масло, на него сваты клали деньги с заклинаниями-благопожеланиями: «Таче ик азвесь коньдон кадь мед улозы! (букв. «Пусть жизнь молодых будет такой же светлой, как и эти

серебряные монеты»). С этого момента девушка считалась просватанной [2. С. 39]. Обычно благопожелания у удмуртов кратки, без поэтических изысков. Это выражения типа: «*Шудо-буро/тыро-пыдо улэ»* («В счастье-довольствии/ в достатке-здоровье живите»).

Провожать свадебный поезд в дом невесты приходили старшие члены семьи, которые на пир не ездили. Они благословляли молодежь в путь, наставляли, как себя нужно вести: «Калыклэн синмысьтыз эн усе, асьтэдыз умой возе» (букв. «Не роняйте себя в глазах других людей, ведите себя достойно»), «Аляк эн каре, зеч ветлэ» (букв. «Не озорничайте, хорошо съездите»), «Сюресты мед удалтоз» (букв. «Пусть дорога будет удачной, счастливой») [16. С. 20].

Более развернуты и художественно оформлены молитвенные заклинания, которые произносятся родителями невесты перед началом свадебного пира. В молитве-куриськон (букв. «молитва-прошение») просили удачной свадьбы и дальнейшего благополучия молодых. Именно в них выражали чувства, которые в обыденных ситуациях обычно не произносили. Развернутые в виде монологов чувства характерны для ритуальных церемоний. И для удмуртов более традиционно выражение своих чувств по отношению к семье не в семейной, а в календарной обрядности. Например, одной из обязательных формул молитвенного прошения в календарных жертвоприношениях было пожелание благополучия в семейной жизни: «Чтобы жить мне всю жизнь с той женой, которую первую увидел, чтобы жить до конца моих дней с детьми перворожденными... Ниспосланным мне дочерям-сыновьям, словно птенцам ласточки щебеча, словно муравьям хлопоча, жить поживать да удастся» [19. С. 153]. Сравнение детей с ласточками, муравьями или пчелами представляет собой осознанный отбор символики для достижения желаемого результата: «ласточки для удмуртов, как и многих других народов, - символ счастья, благополучия дома (счастлив дом, под крышей которого ласточки вьют свои гнезда, этот дом «обойдут стороной пожары и моры»); муравьи/ пчелы традиционно ассоциируются с трудолюбием, дружной жизнью, большим числом [3. С. 307].

Фольклорные жанры, вплетенные в текст обряда, — не просто вербальная форма выражения: они выполняют эстетическую функцию и представляют собой стержневые элементы ритуала, позволяющие сохранить структуру свадебного сценария.

Особое место в ряду вербальных компонентов обряда занимают термины, то есть слова и синтагмы и скрытые за ними значения и смыслы — как поверхностные, так и глубинные. Они служат ярким примером того, как в языке хранится культурная информация: «Язык не только отражает культуру своего народа, его социальное устройство, менталитет, мировоззрение и многое, многое другое, но и хранит накопленный им социокультурный пласт, который служит важнейшим и эффективнейшим способом формирования следующих поколений, то есть инструментом культуры» [11. С. 87].

Терминология обрядов — «это специальная терминология, <...> называющая семиотически (культурно) значимые реалии — ритуальные предметы, действующих лиц, действия, свойства, функции, отношения и т. п., обозначающая сами обряды или их части» [12. С. 216]. Это обусловливает особую роль терминологии,

ее неразрывную связь с реалиями, одновременную принадлежность языку и культуре и потому заслуживающую «систематического изучения с позиций комплексного этнолингвистического подхода» [12. С. 216].

Будучи составной частью свадебного обряда, терминология соотносится с элементами культурного текста: акциональным, предметным, персонажным, локативным, временным и т.д. кодами и наравне с ними является носителем культурной семантики и знаковой функции.

На основе классификации, разработанной С. М. Толстой при изучении состава обрядовой терминологии, мы распределяем удмуртскую свадебную лексику по следующим группам терминов:

- 1) названия обрядов, их комплексов и составных частей;
- 2) названия ритуальных предметов;
- 3) названия лиц-исполнителей (адресатов, объектов) ритуальных действий;
- 4) названия ритуальных действий;
- 5) метаязык фольклора (названия песенных циклов, танцев, игр, вербальные формулы и т. п.).

При изучении фактов свадебной обрядности на таком уровне анализа мы наблюдаем некую метасистему как лингвокультурного текста, все компоненты которого относятся к содержанию единого комплекса со сложной, развивающейся во времени структурой, и рассмотрение каждого уровня в отдельности позволяет сделать «горизонтально-вертикальный срез» культурного явления [6. С. 21].

Обычно смысловое поле удмуртской свадьбы как текста выходит за рамки содержания отдельно взятого вербального, акционального, предметного и других составляющих систему компонентов. Суть данного текста может быть раскрыта лишь при синтезе всех потоков информации и учете так называемого «контекстного потока». Контекст понимается достаточно широко: это, прежде всего, значимость совершаемого события в культурной традиции; это среда, в которой зарождается и существует тот или иной текст. К примеру, система традиционной культуры выступает по отношению к свадебному обряду в качестве контекста, а сам свадебный обряд является контекстом для компонентов ритуала и находит глубокие аналогии на других уровнях, он связан с самими принципами построения фольклорного текста и корпуса текстов.

Таким образом, в удмуртском свадебном обряде действие сопровождается словом, порождая функционально единую структуру. Слово при этом не только несет эстетическую нагрузку, но и выражает доминантную функцию всей структуры.

Текст удмуртской свадьбы основан на взаимозависящих и взаимовлияющих информационных потоках, обусловленных внутренней (культурные коды) и внешней (контекстный поток) системами. Они образуют этот текст и сами являются его составляющими. Только понимание многоуровневой структуры и синкретического характера информационного поля удмуртской свадьбы позволяет «прочесть» текст обряда и анализировать его как многоплановый текст традиционной культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1. Афанасьева Л. А. Терминология похоронно-поминальной обрядности чувашей и других народов Урало-Поволжья (опыт сравнительно-сопоставительного и этнолингвокультурологического исследования): автореферат ... дис. канд. филол. наук: 10.02.20. Чебоксары, 2009. 26 с.
- 2. *Вахрушева Е. М.* Свадебный обряд Игринского района Удмуртии в контексте этнической культуры и русско-удмуртских контактов. Дипломная работа. Воронеж, 2008. 160 с.
- 3. *Владыкин В. Е.* Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск: Удмуртия, 1994. 384 с.
- 4. *Гура А. В.* Соотношение и взаимодействие акционального и вербального кодов свадебного обряда // Славянский и балканский фольклор. Семантика и прагматика текста. М.: Изд. «Индрик», 2006. Вып. 10. С. 268–279.
- 5. Кононенко Б. И. Культурология: Большой толковый словарь по культурологии. М.: Вече, 2003. 512 с.
- $6.\,$ Лобкова $\Gamma.\,$ В. Архаические основы обрядового фольклора Псковской земли (опыт историко-типологического исследования): дисс. ... канд. искусствоведения: 17.00.02. СПб., $1997.\, 277$ с.
- 7. *Михаил* 3. Этнолингвистические методы изучения народной духовной культуры // Славянский и балканский фольклор / Реконструкция древней славянской духовной культуры: источники и методы. М.: Наука, 1989. С. 174–191.
- 8. *Нуриева И. М.* К вопросу об уровнях информативности удмуртского песенного текста // Текст-2000: Теория и практика. Междисциплинарные подходы: Материалы Всеросс. науч. конф. Ч. 1 / УдГУ. Ижевск, 2001. С. 32–33.
- 9. Русское устное народное творчество. Обрядовый фольклор: учеб. пособие / Сост. Е. А. Шевченко. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2004. 94 с.
- 10. Семенов В. А. Традиционная духовная культура коми-зырян. Ритуал и символ: учеб. пособие по спецкурсу. Сыктывкар, 1991. 80 с.
  - 11. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2008. 87 с.
- 12. *Толстая С. М.* Терминология обрядов и верований как источник реконструкции древней духовной культуры // Славянский и балканский фольклор / Реконструкция древней славянской духовной культуры: источники и методы. М.: Наука, 1989. С. 215–229.
- 13. Толстая С. М., Толстой Н. И. О вторичной функции обрядового символа (на материале славянской народной традиции) // Историко-этнографические исследования по фольклору: Сб. статей памяти С. А. Токарева. М., 1994. С. 238–255.
- 14. *Толстая С. М.* К понятию культурных кодов // Сб. ст. к 60-летию А. К. Байбурина. Studia Ethnologica АБ 60. СПб., 2007. С. 23–31.
- 15. Толстой Н. И. Из «грамматики» славянских обрядов // Типология культуры. Взаимное воздействие культур [Уч. зап. Тартуского гос. ун-та, вып. 576 (Труды по знаковым системам, т. 15)]. Тарту, 1982. С. 57–71.
- 16. *Христолюбова Л. С.* Семейные обряды удмуртов (традиции и процессы обновления). Ижевск: Удмуртия, 1984. 128 с.
  - 17. Чуракова Р. А. Удмуртские свадебные песни. Устинов: Удмуртия, 1986. 148 с.
- 18. Якобсон Р. О. Лингвистика в ее отношении к другим наукам // Избр. работы. М., 1985. С. 369–420.
  - 19. Munkácsi B. Votják Népköltészeti Hagyományok. Budapest, 1887.

Т. В. Окунева

T. V. Okuneva

The levels of information of the Udmurt wedding text

The article deals with the analysis of the Udmurt wedding as text which consists of multilevel information flow. The research is based on the semantic aspect of the ritual and the diversity of the codes: the code of action, verbal code, the code of objects, etc. This level of analysis allows observing some kind of metasystem that has difficult structure and could be understood only in considering the whole context.

Keywords: the Udmurt wedding, the stages of the ceremony, text, the information levels, the codes of the ceremony, context.

Окунева Татьяна Васильевна,

младший научный сотрудник, Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения РАН г. Ижевск

E-mail: oktan85@mail.ru

Okuneva Tatyana Vasiljevna,

junior research associate, Udmurt Institute of history, language and literature Ural branch of the Russian Academy of Sciences Izhevsk

E-mail: oktan85@mail.ru

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.511.112.0

Н. В. Чикина

ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА КАРЕЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена проблемам становления детской литературы на карельском языке, процессу, растянувшемуся на десятилетия и сопровождавшемуся выбором языка, созданием письменности, проявлением особенностей национального самосознания.

Ключевые слова: карельский язык, детская литература, письменность, национальное самосознание.

Детская литература Карелии начинает зарождаться в 1920-е годы. Одной из главных задач была борьба с неграмотностью. Перед Карельской Автономной ССР встала проблема выбора языка обучения для карелов, составлявших 61 % населения. Будучи главным средством общения, карельский язык не имел своей письменности.

Было предложено три варианта, с чего начать образовательный процесс: 1) на финском литературном языке, 2) на русском литературном языке или 3) создать карельский литературный язык на латинской или кириллической основе. По мнению М. Кангаспуро, в 1920-е гг. русский язык был для карелов языком культуры [6. С. 329]. Одним из аргументов в пользу финского литературного языка было то, что он, как и карельский, относится к группе финно-угорских языков. При создании единого карельского литературного языка пришлось бы взять за основу одно из наречий (собственно карельское, людиковское или ливвиковское).

К тому же, как писал секретарь Карельского Обкома ВКП(б) Г. Ровио в 1930-е гг., «создание карельского литературного языка не только не находило сторонников, но, по крайней мере, публично в печати и на съездах и собраниях в Карелии никем не предлагалось» [12. С. 16]. По его мнению, «трудности создания и проведения нового языка затормозили и задержали бы всю культурную работу: развертывание школьной сети, политпросвет работу, издательскую и другие деятельности» [12. С. 21].

На тот момент обучение карелов грамоте уже велось на русском и финском языках. Председатель ЦИКа КАССР А. Ф. Нуортева писал: «Опыт школьной

работы показывает, что ребенок, попавший в школу, зная только местное карельское наречие, несравненно быстрее и легче схватывает литературный финский язык, чем русский» [9. С. 4].

Проблема языка вызвала активные дебаты. В конечном итоге было принято решение внедрить финский литературный язык, хотя при Карельской ассоциации пролетарских писателей уже с декабря 1927 г. работала секция карельской литературы. Называя это беспрецедентным случаем, когда литературным языком республики стал язык соседнего государства, О. Юфа отмечала: «Финский не был языком местного населения, и позже это неоднократно вызывало нарекания, особенно начиная с тридцатых годов, когда этот вопрос получил политическую окраску» [14. С. 6].

Вопрос о карельском языке разделил и самих карелов. Жители Олонецкого р-на (южные карелы. -H. U.), часто ходившие на заработки в Санкт-Петербург, относились к финскому языку как к чужому, в то время как население Калевальского р-на (северные карелы. -H. U.), имевшие тесные контакты с Финляндией, приветствовали его [19. С. 164]. Благодаря языковому родству финского и карельского, карелы понимали его, но большая их часть была неграмотна и не умела читать на латинице [20].

Несмотря на языковые проблемы, среди населения находились люди, готовые вести просветительскую работу. Просветители начала XX в. Ийво Хяркёнен (1882—1941) и Онни Окконен (1886—1962) привлекли внимание своим творчеством на карельском языке. Как отмечала Э. Л. Алто, благодаря их усилиям был сделан «первый шаг на пути от устной традиции к письменной» [2. С. 12].

Карел из Суйстамо И. Хяркёнен подчеркивал богатство карельского языка для поэзии и писал, что задумывается над возможностью развития литературы на карельском языке, но письменного карельского языка в то время не существовало. Однако И. Хяркёнену удалось выпустить книжку стихов для детей «Aunuksen brihatsut» («Олонецкие мальчики», 1921) на ливвиковском диалекте [8. С. 152].

В 1937 г. Президиум ЦИК Карельской АССР принял решение о создании единого для всех групп карелов Советского Союза литературного языка на основе русской графики. В том же году была опубликована «Грамматика карельского языка» Д. В. Бубриха. Сектором культуры и быта Госплана республики было отмечено, что за 1938—1939 гг. все карельские школы перешли на карельский язык обучения. Но уже 1 сентября 1940 г. І съезд ЦК республики принял решение об отмене преподавания в школах на карельском языке [11. С. 201] в связи с ее преобразованием в Карело-Финскую ССР.

С 1938 по 1940 г. в республике на карельском языке издавался ежемесячный литературный журнал «Карелия», важнейшей задачей которого было создание и развитие карельского литературного языка и карельской литературы [15. С. 19]. В нем публиковались художественные произведения, записи карельского фольклора, критические статьи. Тем же целям отвечала газета «Советской Карелия» («Советская Карелия»). Как пишет Л. Лехти, это была первая карелоязычная газета, редакция которой состояла из карелов, знающих финский язык [22]. Активное внедрение карельского языка на русской графике проявлялось и в публикации большого количества переводов. Они выходили как в названных выше изданиях, так и отдельными книгами.

Традиция перевода началась с самого зарождения карельской детской художественной литературы и продолжается по сей день. Большинство переводов было сделано в 1930-е годы. Заметим, что почти вся литература на карельском языке перв. пол. ХХ в. была переводной. Детей знакомили с произведениями А. Барто, А. Гайдара, Л. Кассиля и др. На карельский язык переводились произведения русской классики, советской и зарубежной литературы. Основная их часть публиковалась в журнале «Карелия» [1. С. 83–87], в учебной литературе и выходила отдельными книгами [13. С. 261–263].

Активное издание учебников, как на кириллической, так и на латинской графической основе, началось в 1930-е годы. Были выпущены буквари А. А. Милорадовой (1933), Н. А. Анисимова (1938) на кириллице; учебники по географии, естествознанию (3–4 кл.), арифметике (1–3 кл.), алгебре (6–8 кл.), зоологии (6–7 кл.), физике (6–7 кл.) и другим дисциплинам. В основном это были переводные книги.

С 1940/1941 учебного года в карельских школах было введено обучение на финском языке, хотя уровень владения карельским языком среди населения был высок и к этому времени создана учебная литература. В среднем звене школы уроки нередко велись на русском, так как большинство преподавателей-предметников были русскими. А в Олонецком и Пряжинском р-нах (места компактного проживания южных карелов. – H. Y.) обучение вообще шло на русском языке, так как ученики не знали латинского алфавита и не понимали финского языка [17. С. 37].

Финский солдат К. Каява в письме с фронта писал о впечатлениях после взятия д. Мяндусельга. В деревне они увидели школу и агитпункт: «Это была обыкновенная средняя школа... По учебникам мы поняли, что обучение велось также и на финском языке. Еще в фойе нас приветствовала вывеска на финском языке ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ...». В здании агитпункта была библиотека. «Среди книг на русском языке были и карелоязычные издания. Язык был карельский, но буквы русские. Культурным изданием Карелии долгое время был журнал "Карелия"» [18. С. 30–31].

Период существования литературы на карельском языке был весьма непродолжительным (1937–1940) и результаты его весьма скромны [7]. Но сам процесс имел и положительные стороны: было привлечено внимание к карельскому фольклору. В Союз писателей стали принимать сказителей. Так, в 1939 г. членом Союза писателей стала М. А. Ремшу. В 1945 г. вышла ее книга «Karjalaissuomalaisia kansansatuja» («Карело-финские народные сказки») с 21 сказкой на собственно карельском наречии карельского языка. Такие сказки, как «Repo ta kontie» («Лиса и медведь»), «Repo ta kurki» («Лиса и журавль»), «Köyhä ta pohatta velli» («Богатый и бедный брат»), прочно вошли в круг детского чтения.

Записи карельского фольклора знакомили юных читателей с духовным опытом народа, воспитывали вкус к устному поэтическому слову. Усилилось внимание к карельскому языку и культуре. Но при малом сроке функционирования карельского языка в качестве письменного и литературного, он не успел закрепить и развить выработанные языковые нормы.

1950–1970-е гг. характеризуются полным отсутствием литературы на карельском языке. Вся литература Карелии издавалась на русском и финском,

в результате чего карелы стали писать по-русски или по-фински. Появились повести Э. Кононова (1930–1974) и П. Лукина (1922–1988).

Павел Осипович Лукин (Пааво Лукин) родился в д. Габалова Сельга Пряжинского р-на. Учился в Ведлозерской средней школе и Петрозаводском учительском институте. Изначально заявил о себе как детский писатель, писал на финском и карельском (ливвиковское наречие) языках.

Его литературная деятельность началась в 1930-е гг., когда журнал «Карелия» опубликовал его стихотворную сказку «Іče minä» («Я сам»). В 1940 г. газета «Тоtuus» («Правда») напечатала сказку «Vägevin» («Самый сильный»); повесть «АРК» («АПР») впервые была опубликована в журнале «Рunalippu» в 1972 г. (затем вышла отдельной книгой и переиздавалась). В Союз писателей П. Лукин был принят в 1982 году [10. С. 189–190].

Повесть «АПР» адресована школьникам. Главный герой — пятиклассник Войтто Рантала. Повествование ведется от первого лица героя. Автор долгое время работал учителем и директором в сельских школах разных районов республики и хорошо знал школьную жизнь. Он описывает обыкновенную школу в карельской деревне.

Девиз повести – карельская пословица «Hyväh sanah leppy lämpyy, pahah sanah kadaigi katkieu» («Хорошее слово ольху сгибает, плохое слово можжевельник ломает»). По мысли Т. Викстрем, «эта пословица иллюстрирует основы воспитания, которыми руководствуется педагог и писатель Пааво Лукин» [24. С. 94]. Такой подход к детям формирует хороший контакт с учениками.

Повествование начинается с радостного момента в жизни Войтто. В школу приходит новый учитель финского языка Виктор Викторович. Он лучше всех понимает мальчика. Войтто — фантазер, сочиняет стихи, однако это не мешает быть ему обыкновенным школьником и совершать различные проступки. Войтто скрывает от матери и одноклассников свои творческие способности.

П. Лукин со знанием дела описывает школьные порядки: за нарушение дисциплины на уроке учеников выгоняют из класса, вызывают на разговор с директором школы, учитель занимается пересаживанием учеников в классе. На переменах мальчишки дерутся, разбивают окна, но все это они делают без злого умысла.

Интересна языковая работа автора. Когда Войтто уходит с ребятами в лес за грибами, он оставляет матери записку, чтобы она не волновалась. Словарный запас детей разнообразится синонимами (волнушка обозначается как rousku, vahalaukku, karvalaukku).

Фразеологические обороты (например «se tuli kuin vasaran kumahdus pääkoppaan» – «это было как удар молотка по голове») используются для описания эффекта неожиданности и оживляют повествование. Передавая волнение мальчика, автор пишет: «Sydän nousi kurkkuun» («сердце поднялось в горло»).

Дети вне школы говорят по-карельски, так как этот язык для них родной. В повествовании появляются диалоги на карельском языке. Предусматривая, что юный читатель, не владеющий карельским языком, не сможет понять, о чем говорят герои, автор дает сноски с переводом на финский.

Войтто сожалеет, что их классный руководитель Андрей Петрович Никулин, участвовавший в Великой Отечественной войне, не смог расписаться на стенах

Рейхстага, как другие солдаты. На что Андрей Петрович говорит: «Не все солдаты могли закончить войну в Берлине. Фронтов было много, и все нуждались в солдатах. Важно то, что мы победили, что ты, сын фронтовика, живешь и сочиняешь стихи» [23. С. 36]. Андрей Петрович дает Войтто советы, как сочинять стихи (будучи на фронте, он тоже сочинял). Он не только учитель, классный руководитель, математик, поэт, но и хороший человек. Войтто не раз повторяет: «у нас хороший учитель».

Отец Войтто, Рейно, погиб на фронте и поэтому общение с учителямимужчинами становится важным для мальчика. Однажды ему приснился отец и сказал: «Ты действительно счастливый мальчик. И имя у тебя историческое: ты родился в День Победы, девятого мая...» [23. С. 41]. Войтто в переводе на русский язык означает «победа».

Желание узнать как можно больше о своем отце приводит Войтто и его друзей Семена и Алексея в архив Петрозаводска. Среди газет они находят подшивку с военными стихами Андрея Петровича. Это становится секретом для мальчиков, который они решают доверить Виктору Викторовичу.

П. Лукин подводит юного читателя к объяснению названия повести. Мальчики организуют тайное общество и решают, как его назвать. В конце концов, рождается аббревиатура APR – Andrei Petrovitšin rintamarunot (фронтовые стихи Андрея Петровича). Виктор Викторович становится членом тайного общества.

Подобно повестям для детей А. Алексина, где также существует секретная организация БОДОПИШ («Боевой домовой пионерский штаб») или – таинственный ТСБ в «Тайном Сигнале Барабанщика» (что расшифровывается как «твой старший брат»), остается только догадываться, что скрывается за аббревиатурами, придуманными писателем.

П. Лукин тоже придумал игру с тремя загадочными буквами. Когда тайна раскрывается, ребята устраивают в школе конкурс, что значит APR? Предлагается много версий. Например: aina pojat raatavat... (всегда мальчики трудятся), anna pojille rahaa (дайте мальчикам денег), avain pannaan reikään (ключ попал в дырку). Среди смешных идей появляется и серьезная: aina puolustakaa rauhaa (всегда защищайте мир). П. Лукин делает вывод, что защита мира – это не тайна. Взаимоотношения учителя и учеников, доверие детей к взрослому, их совместная деятельность – вот главные мысли повести.

Карелом-патриархом представлен в книге образ деда Ивана Петровича: «Большая седая борода напоминала ножницы для стрижки. <...> Такой другой бороды не было ни у кого в мире. Также как и усов. Таких густых и совсем белоснежных. Вдобавок, у него была гладкая лысая голова...» [23. С. 37].

Дед Иван играл на кантеле и пел. Его даже записывали на магнитофон в Петрозаводске. В деревенском краеведческом музее хранилась книга с упоминанием о нем. Он — приверженец старины, потому в народе и прозвали его «elävä historia» («живая история»). Дед говорил по-карельски и часто заканчивал мысль фразой: «muga velli» («вот так вот»). Это было его любимое выражение, которое означало, что речь закончена.

П. Лукин прекрасно осознавал, что народный язык тесно связан с фольклором. Литературный финский язык повести перемежается с народной речью —

с карельскими пословицами и поговорками: «Vieras tulou – viestin tuou» («Гость пришел – весть принес»); «Mittuine pedäi, semmoine pediän vesagi» («Какая сосна, такие и побеги»); «Кеггап muidu nenäz vedeled – toizel kerdu omua neniä pideled» («Один раз других за нос водишь – другой раз сам за нос будешь держаться»). Автор пишет, что «поговорок в народном языке больше, чем грибов в осеннем лесу» [23. С. 53].

Основное население деревни – карельское, и П. Лукин вводит в повесть описание карельских обычаев и традиций. Так, приставленная к двери дома палка выполняет роль замка и показывает гостю, что хозяев нет дома. Этот обычай существует и у других народов, в частности у русских. Представлена национальная карельская еда: калитки, рыбник, чай с молоком. Иван Петрович владеет традиционными мужскими промыслами: вяжет сети, плетет кошели.

В конце повести возникает неожиданный поворот: одноклассница Войтто Айно сообщает, что у деда Ивана есть кошель с буквами АП. Мальчики пытаются раздобыть его. В конце концов им это удается. Надпись «АП-35» означает «Андрею Петровичу на 35-летие». Иван Петрович приготовил такой подарок учителю. Заканчивается повесть поговоркой Ивана Петровича об умении хранить тайны.

По наблюдению Ю. И. Дюжева, «герои повести П. Лукина через игру находят свое место в жизни, приобщаются к светлым идеалам фронтового поколения» [3. С. 12]. Повесть «АПР» охватывает события мирного времени и следует традициям советской литературы. Ю. И. Дюжев писал: «Несомненны заслуги советской детской литературы в создании полной и глубокой картины жизни пионерской организации. <...> В сокровищницу пионерской литературы вошли книги, написанные А. Гайдаром, Л. Кассилем, С. Михалковым, А. Мусатовым, М. Прилежаевой, Н. Носовым, В. Осеевой, Ю. Сотником» [4. С. 95–96].

Первая книга П. Лукина на карельском языке «Tuhkimus» («Золушка») вышла в 1981 г. Золушка — это не девочка, а мальчик Иван, который влюбился в дочь богача. Сказки детского писателя говорят о любви к своему ближнему, к окружающей нас природе, к матери, отцу, ко всем людям. Книга начинается с рассказов о прежней жизни, так автор вводит юного читателя в атмосферу прошлого. «Уже читая первые страницы, замечаешь то, что объединяет всю книгу: содержание основывается на народном фольклорном материале», — писал Р. Котты [21. С. 111].

П. Лукин с детства слышал сказки, песни, загадки. Взрослые коротали долгие зимние вечера на посиделках. Женщины и девушки чесали шерсть, пряли, вязали в одном углу избы, а в другом сидели мужики и парни. У них были свои занятия: вязали сети и др.

Сказку «Золушка» рассказывает дед мальчику Тимою – главному герою книги. Многое кажется мальчику знакомым, и он говорит об этом деду. Но дед постоянно повторяет: «Это сказка». Она написана в прозе, но в последующих книгах будет представлена в стихах, также как «Peigoi-poigu» («Мальчик с пальчик»). Цикл рассказов и стихов посвящен жителям д. Киндасово, которая славится в Карелии юмором. Герои попадают в смешные истории. У П. Лукина в центре рассказов – мужик Леха.

Особенность поэтического слова проявляется в своеобразии рифм. Карельский поэт В. Брендоев отмечал: «Лукин рифмует слова rukka и muokka, heis и mies, voidi и rodih, miesty и pystyh, lapsi и vägeväkse» [16. С. 112]. Наряду с рассказами и сказками, в книге есть стихи для чтения детям. В раздел «Rahvahan viizahuksii» («Народная мудрость») включены поговорки и загадки.

При жизни П. Лукина вышли только две его книги — одна — на финском, другая — на карельском. Во вт. пол. 1980-х гг. стремительно активизируется национальное самосознание как движущая сила этнического возрождения, углубляется интерес к языковому наследию. Тогда вновь заговорили о Лукине, вспомнили его творчество. Своими сказками в стихах, вышедшими в сборниках «Mindäh kägöi kukkuu» («Почему кукушка кукует», 1990) и «Іčе minä» («Я сам», 1996), он ввел в детскую литературу новый жанр на карельском языке.

Произведения П. Лукина опираются на традиционную структуру карельской народной сказки. Ряд из них начинается словами «жили-были», а заканчивается фразой «тут и сказочке конец». Развернутая присказка есть в сказке «Elo, nero da laškus» («Добро, мастерство и лень»).

Это характерно для жанра сказки и других народов. П. Лукин учитывает образцы художественных произведений русской литературы. В его творчестве есть сказки о попах и работниках. Опираясь на сюжет сказки П. Ершова «Конек-горбунок», он создал произведение «Я сам». Это жанр литературно-художественной сказки, которым писатель обогатил карелоязычную детскую литературу. Так, находчивость Ивана Тухкимуса, младшего брата, позволила наказать воров. С подобной смекалкой карелов мы встречаемся и в произведениях П. Семенова (см. его рассказ «Pöllätüs» («Пугало»), где мужики наказывают несправедливого лесника).

Стихотворение П. Лукина «Laškus» («Лень») из той же книги «Я сам» составлено из многократных повторений. Сюжет прост: каждое четверостишие начинается с обращения: «Собирай, Лень...» – и далее: клубнику, клюкву, бруснику, грибы. И каждый раз у Лени находятся причины, чтобы ничего не делать: когда собираешь клубнику, там червяки ползают; за клюквой надо идти на болото, а там можно ноги промочить; за грибами надо ходить по лесу и т.д. Стихотворение несет дидактический характер.

Обратим внимание на особенность карелоязычных произведений П. Лукина, проявляющуюся в творчестве и других писателей рубежа XX–XXI вв.: это – упоминание Бога в детской литературе. Так, в сказке «Kielastus-suarnu» («Ложь-сказка») автор пишет: «jumalat čotaijah tiähtii» («боги считают звезды»), «jumalat hüllättih ruavot» («боги оставили труды»), «jumaloil ei ole d'engua» («У богов нет денег»).

Как видно из примеров, здесь речь идет не о Боге, а о богах. По мысли фольклориста Л. И. Ивановой, «карельский народ подчас был очень далек от Бога, он поклонялся многочисленным духам и, поэтому, обращался к ним во множественном числе» [5. С. 218]. У карелов язычество было более распространено, чем христианство. Сказки карелов на религиозную тематику во вт. пол. XX в. не носили антицерковного оттенка.

Если творчество П. Лукина включает в себя повесть, сказки, рассказы и стихотворения, написанные на финском и карельском языках, то Эрнест Кононов,

карел из с. Паданы, пишет на русском. Его повесть для детей «Долгая дорога домой» (1976) рассказывает о формировании характера подростка в суровые годы войны.

Повесть «Долгая дорога домой» автобиографична. Когда началась Великая Отечественная война, автору было 11 лет. Э. Кононов эвакуировался с семьей в Архангельскую область. В 1944 г. он оказался в действующей армии и был несколько месяцев сыном полка. Повесть его построена не на драматических эпизодах, а на будничных военных обстоятельствах, раскрывающих личность подростка, 14-летнего Антона Готчиева.

Сохранив детские воспоминания, автор рассказал о реальных событиях, в частности о том, как архангельская деревня помогала фронту. Стоя на боевом посту, Тошка очень устает, и начинает вспоминать жизнь в тылу. Как, окончив 4 класс, летом он помогал колхозу возить зерно с полей. Это тяжелый труд для мальчика. Но тогда приходят мысли о фронте. Антон не на поле боя, но все-таки он сражается. Сражается с усталостью. Аналогия уборки урожая и боя встречается и у других писателей: так, комбайнер Иван Прокатов в повести вепсского писателя Анатолия Петухова «Сить – таинственная река» говорит Василию Гусеву: «Уборка, брат, тот же фронт».

Тошка проявляет заботу о боевых друзьях, собирая чернику на заминированной территории и рискуя при этом жизнью. Автор показывает беспечность ребенка. Риск не оправдан, но это — страстное желание помочь товарищам. Встреча героя повести со старшиной Смирновым учит его распознавать истинную ценность человека. В его характере есть и доброта, и грубость, чувство ответственности за солдат.

В канву повествования органично вплетаются рассказы об эвакуации, о прощании с отцом, уходящим на фронт. Э. Кононов показывает людей разных по возрасту, национальности, личной судьбе, но представляющих собой единый народ, вставший на защиту Родины.

С 1987 г. в «Летописи литературной жизни Карелии» появляется раздел «Детская литература на карельском языке». Благодаря произведениям В. Брендоева и П. Лукина, а также фольклорным текстам в обработке Р. Ремшуевой, И. Пекшуевой было привлечено внимание общества к детской литературе. Владимира Брендоева (1931–1990) считают зачинателем поэзии на карельском языке. Еще в 1970-е гг. в журнале «Punalippu» печатались его стихи. Свою первую книгу «Anusrandaine» («Край мой Олонецкий») он издал в 1980 г.

О плодотворном умении В. Брендоева выявлять в своем творчестве художественные достоинства ливвиковского наречия карельского языка писали М. Пахомова, Э. Алто, Э. Карху, А. Мишин. Об этом свидетельствуют его посмертно опубликованные поэтические сборники «Sana, kuultu muaman suus» («Родное слово», 1991), «Runoja» («Стихи», 1991), «Jättie hyvä jälgi muale» («Добрый след на земле», 1999). Книга «Родное слово» полностью посвящена детям, а в сборник «Стихи» наряду с лучшими произведениями предшествующих лет был включен цикл для детей «Runot lapsille» («Стихи детям»).

Поэзия В. Брендоева доступна детям, написана простым языком. Стихотворение «Minun harmai kanaine...» («Моя серая курочка...») переведено на

вепсский язык и используется в учебниках и книгах для чтения по карельскому и вепсскому языкам.

Поэтическое творчество Брендоева для детей включает в себя стихи, как для самых маленьких, так и для детей старшего школьного возраста. Например, прекрасные пейзажи родных мест овеяны глубоким лирическим чувством в стихотворении «Rakkahat rannat» («Любимые берега»):

Rakkahat rannat, vedrehet vedyöt, Kivizel ruoppahal kuuzi da pedäi. Yliči yöhyön valgiazen valvon, Päiväzen nouzendua pienyössäh palvan. Päiväine pystih sugahih pitkih, Kastiežen kyynalil kibriädy itköy. Любимые берега, чистые воды, На каменистом бугре лишь ель да сосна. Всю ночь белую не сплю, Восходы солнца с детства караулю. Солнце выпускает щетины лучей Плачут слезами росы.

(Перевод Э. Алто)

Истоки детской карелоязычной литературы восходят к нач. XX в. В 1920-е гг. произведения создавались на латинице, а в кон. 1930-х на кириллице. За 20 лет был написан целый ряд рассказов и стихов, развивалась учебная литература, основную часть которой составляли переводы. К сожалению, последующие 50 лет литература для карелов формировалась на русском (Э. Кононов) и финском (П. Лукин) языках.

Несмотря на такой длительный перерыв в развитии литературы, к нач. 1990-х гг. в детской литературе Карелии сложились предпосылки к созданию оригинальных произведений на карельском языке, чему способствуют рост национального самосознания, появление письменности на карельском языке и изменившаяся политическая ситуация в стране.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1. Алто Э. Л. Советские финноязычные журналы 1920—1980. Петрозаводск: Карелия, 1989. 164 с.
- 2. *Алто* Э. Л. Финноязычная литература Карелии // История литературы Карелии: в 3-х т. Т. 2. СПб.: Наука, 1997. 244 с.
- 3. Дюжев Ю. Доверительное слово: о прозе // Детская литература. 1985. № 8. С. 10–14.
  - 4. Дюжев Ю. Летописцы страны Пионерии. М.: Дет. лит., 1972. 96 с.
- 5. Иванова Л. И. Библейская мудрость и ее отражение в южнокарельских пословицах о Боге // Православие в Карелии: Материалы III регион. науч. конф., посвящ. 780-летию крещения карелов (16–17 окт. 2007 г.). Петрозаводск, 2008. С. 216–219.
- 6. *Кангаспуро М.* Национальное и интернациональное в Республике Карелия // Boundaries of Earth and Consciousness: Ingrian Finns, Karelians, Estonians, and St. Petersburg's Germans in an Age of Social Transformation. Helsinki, 2002. 420 p.
- 7. Летопись литературной жизни Карелии (1917–1961) / Сост. М. Ф. Пахомова и Н. С. Полищук. Петрозаводск, 1963. 510 с.
- 8. *Мишин А*. «Дать начало песнопенью…»: (Современная карелоязычная литература в исторической перспективе) // Север. 2000. № 10. С. 150–154.
- 9. *Нуортева А.* Проблема карельского языка в национальной политике // Карело-Мурманский край. 1927. № 3. С. 3–7.

- 10. Писатели Карелии: биобиблиогр. словарь / Сост. Ю. И. Дюжев. Петрозаводск: Острова, 2006. 303 с.
- 11. Прибалтийско-финские народы России / Отв. ред. Е. И. Клементьев, Н. В. Шлыгина. М.: Наука, 2003. 345 с.
- 12. *Ровио Г*. Проблема языка в национальной политике // Карело-Мурманский край. 1931. N ½. С. 15–22.
- 13. *Чикина Н.* Детская национальная литература Карелии: история и современность. Hamburg, 2012. 286 с.
- 14. Юфа O. Л. Дискуссия о языке в финноязычной литературной критике Карелии 1920—1930-х годов // Проблемы литературы Карелии и Финляндии: сб. ст. Петрозаводск, 1991. С. 5—16.
  - 15. Хавитамма вихахизет яллет // Карелия. 1938. № 3. С. 19–20.
  - 16. Brendojev V. Pagin Tutkimukses // Punalippu. 1981. № 9. S. 112.
- 17. *Hyytiä O.* Karjalais-Suomalainen Neuvostotasavalta 1940–1956 Kansallinen tasavalta? Helsinki, 1999. 304 s.
- 18. *Kajava K*. Kun Mäntyselkällä vallattiin // TK-rintamakirjeenvaihtajat etulinjoilla 7, Stalinin kanavalle. Helsinki, 1942. S. 28–32.
- 19. *Kangaspuro M.* Neuvosto-Karjalan taistelu itsehallinnosta: Nationalismi ja suomalaiset punaiset Neuvostoliiton vallankäytössä vuosina 1920–1939. Helsinki, 2000. 205 s.
  - 20. Karjalainen K. Kirje Paadenelta // Punainen Karjala. 1926. 5. kesäk.
  - 21. Kotti R. Suarnat ei loppei sanondal // Punalippu. 1981. № 9. S. 111–112.
  - 22. Lehti L. Enšimmäini karjalankielini lehti // Vienan Karjala. 2009. 11. pimiek.
  - 23. Lukin P. APR. Petroskoi: Karjala, 1975. 78 s.
  - 24. Vikström T. Paavo Lukinin APR // Punalippu. 1976. № 8. S. 94–96.

Поступила в редакцию 12.10.2012

N. V. Chikina

Problems of formation of the children's literature in the karelian language

This paper is dedicated to the problems of formation of the children's literature in the karelian language. This process sprawl on decennial events and was accompanied the choice of language, creation to systems of writing, particularities of national consciousness.

Keywords: karelian language, children's literature, system of writing, national consciousness.

Чикина Наталья Валерьевна,

кандидат филологических наук, научный сотрудник, Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН г. Петрозаводск

E-mail: tchikina@krc.karelia.ru

Chikina Natalia Valerievna,

Candidate of Science (Philology), research associate, Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Centre of the RAS Petrozavodsk

E-mail: tchikina@krc.karelia.ru

ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ

УДК 930(=1.470=511.131)"19/20"

Р. Р. Садиков, Т. Г. Миннияхметова

ЗАРУБЕЖНЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ ЭТНОГРАФИИ, ФОЛЬКЛОРА И ЯЗЫКА ЗАКАМСКИХ УДМУРТОВ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК*

В статье приводится обобщенный анализ материалов, собранных финскими, венгерскими и эстонскими исследователями в XIX–XXI вв., о закамской группе удмуртов. Даются сведения о зарубежных источниках, опубликованных в печати и архивных.

Ключевые слова: закамские удмурты, зарубежные ученые, этнография, фольклор, язык.

Этнография, фольклор и говоры языка закамских удмуртов**, живущих в отрыве от материнского этноса в иноэтничном и иноконфессиональном окружении и сохранивших многие архаичные элементы в культуре и языке, являются предметом разностороннего научного исследования. Внимание ученых привлекает и тот факт, что эта группа удмуртов не приняла крещение и сохранила традиционную этническую религию. Изучение закамских удмуртов отечественными учеными имеет богатые традиции [8. С. 5–13; 11. С. 6–11; 12. С. 116–126; 13. С. 13–24], большой вклад внесли также зарубежные ученые, особенно этнологи, фольклористы и лингвисты Финляндии, Венгрии, Эстонии.

Как считает Р. Ш. Насибуллин, на диалект закамских удмуртов одним из первых обратил внимание эстонский лингвист Ф. И. Видеманн, обозначивший

^{*} Авторы выражают признательность старшему научному сотруднику Музея Культур (г. Хельсинки) Илдико Лехтинен и магистранту Хельсинкского университета Кирси Мякеля за перевод финских и венгерских текстов, а также научному сотруднику Эстонского национального музея С. Карм за предоставленную информацию о хранящихся в этом музее коллекциях по закамским удмуртам и к. ф. н. В. Н. Денисову за сведения о хранящихся в Венском Фонограммархиве материалах по удмуртам.

^{**} Закамские удмурты живут в северо-западных р-нах Башкортостана, Куединском р-не Пермского края, Красноуфимском р-не Свердловской обл., Бавлинском р-не Татарстана. В кон. XIX — нач. XX в. административно они входили в состав Уфимской, Пермской и Самарской губ. Эта этнотерриториальная группа сформировалась в ходе переселенческого движения удмуртов на башкирские земли в XVI—XVIII веках.

его термином «оренбургский диалект» [47; 48. С. 240–256]. Анализируя лексический состав использованных Ф. И. Видеманном примеров, Р. Ш. Насибуллин заключает, что эстонский ученый имел дело с диалектологическим материалом удмуртов д. Ташкичи Андреевской вол. Бирского у. Уфимской губ. (ташкичинский говор) [9. С. 7].

В 1878 г. финский лингвист Т. Г. Аминофф собирал диалектологический и фольклорный материал среди удмуртов Мамадышского и Сарапульского у. (соответственно – Казанской и Вятской губ.) [З. С. 38]. В 1879 г. он планировал аналогичную поездку к удмуртам Бирского у. Уфимской губ., но здоровье не позволило ему заняться полевыми исследованиями. Тем не менее ученый нашел оригинальный выход из этой ситуации. В качестве информаторов он использовал «башкирских удмуртов», проходивших военную службу близ г. Хамина, где жил и работал Т. Г. Аминофф [З. С. 40]. Финский исследователь И. Лауросела писал, что «данные о языке и религиозных обрядах уфимских вотяков он (Т. Г. Аминофф. – Р. С., Т. М.) получил от военнослужащего русской армии в Хамине. Эти уфимские вотяки в 1600-х годах переселились к башкирам, спасаясь от крещения» (перевод с финского) [29. S. 63]. К сожалению, нам не известно, опубликованы эти материалы или же они хранятся в архивах.

Одним из первых зарубежных этнологов, проводивших полевые исследования среди закамских удмуртов, был финский ученый А. О. Хейкель (в то время Великое Княжество Финляндское входило в состав Российской империи на правах автономии). В 1884 г. А. О. Хейкель совершил длительную экспедицию, посетив деревни мордвы Нижегородской и Самарской губ., марийцев Казанской, Вятской и Уфимской губ., удмуртов Вятской и Уфимской губ. [3. С. 54]. Занимался он изучением традиционного костюма и жилищ финноязычных народов России. Летом 1884 г. А. О. Хейкель побывал в д. Большой Качак Бирского у. Уфимской губ. Отдельной публикации по собранным у закамских удмуртов материалам ученый не издал, но некоторые сведения по ним он использовал в своих работах, например в монографии, посвященной традиционному жилищу финноязычных народов [23].

При изучении этнографии закамских удмуртов значительный интерес представляют полевые записи и дневник А. О. Хейкеля, ныне хранящиеся в Архиве этнографических рукописей Музейного ведомства Финляндии (Museoviraston Kansatieteen käsikirjoitusarkisto). В полевом дневнике он пишет, что среди удмуртов д. Большой Качак процветает язычество, которое распространено среди местных «финских племен», то есть удмуртов и марийцев. Например, школа в этой деревне была «языческой», так как все ученики и сам учитель были некрещеными. Жители деревни спрашивали его, почему царь не разрешает им совершать свои жертвоприношения, ведь они, как и остальные, платят налоги, а чтобы их исправно платить, им необходимо устраивать жертвоприношения.

Ученый посетил жертвенное место удмуртов. Он пишет, что оно было расположено на окраине поля, там не было деревьев. Здесь были еще заметны следы пяти кострищ с прошлого жертвоприношения: на одном принесли в жертву овцу, на другом — быка, на третьем — корову, на четвертом — лошадь, на пятом — гуся. Во время жертвоприношения священная территория была обведена веревочным

ограждением на кольях. Святилище можно посещать только в белой одежде, поэтому сопровождающий ученого учитель надел белую ритуальную одежду. Там нельзя также ходить в сапогах [22. S. 12–13].

Представляют большой научный интерес и полевые записи А. О. Хейкеля, в которых зафиксированы названия и описания святилищ, одежды и ее деталей у закамских удмуртов. Например, он отмечает, что в д. Большой Качак женщины носят головное полотенце чалма, которое выходит из употребления в нач. XX в., и сведения о нем очень редки. По Хейкелю, «чалма – длинное головное полотенце, которым обертывают голову два раза, опуская украшенные концы на спину» (перевод с финского) [21. S. 84]. Интересны и другие краткие описания одежды, головных уборов и украшений (dirsponat – накосник из монет и жетонов (удм. dendor), вплетаемый в волосы; tatak – налобная повязка из бархата или позумента, украшенная бахромой, верхняя часть отделана лентой из бобрового (удм. ката) меха; kalpak – «белая шапочка»; manglai – «венок с деньгами на лбу» (перевод с финского); silsumys – «полоска (обычно из отделанной кожи. – Р. С., Т. М.) с деньгами на груди, [надевают] на грудь от левого плеча, [проводя] под правую подмышку» (перевод с финского); töšläk – «татарский нагрудник»; kamzol – верхняя одежда из бархата, без рукавов; bešmät – верхняя одежда из бархата с рукавами и т.д. [21. S. 84].

В экспедиции А. О. Хейкеля сопровождал художник А. Рейнгольм. Его акварели и графические рисунки — ценный источник, особенно при изучении традиционной одежды закамских удмуртов. Они хранятся в Фотоархиве Музейного ведомства Финляндии (Museoviraston kuva-arkisto). В д. Большой Качак художник изобразил мужчину и женщину в традиционной праздничной одежде (местного учителя и его жену*), женщину в головном уборе чалма, внешний вид святилища [36].

Серьезный вклад в изучение закамских удмуртов внесли венгерские ученые. В 1885—1886 гг. лингвист Б. Мункачи работал среди удмуртов Мамадышского, Малмыжского, Глазовского и Бирского уездов [1. С. 31; 4. С. 277]. Основной целью его поездки было «стремление собрать текстовой и словарный материал во всех местах проживания удмуртов и тем самым добыть сведения об удмуртских диалектах» [6. С. 15]. В 1887 г. он выпустил книгу с публикацией своих удмуртских полевых материалов [34]. В нее включено всего несколько фольклорных текстов по закамским удмуртам: одна молитва и несколько песен, записанные в д. Можга Бирского у. Уфимской губ. (ныне Янаульский р-н Башкортостана) [34. S. 168, 265, 309], ввиду исследовательской неудачи в сборе полевого материала в названной деревне.

3 августа 1885 г. Б. Мункачи с сопровождавшим его учащимся-удмуртом Казанской инородческой учительской семинарии Николаем Ивановичем Ивановым прибыли из Сарапула в Березовск Бирского у. (ныне с. Николо-Березовка Краснокамского р-на Башкортостана). Но, как отмечает ученый в опубликованном полевом отчете, они не знали, в какую сторону ехать дальше, так как под рукой не было карты Уфимской губ. От одного извозчика они узнали, что ближайшая языческая удмуртская д. Можга находится в 40 верстах от Березовки.

^{*} Эти акварельные рисунки А. Рейнгольма опубликованы (См. [3. Вкладка]).

Сначала решили заехать в с. Иванкино (ныне с. Никольское Краснокамского р-на Башкортостана), где жили русские и крещеные марийцы. В церкви села священником служил мариец. Он хорошо принял их и дал рекомендательное письмо для русского купца, жившего в д. Можга. Купца они встретили уже по пути в деревню, и он объяснил извозчику дорогу до деревни. Так они прибыли на место назначения, где ученому впервые довелось увидеть «язычников-вотяков». Но, как пишет Б. Мункачи, «достать лингвистический материал было очень сложно, даже невозможно, и это понятно. Живущие здесь вотяки очень боязливы, их не один раз пытались крестить силой [...] Люди боялись нас еще и потому, что русский купец, с которым мы связывались, дал обо мне неверную информацию. Когда я понял, что не могу ни на что рассчитывать, решил как можно быстрее уехать. Так и получилось. 7 августа мы с Николаем были уже в Казани» (перевод с венгерского) [35. S. 105].

Несмотря на неудачи, Б. Мункачи не оставлял надежды собрать фольклорный и лингвистический материал среди закамских удмуртов. Такая возможность представилась в годы Первой мировой войны. По просьбе венгерских ученых, военное министерство Австро-Венгрии разрешило им проводить научные исследования среди российских солдат, находившихся в плену. В течение 1915–1916 гг. Б. Мункачи работал с 25 информаторами-удмуртами в Эстергомском лагере для военнопленных (Венгрия), среди которых были также представители Самарской, Пермской и Уфимской губ., то есть закамские удмурты [10. С. 32]. В эти годы он собрал богатый фольклорный материал по «самарскому», «пермскому» и «уфимскому» диалектам. Но, к сожалению, при жизни он не успел издать свое собрание. Тексты с транскрипцией на латинице и переводом на немецкий язык будут опубликованы уже после смерти ученого в 1952 г. в Хельсинки стараниями его ученика Д. Р. Фокоша-Фукса [44]. Среди текстов, записанных Б. Мункачи от закамских удмуртов, огромный интерес представляют три языческие молитвы (воськыл, арня нунал восяськон, арня нунал *залбариськон*), одно заклинание (*пельтйськон кыл*), две сказки и огромное количество песен-четверостиший. Среди информаторов из Уфимской и Пермской губ. значатся Ахмадыша Джандусов из д. Виль Калмияр Уфимской губ. (ныне д. Новый Калмияр Куединского р-на Пермского края), Сабырзян Мухаяров из д. Вуж Вараш (д. Старый Варяш Янаульского р-на Башкортостана), Мардымша Мурадшин из д. Уразгильды (Вукогурт) (Татышлинский р-н Башкортостана), Ахмадьян Тимирзянов из д. Камлы-гурт (д. Канлы Кушнаренковского р-на Башкортостана), Калян Галямшин из д. Вотская Урада Пермской губ. (ныне Янаульский р-н Башкортостана) [44. S. XIV].

С двумя информаторами (Ахмадыша Джандусов и Калян Галямшин) Б. Мункачи работал совместно с австрийским музыковедом Робертом Лахом, записывая их песни на фонограф [43. S. 18]. Эти песни (18) были транскрибированы Б. Мункачи и нотированы Р. Лахом и в итоге с нотами вошли в изданный австрийским музыковедом в 1926 г. первый том сборника «Песни российских военнопленных» [28. S. 43–47, 92–97]. Ныне фоновалики с записями этих песен хранятся в Фонограммархиве Австрийской Академии наук (Phonogrammarchiv der Österreichischen Akademie der Wissenschaften) в Вене [20].

Таким образом, собранный Мункачи материал по закамским удмуртам представляет собой ценнейший источник при изучении их фольклора, этнографии и языковых особенностей.

Летом 1894 г. на средства Финно-Угорского общества свою экспедицию к закамским удмуртам совершил финский лингвист Юрьё Вихманн. Около месяца он пробыл в д. Большой Качак Киебаковской волости Бирского у. Уфимской губ. (ныне Калтасинский р-н Башкортостана), изучая диалект и собирая фольклор местных удмуртов [3. С. 46]. Накопленный им значительный материал по диалекту местных удмуртов включен в недавно изданный удмуртский словарь Ю. Вихманна [51]. Собранный Ю. Вихманном некоторый фольклорный материал из д. Большой Качак (пословицы, загадки) был опубликован во 2-й части «Образцов удмуртской речи» в 1901 г. в латинской транскрипции и с переводом на немецкий язык [50]. Небольшая часть этих же текстов и несколько описаний обрядов в латинской транскрипции были включены в изданную также в 1901 г. «Удмуртскую хрестоматию со словарем» [49].

Находясь в д. Большой Качак, он отправил матери и своей семье два письма с описанием экспедиционного быта и некоторых этнографических реалий. Эти письма целиком опубликованы в оригинале [33. S. 27–32], в переводе на удмуртский язык [17. С. 20–22] и частично – в переводе на русский [19. С. 39–40]. Приводим некоторые отрывки в русском: «Все здешние удмурты чистые, некрещеные язычники. Вскоре здесь будут два праздника жертвоприношений, на которые соберутся люди из 25 удмуртских деревень, следовательно, несколько сотен человек. Попробую со своим аппаратом сделать фотографии о ходе жертвоприношения, если позволят. Мой информант – удмурт, посещал школу и является сельским учителем» (23 июня 1894 г.); «В словарной работе оказали помощь сельский старшина и староста [...] Оба – как и остальные живущие здесь удмурты – некрещеные язычники; плохо знают русский язык, так что порою трудно понять, что хотят сказать, когда пытаются объяснять значение отдельных редких слов. Принял я участие на обоих праздниках жертвоприношения. С удовольствием разрешили присутствовать, ибо сочли, что меня направил сюда царь [...] В начале некоторые, в особенности женщины, боялись моего фотоаппарата. Когда в первый раз захотел сфотографировать удмуртских девушек, весьма трудно было уговорить их. Пришлось их задержать и строго сказать: "Стой здесь!", так только и повиновались [...] Здешние удмурты имеют другой характер, нежели северные: более грубые, более жесткие, но вместе с тем более живые. На них оказали влияние их соседи - татары-магометане и башкиры. Множество удмуртских деревень полностью отатарилось и впало в магометанство» (13 июля 1894 г.) [19. С. 39-40]. Устроился он на квартиру в доме русского купца, где ему выделили две комнаты [17. С. 20].

Весь фольклорный материал Ю. Вихманна из этой деревни был записан в одну тетрадь, которая ныне хранится в Научном архиве Финно-Угорского общества (Suomalais-Ugrilainen Seuran tutkimusarkisto). Судя по рукописи, которая содержит удмуртские пословицы, загадки, песни, описания обрядов, мужские и женские имена в латинской транскрипции, не весь собранный им материал был опубликован. Представляют интерес имена жителей деревни, образованные

от названий животных: *Пислег* (Синица), *Кион* (Волк), *Кучыран* (Сова), *Гондыр* (Медведь), *Зичы* (Лиса), *Кайсы* (Клест), *Шушы* (Снегирь), *Чана* (Галка) [45. S. 1–2].

Помимо сбора сведений по диалекту и фольклору удмуртов д. Большой Качак, Ю. Вихманн попутно занимался изучением этнографии, точнее – религиозных верований и обрядов, о чем говорит составленная им небольшая рукопись, имеющая неоценимое значение при изучении религиозных традиций закамских удмуртов. Эта 43-страничная рукопись на финском языке представляет собой полевые этнографические заметки ученого и имеет заглавие *«Tietoja Birskin votjaakkien (Ufan kuv.) tavoista, uskonnollisista menoista у.т.»* («Сведения об обычаях и религиозных обрядах бирских удмуртов (Уфимская губерния)»); хранится в этом же архиве [46].

О ней упоминает А. Е. Загребин в своей книге, посвященной изучению творчества финских ученых [3. С. 46]. Но сама рукопись прежде не публиковалась и сведения из нее не использовались российскими финноугроведами. В Финляндии она также практически не известна. На нее ссылается У. Хольмберг в своей монографии, посвященной религиозным верованиям пермских народов [26. S. 46]. Лишь недавно эта рукопись была опубликована в оригинале и в переводах на удмуртский и русский языки [39. S. 241–263; 14. С. 30–34; 15. С. 42–56].

Рукопись содержит описания различных религиозных обрядов и обычаев удмуртов д. Большой Качак: жертвоприношения в святилище *куала* и священной роще *луд*, моления *Мер-вось*, *Эльын-вось*, *Покшур ошмес вось*, *Тыпывыр вось*, *Зор куриськон*, *Мудор вось* и др. Приводится краткое описание похоронных и поминальных обычаев; дается характеристика некоторых персонажей удмуртской мифологии (*Му-Кылчин*, *Зу-Кылчин*, *Корка-кузё*, *Толпери*, *Вумурт*, *Нюлэсмурт*, *Сюреспери*).

Основную часть сведений Ю. Вихманн собрал с помощью информаторов. В то же время у него была возможность присутствовать на некоторых обрядах и вести свои наблюдения, например на молении *Мер-вось*, которое, начавшись 2 июля, продолжалось несколько дней; также 6 июля он присутствовал на молении по поводу замены ограды на священной роще *луд*, а 13 июля — на ежегодном молении в этой же роще. Материалы Ю. Вихманна бесценны еще и как сведения ученого-очевидца.

Большую научную ценность представляют собой фотографии Ю. Вихманна, сделанные им в д. Большой Качак. Они хранятся в Фотоархиве Музейного ведомства Финляндии [37]. На них запечатлены моменты моления в священной роще луд, моление *Мер-вось*, молодежь в повседневной и праздничной одежде, виды улицы и двора, общий вид деревни, строительство дома, деревенский староста и старшина и т.д. По всей видимости, это самые ранние фотоснимки, запечатлевшие закамских удмуртов; некоторые опубликованы в российских и финских изданиях.

В удмуртской этнографии почетное место занимает имя финского исследователя, этнолога и религиоведа Уно (Хольмберга) Харва*. Изданная им в 1914 г. книга «Permalaisten uskonto» [26] («Верования пермских народов»), без сомнения, является энциклопедией традиционной этнической религии удмуртов. Основным

^{*} В 1927 г. У. Хольмберг поменял свою фамилию на Харва.

источником ее создания явился полевой материал, собранный автором в ходе экспедиции весной-летом 1911 г. в удмуртских деревнях.

Книга написана на финском языке, поэтому для российских исследователей малодоступна. Но вскоре после издания содержание ее стало известно российской научной общественности благодаря тому, что в 1921 г. профессор Казанского университета А. И. Емельянов опубликовал «Курс по этнографии вотяков. Остатки старинных верований и обрядов у вотяков». В предисловии к этой книге автор отмечает: «содержание настоящего выпуска мною взято не из первоисточников, а из готового уже труда на финском языке Гольмберга «Permalaisten uskonto». Труд финского ученого мною только сокращен, переработан и приспособлен к условиям преподавания» [2. С. І]. К сожалению, исследователи не всегда обращают внимание на этот факт и не упоминают, что книга написана на основе материалов У. Хольмберга. Несколькими годами позже материалы финского ученого были опубликованы в переводе и на английский язык в серии «The Mythology of All Races» [25].

Содержание книги станет известно удмуртским читателям и на родном языке благодаря журналу «Инвожо», где публиковался осуществленный С. Максимовым перевод части книги с финского на удмуртский язык [18].

В ходе экспедиционной работы в течение 5 месяцев У. Хольмберг изучал религиозные традиции удмуртов дд. Старая Кирга Пермской, Можга и Каймашабаш Уфимской, Ошторма-Юмья, Старый Канисар, Средний Кумор, Старая Юмья, Верхняя Юмья, Старая Уча Казанской губ. [3. С. 73–76]. Помимо записей полевого материала, произведенных посредством бесед с информаторами и личного наблюдения, финский исследователь фотографировал объекты религиозного культа удмуртов. Всего он сделал около 150 фотоснимков [3. С. 77], которые хранятся в Фотоархивах Финского литературного общества (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Kuva-arkisto) и Музейного ведомства Финляндии (Museoviraston Kuva-arkisto). Наиболее примечательные из фотоснимков ученого опубликованы в упомянутой книге и в других его работах, но есть и неопубликованные снимки. Среди них большую научную ценность представляет, например, снимок святилища лы куян («костей выбрасывания [место]»), на котором видны три дерева со связанными лыковыми веревками черепами и костями конечностей жертвенных животных. Рядом с деревьями видны упавшие на землю кости. Фотография не аннотирована, но по полевым записям ученого можно установить, что святилище принадлежало жителям д. Каймашабаш Бирского у. Уфимской губ.: «Лы куян находится в одной болотистой ложбине, где растут некоторые лиственные деревья [...] и ивы. На них видны развешанные черепа и кости ног» [41. S. 116].

Среди неопубликованных фотографий У. Хольмберга есть также снимок удмуртской девушки с серебряными украшениями у ткацкого станка из д. Можга Бирского у., которую он отправил по почте отцу в родное село Юпяйя, подписав ее следующим образом: «Я переехал в другую деревню, потому что в предыдущей подумали, что я принес им холодную погоду. Я не знаю, как долго буду здесь. Потому не могу дать вам свой адрес. Здесь вотская девушка у ткацкого станка. У нее на груди много серебряных монеток. Сердечный привет домой. Уно» 25 мая 1911 г.) [40].

У любого этнографа-полевика, как бы максимально он ни стремился использовать полевые материалы в публикациях, многие ценные сведения и факты зачастую остаются в рукописной форме, в лучшем случае находя место на архивных стеллажах, в худшем — бесследно исчезая. К счастью, полевые записи У. Хольмберга полностью сохранились как в черновом, так и чистовом вариантах. Хранятся они в Архиве рукописей Финского литературного общества (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran kirjallisuusarkisto) в г. Хельсинки [41]. Чистовая рукопись, состоящая из нескольких тетрадей и имеющая 338 страниц, повествует о религиозных верованиях и обрядах удмуртов и марийцев*. 156 страниц рукописи посвящено описанию полевых наблюдений ученого среди закамских (по определению самого автора, «восточных») удмуртов в Пермской и Уфимской губ.

Записи У. Хольмберга сопровождаются небольшими зарисовками культовых объектов. В основном это схемы святилища куала и священной рощи луд, рисунки алтарных полок в куала, надмогильных сооружений и др. Чрезвычайно интересны схематические изображения культовых конструкций из дерева, устанавливаемые во время жертвоприношений (два срубленных ствола молодых деревьев — ель, береза — втыкают в землю, поверх них горизонтально в виде перекладины ставят третий ствол). Сегодня подобные «небесные врата» устанавливают лишь изредка в некоторых деревнях.

Рукопись, бесспорно, содержит уникальный материал по религии закамских удмуртов, только частично использованный самим автором, и естественно, почти не известный научной общественности (сведения о святилищах луд и куала, родильных, свадебных и похоронно-поминальных обрядах, годовом цикле жертвоприношений, мифологических представлениях). Кроме того, в записях приводятся фольклорные тексты, как в оригинале, так и в переводе на финский язык.

Приведем некоторые сведения о полевой работе ученого среди закамских удмуртов, основываясь на его рукописи и газетных корреспонденциях. Последние, будучи его путевыми заметками с мест экспедиционной работы в редакцию газеты «Turun Sanomat» («Туркуские вести») и адресованные широкой аудитории, также ценны в источниковедческом плане. Всего за период экспедиции 1911 г. эта газета опубликовала 9 «путевых писем» («matkakirjeitä») Хольмберга, 4 из которых посвящены непосредственно закамским удмуртам и содержат описание экспедиционной работы и ряда этнографических реалий («Старая Кирга», «На жертвенной горе», «Свадебные обряды вотяков», «Почитание умерших у вотяков» [24].

В конце марта 1911 г. Хольмберг приехал в Казань, где при поддержке местных ученых разрабатывал маршрут и изучал имеющуюся литературу [3. С. 73]. В начале мая он приплыл по Каме в Николо-Березовку, откуда направился к удмуртам Осинского у. Пермской губ. в д. Старая Кирга. В самом начале своей работы в одном из писем ученый отмечал: «Деревня подлинно языческая. Здесь повсюду священные рощи [...] Я успел на первый весенний пароход вовремя, потому что уже на следующий день здесь проводился обряд начала сева,

^{*} Материалы о марийцах также были собраны в ходе экспедиции ученого в 1911 г., когда он посетил марийские дд. Рабак (Пермская губ.), Сусады и Мушаково (Уфимская губ.).

и я его фотографировал. Скоро здесь будут проводиться и другие обряды. Жизнь здесь очень интересна» [3. С. 74]. Он побывал также на молении Буэ дюк вось («Моление в овраге у реки Буй»), в котором участвовали жители нескольких деревень; осматривал святилища и кладбища, беседовал со сведущими стариками. Как сам отмечает, « ходил в гости во многие дома вотяков, угощали меня везде чаем и белым хлебом. Старики дали мне хорошие сведения [...]» [24. № 1938]. Но вскоре ученый был вынужден покинуть удмуртскую деревню. Уже в начале пребывания в деревне Уно Хольмбергу «трудно было устроиться на ночлег. Никто не понимал, зачем я приехал. Сложно было объяснить, что я приехал изучать их обряды. Я сказал, что меня послал царь, т. к. он хочет знать, как живут вотяки» [24. № 1938]. Тогда он все же вошел в доверие жителей деревни, хотя некоторые «цивилизованные», по словам ученого, местные жители приняли его даже за японского шпиона. Но на этот раз ситуация оказалась критической: «В одну ночь выпал снег, что земля стала совершенно белой. Такого не было 10 лет и старики удивились. Мудрецы собрались обсудить, что необходимо делать и какую жертву надо принести. Я узнал, что, по мнению многих, причиной снегопада является «вотяк» из Финляндии, который в один день ходил по всем святым рощам без жертвоприношений. Умершие рассердились и сильно отомстили. Они все были единодушны и решили прогнать гостя» [24. № 1938]. К Хольмбергу пришли два почтенных старика и попросили его уехать из деревни. Так он был вынужден прервать исследования и отправиться в другие места. И все же Уно Хольмберг успел собрать значительный материал по верованиям жителей деревни и сделать интересные фотоснимки.

Экспедиционная работа в Уфимской губ., видимо, происходила в спокойной обстановке. По крайней мере, Хольмберг не сообщает о препятствиях для его исследований. Здесь он работал в дд. Можга, Конигово и Каймашабаш и затем в Мамадышском у. Казанской губ.

Публикации и полевые экспедиционные материалы У. Хольмберга (записи, зарисовки, фотографии) представляют собой уникальный источник для изучения традиционных религиозных верований и обрядов закамских удмуртов.

С установлением в России советской власти полевые исследования зарубежных ученых среди финно-угорских народов надолго прекращаются. Лишь в 1960-е гг. возобновляются контакты с венгерскими (Венгрия, как известно, входила в число стран «соцлагеря») и эстонскими (Эстония входила в состав СССР) учеными, а с 1980-е гг. – и с финскими.

В 1966—1975 гг. венгерские ученые, этномузыковед Ласло Викар и лингвист Габор Берецки, провели несколько экспедиций к народам Урало-Поволжья, в том числе и к удмуртам, собирая песенный фольклор. Среди удмуртов они работали в Башкирской, Татарской и Марийской АССР, поскольку территория Удмуртии была закрыта для иностранцев [10. С. 35].

В августе 1974 г. венгерские исследователи собирали полевой материал в Татышлинском (Уразгильды, Новые Татышлы, Нижнебалтачево, Старый Кызыльяр, Бигинеево, Старокалмиярово, Верхние Татышлы, Вязовка) и Янаульском (Шудек, Конигово, Можга, Банибаш, Старый Варяш, Четырман, Андреевка, Барабановка, Верхняя Барабановка, Каймашабаш, Вотская Урада, Вотская

Ошья) р-нах; в июне и июле 1975 г. – в Илишевском (Ташкичи, Князь-Елга) р-не БАССР [43. S. 40]. В 1989 г. в Будапеште была издана книга, в которую вошли также песни закамских удмуртов. Транскрибированные тексты сопровождаются нотными расшифровками и переводами на венгерский и английский языки. Авторы отмечают, что в мелодике песен удмуртов Башкирии чувствуется тюркское влияние [43. S. 10].

В 1984 г. Л. Викар выпустил грампластинки с песнями народов Урало-Поволжья, одна из которых содержит записи песен удмуртов. Туда вошли также четыре песни, исполненные в деревнях закамских удмуртов (Вязовка, Старокалмиярово, Банибаш, Каймашабаш) [42. S. 16–18].

С 1971 по 1993 год сотрудники Удмуртского республиканского краеведческого музея (ныне НМ УР им. К. Герда) совместно с сотрудниками Эстонского национального музея (ЭНМ, г. Тарту) под руководством С. Х. Лебедевой и А. Ю. Петерсона провели более 20 экспедиций к удмуртам, практически во все регионы их проживания, посетив более 150 населенных пунктов. Сотрудники НМ УР и ЭНМ собрали огромную этнографическую коллекцию, кроме вещевых артефактов, включавшую этнографические рисунки и рукописи, фотографии, видеозаписи, полевые дневники [5. С. 81].

В июне 1984 г. совместная удмуртско-эстонская экспедиция (А. Петерсон, фотограф А. Лууд, художник Т. Пухвель, научные сотрудники С. Лебедева, Л. Волкова и О. Широкова, фотограф А. Ермаков, художник В. Лебедев и 6 студентов УдГУ под руководством Н. Старковой) работала среди удмуртов Башкирской АССР. Экспедиция посетила удмуртские населенные пункты Янаульского (Шудек, Можга, Конигово, Барабановка, Верхняя Барабановка) и Татышлинского (Новые Татышлы, Бигинеево, Старокалмиярово, Уразгильды, Кызылъяр) р-нов [38. S. 189–211]. Летом 1985 г. совместная экспедиция двух музеев работала в удмуртских населенных пунктах Бавлинского р-на Татарской АССР (Покровский-Урустамак, Уд-Ташлы, Покровск, Измайлово, Николашкино, Потапово-Тумбарла) и д. Купченеево Ермекеевского р-на Башкирской АССР [38. S. 213–229].

В итоге в Эстонском национальном музее была собрана значительная коллекция по культуре закамских удмуртов. Сборы 1984 г. в Янаульском и Татышлинском р-нах БАССР включают в себя коллекции этнографических предметов (В 146: 1–102) (то есть в коллекции предметов (В) № 146 представлено 102 единиц хранения), этнографических рисунков (ЕЈ 416: 1–57), фотографий (Fk 2067: 1–243) и полевые дневники. Среди бавлинских удмуртов в 1985 г. было собрано 100 предметов (В 152: 1–100) и 219 фотографий (Fk 2118: 1–181; Fk 2102: 1–38).

С началом демократических преобразований в стране начинается новый этап в изучении закамских удмуртов зарубежными исследователями. В этот период одной из первых к закамским удмуртам была организована экспедиция летом 1990 г. в удмуртские населенные пункты Куединского р-на Пермской области. Фотографом работал сотрудник Эстонского национального музея Алдо Лууд.

В 1991 г. венгерский этнограф Агнеш Кережи участвовала в совместной международной экспедиции, организованной Удмуртским республиканским краеведческим, Эстонским Национальным и Венгерским Этнографическим музеями к закамским удмуртам Бураевского и Калтасинского р-нов Башкирии.

Целью полевых исследований А. Кережи было общее знакомство с жизнью и бытом, традиционными представлениями и обрядовой культурой данной этнографической группы, сбор вещественного материала для фондов Венгерского этнографического музея. Она производила видеосъемки, вела записи устных бесед и приобретала экспонаты (коллекция 91.89.4.14—91.89.14); работала с фотографом Эржэбет Винтер, благодаря которому параллельно осуществлялись съемки предметов быта, одежды, украшений, построек и людей [27]. Эстонский Национальный музей представляли видеооператор Яан Трейал, фотограф Арп Карм.

Закамские удмурты привлекли внимание и финских ученых: этнолога из Музейного ведомства Финляндии Илдико Лехтинен и демографа из Института России и Восточной Европы Сеппо Лаллукка в ходе полевых исследований у восточных марийцев в Башкирии, Свердловской и Пермской областях в июне-июле 1997 года [7; 30].

В июле 1999 г. Эстонская Художественная Академиея организовала экспедицию к финно-угорским народам Башкортостана (рук. Кадри Вийрес). Студенты Академии, начинающие художники, обследовали различные стороны жизни удмуртов Татышлинского р-на и представили рисунки. Совместно с художниками свои исследования проводил эстонский этномузыковед Каур Мяги. В экспедиции участвовал также фольклорист Джонатан Роппер из университета Шеффелд (Великобритания). Его интересы были сосредоточены на традиционных молениях удмуртов и текстах молитв-куриськон. Для общего знакомства с культурой удмуртов вели свои наблюдения этнографы Городского Этнографического Музея Мюнхена (Германия) Жан-Луп Руссело и Вероника Грахаммер.

Эстонский фольклорист из Тартуского университета Мэрили Метсвахи приезжала в Бураевский и Янаульский р-ны в июне-июле 2003 года. Исследователя нарративов интересовали рассказы биографического характера и жизненных явлениях, связанных с самими информантами, с целью сравнительного анализа удмуртских и эстонских материалов. Ее выводы подтверждают тезис о том, что биография человека конструируется на основе той или иной культуры и существенно определяется тем, доминирует ли в ней письменная или устная традиция.

В июне-июле 2008 г. в с. Большой Качак Калтасинского р-на Башкортостана для своей исследовательской работы собирала материал магистрант Хельсинкского университета Кирси Мякеля. Она изучала современное состояние культовых мест и отношение к ним современных жителей, сравнивая эти данные со сведениями Ю. Вихманна [32. С. 63–67].

В августе 2008 г. в Республике Башкортостан работала этнографическая экспедиция университета Печ (Венгрия) под руководством доктора Золтана Надь. Помимо общего знакомства с удмуртами, у исследователей были свои темы для изучения: «Культовые места у удмуртов» (Вера Самонек), «Традиционные способы торговых отношений у удмуртов» (Богларка Мачаи), «Своеобразие говоров локальных групп» (Аттила Добо). По результатам экспедиции Б. Мачаи опубликовала статью, посвященную почитанию памяти погибших воинов-интернационалистов в Республике Башкортостан на примере закамских удмуртов [31. S. 359–376]. Свои этнографические исследования аспирантка университета

г. Печ продолжала в течение 3 месяцев 2012-го г., изучая этнографию удмуртов Татышлинского р-на [16].

Таким образом, в истории изучения закамских удмуртов зарубежными исследователями можно выделить три периода. Первый относится ко вт. пол. XIX — нач. XX в. и связан со становлением финно-угроведения как научного направления и пробуждением национального самосознания финского и венгерского народов. Второй — приходится на вт. пол. XX в., когда особых результатов достигли венгерские и эстонские ученые. Третий период, начавшись в эпоху демократизации в России и продолжаясь по настоящее время, характеризуется большим вкладом исследователей из Финляндии, Венгрии и Эстонии в изучение этнографии, фольклора и языковых особенностей закамских удмуртов.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1. *Владыкин В. Е., Христолюбова Л. С.* История этнографии удмуртов. Краткий историографический очерк с библиографией. Ижевск, 1984.
- 2. *Емельянов А. И.* Курс по этнографии вотяков. Остатки старинных верований и обрядов у вотяков. Казань, 1921.
- 3. *Загребин А. Е.* Финны об удмуртах. Финские исследователи этнографии удмуртов XIX первой половины XX в. Ижевск, 1999.
- 4. Загребин А. Е. Финно-угорские этнографические исследования в России (XVIII первая половина XIX в). Ижевск, 2006.
- 5. *Карм С*. Об удмуртских собраниях Эстонского национального музея // Музей. Традиции. Этничность. XX–XXI вв.: Материалы Международной научной конференции. СПб.–Кишинев, 2002.
- 6. *Кельмаков В. К.* Слово о Бернате Мункачи, исследователе удмуртов // Венгерские ученые и пермская филология. Устинов, 1987.
  - 7. Лаллукка С. Восточно-финские народы России. СПб., 1997.
  - 8. Миннияхметова Т. Г. Календарные обряды закамских удмуртов. Ижевск, 2000.
- 9. *Насибуллин Р. Ш.* Закамские говоры удмуртского языка. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1972.
- 10. *Нуриева И. М.* Музыка в обрядовой культуре завятских удмуртов. Проблемы культурного контекста и традиционного мышления. Ижевск, 1999.
- 11. Садиков Р. Р. Поселения и жилища закамских удмуртов (материальный и духовный аспекты). Уфа, 2001.
- 12. *Садиков Р. Р.* Традиционные верования закамских удмуртов: историография проблемы // Этнографическое обозрение. 2006. $\mathbb{N}$ 2.
- 13. Садиков Р. Р. Традиционные религиозные верования и обрядность закамских удмуртов (история и современные тенденции развития). Уфа, 2008.
- 14. *Садиков Р. Р., Мякеля К.* Камсьöр удмуртъёслэн вöсьёссы. Юрьё Вихманнлэн кигожтосэз // Вордскем кыл. 2008. № 1.
- 15. *Садиков Р. Р., Мякеля К.* Рукопись Ю. Вихманна о религиозных верованиях и обрядах закамских удмуртов как ценный исторический источник // Финно-угроведение. 2008. № 1.
- 16. *Самигулова И*. «Мечтаю вернуться снова» // Татышлинский вестник. Общественно-политическая газета Татышлинского района Республики Башкортостан. 2012. 13 июль.
- 17. *Уваров А.* Юрьё Вихманнлэн удмуртъёс дорысь гожтэтъёсыз // Кенеш. 1998. № 12.

- 18. Хольмберг У. Перма калыкъёслэн осконъёссы // Инвожо. 2001. № 1–2; 2002. № 6-7; 2003. № 3.
- 19. Чуч Ш. Письма Юрьё Вихманна с удмуртских земель // Пермистика 2: Вихманн и пермская филология. Ижевск, 1990.
- 20. Das Phonogrammarchiv Österreichs wissenschaftliches audiovisuelles Archiv. Gesänge russischer Kriegsgefangener" zur Zeit des 1. Weltkrieges: Lieder der verschiedenen Völker des damaligen Russischen Reiches.
- 21. Heikel A. O. Muistiinpanokirja "D". 1884. // Museoviraston kansatieteen käsikirjoitusarkisto. Heikel A. O. IV. Tutkimusmatkat Venajälle ja Siperiaan. 1/4.
- 22. Heikel A. O. Tjeremissien ja votjakkien luona Birskin seuduilla, mordvalaisten luona Samaran läänissä. 1884. // Museoviraston kansatieteen käsikirjoitusarkisto. Heikel A. O. II. Kirjallinen toiminta. 1. Tieteellisten teosten käsikirjoituksia. 6.
- 23. Heikel A. O. Rakennukset Tjeremisseilla, Mordvalaissilla, Virolaisila ja Suomalaisilla. Helsinki, 1887.
  - 24. Holmberg U. Matkakirjeitä // Turun Sanomat. 1911. №№ 1938, 1975, 1982, 1999.
- 25. Holmberg U. Finno-Ugric Mythology // The Mythology of All Races in thirteen volumes. Boston, 1927. V. 4.
  - 26. Holmberg U. Permalaisten uskonto. Porvoo, 1914.
  - 27. Kerezsi A. Az udmurtok. Szombathely, 1999.
- 28. Lach R. Gesänge russischer Kriegsgefangener. I band. Finnisch-ugrische Völker. 1. Wotjakische, Syrjänische und Permiakische Gesänge. Wien-Leipzig, 1926.
- 29. Laurosela J. Torsten G. Aminoff, suomalainen kielentutkija // Joukahainen. XIV. Pohjalaisten osakuntien toimittama albumi. Helsinki, 1913.
  - 30. Lehtinen I. Tscheremissischer Schmuck: Ethnographische Untersuchung, Helsinki, 1994.
- 31. Mácsai B. The Cult of International Heroes in Post-Soviet Bashkortostan // Passageways. From Hungarian Ethnography to European Ethnology and Sociocultural Anthropology. Budapest, 2009.
- 32. Mäkelä K. Ritual places of Trans-Kama Udmurts: a case-study from the village of Bolsoj Kačak // Финно-угроведение. 2009. № 1.
- 33. Matkamuistiinpanoja. Yrjö ja Julie Wichmannin kirjeitä ja päiväkirjamerkintöjä tutkimusmatkoilta. 1891–1906. Toimittanut Irene Wichmann. Helsinki, 1987.
  - 34. Munkácsi B. Votjak nepkölteszeti hagyomanyok. Budapest, 1887.
- 35. Munkácsi B. A votjakok közt // Ethnographia. A magyarorszagi neprajzi tarsasag ertesitöje. 1892. № 2.
  - 36. Museoviraston kuva-arkisto. SUK 21: 283–284, 21: 314–318.
  - 37. Museoviraston kuva-arkisto. SUK 905: 32-53.
  - 38. *Peterson A.* Udmurdi päevikud. Tartu, 2006.
- 39. Sadikov R., Mäkelä K. Yrjö Wichmannin muistiinpanot Kaman-takaisten udmurttien uskonnollisista käsityksistä ja tavoista // Suomalais-Ugrilaisen Seuran Aikakauskirja. № 92. Helsinki, 2009.
  - 40. Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran kuva-arkisto. Uno Harvan kokoelma.
  - 41. Uno Harvan matkamuistiinpanoja. 1911 // Suomalaisen Kirjallisuuden kirjallisuusarkisto.
  - 42. Vikar L. Finnugor es Török nepekzeneje. Budapest, 1984.
  - 43. Vikar L., Bereczki G. Votjak Folksongs. Budapest, 1989.
- 44. Volksbräuche und Volksdichtung der Wotjaken. Aus dem nachlasse von Bernhard Munkácsi. Herausgegeben von D.R. Fuchs. Helsinki, 1952.
- 45. Wichmann Y. Kielennäytteitä Ufan alueelta. 1894 // Suomalais-Ugrilainen Seuran tutkimusarkisto: kotelo 726.

- 46. *Wichmann Y*. Tietoja Birskin votjaakkien (Ufan kuv.) tavoista, uskonnollisista menoista y.m. 1894 // Suomalais-Ugrilainen Seuran tutkimusarkisto, kotelo 727.
  - 47. Wiedemann F. J. Grammatik der Wotjakischen Sprache. Reval, 1851.
- 48. *Wiedemann F. J.* Zur Dialekten Kunde der Wotjakischen Sprache // Bulletine la classe historico-philologique de L'Akademie de St.-Petersburg. XV. St.-Petersburg-Leipzig, 1858.
  - 49. Wotjakische Chrestomatie mit Glossar von Yrjö Wichmann. Helsingfors, 1901.
- 50. Wotjakische Sprachproben. Herausgegeben von Yrjö Wichmann. II. Sprachwörter, Rätsel, Märchen, Sagen und Erzählungen. Helsingfors, 1901.
- 51. Wotjakische Wortschatz. Aufgezeichnet von Yrjö Wichmann. Bearbeitet von T. E. Uotila und Mikko Korhonen. Herausgegeben von Mikko Korhonen. Helsinki, 1987.

Поступила в редакцию 3.10.2012

R. R. Sadikov, T. G. Minnijakhmetova

Foreign Scholars of Ethnography, Folklore, and Language by Trans-Kama Udmurts: Essays on Historiography

The article represents the summarised analysis of studies on ethnographic, folkloristic, and linguistic features of Trans-Kama Udmurts. Those researches were conducted by foreign scholars 19–21 centuries. A valuable contribution to science was made mostly by Finnish, Hungarian, and Estonian researches. In the article are given the list of all publications and archive sources collected by Finno-Ugric scholars among this ethnographic group.

Keywords: Trans-Kama Udmurts, Foreign Scholars, Ethnography, Folklore, Language.

Садиков Ранус Рафикович,

доктор исторических наук, ФГБУН «Институт этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева» Уфимского научного центра РАН

г. Уфа E-mail: kissapi@mail.ru

Миннияхметова Татьяна Гильнияхметовна,

доктор философии, научный сотрудник, Институт истории и европейской этнологии Австрия, Инсбрук E-mail: minnijah@hotmail.com

Sadikov Ranus Rafikovich,

Doctor of Science (History), Institute of Ethnological Studies named after R.G. Kuzeev, Ufa Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences Ufa

E-mail: kissapi@mail.ru

Minnijakhmetova Tatyana Gilniyakhmetovna,

PhD, research associate, Institut für Geschichte und Ethnologie Austria, Innsbruck E-mail: minnijah@hotmail.com УДК 623.4(470.51)(091)

В. А. Маратканов

ЭТОТ МНОГОЛИКИЙ ГУГО СТАНДЕРТШЁЛЬД

Освещается деятельность Ижевского оружейного завода в период управления Гуго Стандертшёльдом – одним из представителей известного финского дворянского рода, сыгравшего значительную роль в развитии оружейной промышленности России.

Ключевые слова: арендно-коммерческое управление, Ижевский оружейный завод, производство, винтовки, рабочие, благотворительность.

Сейчас, когда республиканская промышленность находится в непростом состоянии, наибольший интерес исследователей вызывает период арендно-коммерческого управления Ижзаводами (1865–1884). Это было время качественного и количественного прорыва в ижевской промышленности. Пожалуй, самый заметный след в этот период оставил Гуго Стандертшёльд, последний арендатор, один из представителей известного финского дворянского рода, сыгравшего значительную роль в развитии оружейной промышленности России. Отмечу, что два его двоюродных дяди – Август и Мориц дослужились в империи до генеральских чинов.

Гуго Стандертшёльд (1844—1931) воспитывался в Финляндском кадетском корпусе. С 1864 г. начал службу подпоручиком. Служил в 7-м стрелковом батальоне, затем был переведен во 2-ю резервную артиллерийскую бригаду прапорщиком. В 1866 г. Стандертшёльда зачислили по полевой пешей артиллерии и прикомандировали к Императорскому Тульскому оружейному заводу. В июле 1870 г. по воле начальства его перевели в Тулу и назначили начальником мастерской оружейного завода. Спустя два года перевели на Ижевский оружейный завод. В мае 1877 г. штабс-капитан гвардейской пешей артиллерии Г. Стандертшёльд с согласия товарища (заместителя) генерал-фельдцейхмейстера был утвержден помощником управляющего Ижевским оружейным заводом Петра Александровича Бильдерлинга [1]. С этой должности, можно сказать, и произошел взлет его карьеры. Он прекрасно показал себя в деле, поэтому его назначение в январе

1880 г. на должность управляющего Ижевским оружейным заводом было вполне логичным.

Помощником к себе Гуго взял двоюродного брата Морица Экестуббе (1848—1895), тоже окончившего Финляндский кадетский корпус. С августа 1866 г. прапорщик Эксетуббе служил в лейб-гвардии Финском стрелковом батальоне. Через два года был прикомандирован к 1-ой гренадерской артиллерийской бригаде. С 1869 г. Мориц продолжил службу в Ижевской местной артиллерийской команде. В январе 1880 г. капитана Экестуббе назначили помощником управляющего Ижевским оружейным заводом [2].

Верными помощниками Гуго Стандертшёльду были родной брат штабскапитан полевой конной артиллерии Оскар Стандертшёльд, руководивший на оружейном заводе ствольной мастерской, заведующие мастерскими Федор Тальберг, Людвиг Егершёльд, Иван Шульц и Карл Николаи. Неоценимую помощь Стандертшёльду и всем Ижевским заводам оказал капитан Иван Афиногенович Протопопов — коммерческий представитель в Петербурге, «наш человек в столице», к сожалению, рано ушедший из жизни.

В марте 1879 г. Военный совет запланировал Ижевскому оружейному заводу ежегодный выпуск не менее 80 тыс. малокалиберных винтовок Бердана в течение 6 лет, начиная с 1880 г. Выполнение столь ответственной задачи поручалось арендатору — капитану гвардейской пешей артиллерии Гуго Стандертшёльду, работавшему помощником у предыдущего управляющего Бильдерлинга [3]. В 1880 и 1881 гг. Ижевский завод изготовлял до 135 тыс. малокалиберных винтовок и до 316 тыс. стальных стволов с коробками.

С ростом производительности заметно увеличивалось благосостояние рабочих и росло население заводского поселка. К 1882 г. в Ижевске проживало уже до 30 тыс. жителей [4].

Так, в 1880 г. рабочие Ижзаводов, находившиеся на окладном жалованьи, получали в среднем 28 руб. 31 коп. в месяц, в 1881 г. — 27 руб. 15 коп., в 1882 г. — 27 руб. 40 коп., в 1883 г. — 27 руб. 54 коп., в перв. пол. 1884 г. на оружейном заводе — 27 руб. 45 коп., на сталеделательном — 22 руб. 74 коп. Сдельщики на ручных работах получали в среднем в 1880 г. — 78,4 коп. в день, в 1881 г. — 80,1 коп., в 1882 г. — 80,3 коп., в 1883 г. — 79,9 коп., в перв. пол. 1884 г. на оружейном заводе — 69,85 коп. Сдельщики-станочники зарабатывали в среднем в 1880 г. — 98,2 коп., в 1881 г. — 96,5 коп., в 1882 г. — 92,7 коп., в 1883 г. — 99,7 коп., в перв. пол. 1884 г. на оружейном заводе — 72,27 коп. В среднем ежедневный заработок рабочих Ижзаводов составлял в 1880 г. — 88,3 коп., в 1881 г. — 83,3 коп., в 1882 г. — 86,5 коп., в 1883 г. — 89,7 коп., в перв. пол. 1884 г. на оружейном заводе — 70,8 коп., на сталеделательном — 77,7 коп. [5].

В ноябре 1881 г. Военное министерство посчитало необходимым на треть сократить заказы, данные оружейным заводам, на малокалиберные винтовки. На 1882 г. Ижзаводам был дан наряд вместо 80 тыс. пехотных винтовок только 70 тыс., и вместо 125 тыс. стволов с коробками — только 100 тыс., что в свою очередь, вызвало необходимость сократить значительное число рабочих. После сделанных расчетов, оказалось, что избавившись от всех пришлых, холостых и в возрасте до 15 лет, с 1 января 1882 г. пришлось бы уволить еще 1446

семейных рабочих из числа коренных жителей. Кроме изготовления оружия на станках, никакого другого ремесла они не знали. Гуго Стандертшёльд прекрасно понимал положение остающихся без средств рабочих, особенно в зимнее время, когда Ижевск был отрезан от прочих промышленных центров империи. Поэтому он не решился прибегнуть к такой крутой мере, как увольнение почти полутора тысяч оружейников, и распорядился оставить их до весны, причем — ежедневно работать вместо 10 часов только 5, тем самым зарабатывая хотя бы кусок хлеба насущного для пропитания себя с семейством.

Но и при этом не удавалось обеспечить всех нуждающихся занятием. Тогда арендатор предложил самим рабочим выбрать из своей среды особо доверенных лиц, которые определили, кто из оружейников, менее нуждающихся, может быть уволен.

13 января 1882 г. управляющий Ижзаводами обратился к товарищу (заместителю) генерал-фельдцейхмейстера генерал-адъютанту Л. П. Софиано с докладной запиской, в которой подробно рассказал о состоянии дел на заводах и в самом Ижевске [6].

С 1 сентября 1880 г. ежедневная сдача винтовок составляла 650 экз., с 8 января 1883 г. – по 350.

С января 1880 г. по 1 июля 1884 г., при Стандертшёльде, Ижевские оружейный и сталеделательный заводы изготовили 435 тыс. малокалиберных винтовок и 610 тыс. стальных стволов с коробками [7].

Технология изготовления деталей малокалиберной винтовки Бердана постоянно совершенствовалась. Основные изменения состояли в большем применении станочных работ при изготовлении некоторых частей винтовки, например антабок, штыков, спусковых личинок, затворов, замочных трубок и коробок, а также — в обточке стволов.

В 1881 г. верхняя и нижняя антабки вместо прежней ручной отковки штамповались. Отковка штыковых лезвий производилась ковательным станком вместо ручной отковки. При этом вес штыковой болванки сократился с 2,7 фунтов до 2,5. Черновой штык по своим размерам приблизился к размерам белового штыка.

Отковка спусковой личинки тоже стала производиться ковательным станком. Вес болванки спусковой личинки уменьшился до 10 золотников вместо прежних 11,5. Рационализаторские предложения внес заведующий штамповой мастерской финский подданный Федор Тальберг.

Машинная разработка штыковой шейки стала производиться точнее вследствие добавления переходов. Ручная отделка отверточных полотенец была заменена станочною. Вместо ручной развертки штыковых хомутиков стали применять машинную. Эти технологические изменения предложил заведующий штыковой мастерской подпоручик полевой пешей артиллерии Людвиг Егершёльд.

С обточкой ствола на станках до необходимого размера отпала необходимость в обточке их на наждачных кругах. Технологию улучшил заведующий ствольной мастерской штабс-капитан Оскар Стандертшёльд.

Обработку верхней и нижней антабок, прежде проводившуюся вручную, заменили на станочную. Машинную обработку спусковых личинок увеличили и довели до такой степени точности, которая позволила уменьшить ручные

операции. Прицельный щиток стал обрабатываться на станках настолько точно, что значительно уменьшилась ручная отделка. Улучшения были сделаны поручиком Башинским, который заведовал приборной мастерской.

Ручные работы были заменены машинными при окончательном шарошении каналов затвора, большого гребня затвора с рукояткой, при полировке гребня и круглой части затвора, трубки после ковки, боевых личинок после калки и при разработке большого отверстия трубки перед разверткой этого отверстия.

Обточка и полировка головки трубки, прежде производившаяся на двух станках, стала выполняться на одном. Так же обстояло дело и с шарошением взводов трубки. Раньше эта операция выполнялась дважды на двух станках, теперь – производилась до окончательного размера на одном станке.

Снятие фаски переднего конца коробки стало выполняться не шарошением, а резцом, что в результате выходило чище и точнее.

После модернизации станка вдвое ускорилось машинное шарошение казенной части коробки. Улучшилось прессование пружин отражателя. Отпала необходимость в их копирке после прессовки.

Рационализаторские предложения внес заведующий замочной мастерской финский подданный Иван Шульц.

Прежде гнездо для коробки в штемпелях изготовлялось путем просверливания отверстий и высекания вручную зубилом по лекалу. Теперь гнезда выдавливались под молотом специально приготовленною моделью коробки; оставалось только вычистить гнездо и проверить по лекалу. Такое усовершенствование технологии внес заведующий молотовой мастерской надворный советник Карл Николаи [8].

В апреле 1882 г. специальной комиссией под председательством постоянного члена Артиллерийского комитета генерал-майора Чагина, в состав которой вошли капитаны Императорского Тульского оружейного завода Сергей Иванович Мосин и Николай Григорьевич Дмитриев-Байцуров, предстояло выяснить и решить, способен ли Ижевский оружейный завод к станочному производству 30 тыс. малокалиберных винтовок в год, согласно контракту, заключенному с арендатором П. А. Бильдерлингом.

В мае того же года, осмотрев завод, комиссия сравнила оружейное производство в Ижевске с Тулой.

По мнению членов комиссии, станочное производство стволов в Ижевске было организовано с такой же точностью отделки, как и в Туле. Изготовление других частей винтовки требовало большей ручной отделки. Это же замечание касалось и отделки лож, которые у ижевцев выходили после станков с большим запасом. Имея достаточное число станков и воспользовавшись уменьшением наряда (плана) выпуска винтовок, Ижевский оружейный завод, по мнению членов комиссии, мог немедленно приспособить их для отделки винтовочных частей. Управляющий оружейным заводом капитан Стандертшёльд признал необходимым постепенно уменьшать использование ручного труда, так как жизнь ижевцев напрямую зависела от заработков на заводе.

Как заметили члены комиссии, шарошение лезвия штыка в Ижевске заменялось обточкою на камнях. Станков для этой цели не было, поэтому особенно тщательно приходилось наблюдать за вальцовкой лезвия.

Окончательная гладкая обточка стволов, производившаяся ранее на станках с двумя наждачными кругами, была заменена тщательной обточкой резцами, так как при обточке кругами получалось много наждачной пыли.

В 1883 г. дульную часть ствола ижевцы стали обтачивать по примеру туляков. Черновое строгание трубки штыка отменили. Шарошение шейки и трубки стали выполнять одновременно. Ручная развертка трубки была заменена машинною. Появились новые приспособления для копировки шейки, в результате значительно сократилась обработка вручную. Эти новшества появились по предложению Ф. Тальберга.

Ручную развертку большого отверстия трубки заменили машинной. Кроме того, ручная подчистка и поверка малого отверстия в двух уступах была заменена станочной, по предложению заведующего замочной мастерской И. Шульца.

Нижняя плоскость приклада стала обрабатываться на станке и точно подходила по лекалу, что давало возможность точно сверлить оба отверстия. Вследствие правильного расположения и просверливания отверстий контур приклада получал более точные размеры по лекалу.

Правильное расположение в прицельной колодке щели для прицельной пружины и совершенно точная подгонка ее по лекалу открыли возможность совершенно точно шарошить бока колодки и во второй раз.

Желоб для ствола первоначало обрабатывавшийся во второй раз вручную, стал шарошиться на станке. Шарошение переднего и заднего концов колодки, а также закругление углов у переднего среза стали производить машинным способом, причем настолько точно, что оставалась лишь одна чистка.

Для шарошения боков и развертывания целика у козырька прицельного щитка появились новые станочные переходы (операции). Шарошение боков шарнира с ручного способа перевели на станочный.

Нарезка концов прицельного хомутика и обрезка концов спусковой личинки стали производиться на станках, а не вручную, что было предложено старшим мастером приборной мастерской К. Эком.

В 1884 г. лапочки с наружной стороны у антабок начали шарошить. Стало возможным загибать антабки на станке, соответственно появилась возможность точно разрезать крючок у верхней антабки и просверливать отверстие у нижней.

При производстве прицельных колодки и щитка, а также спусковой личинки появились дополнительные переходы (операции), вследствие чего детали после станочной обработки выходили более точными. Эти нововведения предложили старшие мастера М. П. Пушин и К. Эк.

Кроме того, с 1884 г. вместо отковки прицельную пружину продавливали под прессом.

Все внедренные изменения и усовершенствования в технологии изготовления ствола, штыка, замочной трубки, прицельной колодки, щитика и хомутика, а также приклада в ложе и спусковой личинки преследовали одну цель – достигнуть большей правильности и точности переходов в изготовлении этих деталей. Осуществлялось это как путем замены на операциях ручной обработки станочною, так и изменением прежде существовавшего на заводе порядка изготовления некоторых оружейных частей [9].

Ежегодно летом в Ижевск с инспекторским осмотром приезжал инспектор патронного и оружейных заводов генерал-лейтенант Нотбек. Он подробно интересовался изменениями, происшедшими за минувший год, вникал во все подробности, присутствовал и при пристрелке винтовок. Как не раз отмечал инспектор, все изготовленные на заводе винтовки отличались весьма хорошим боем и соответствовали установленной пристрелке только тремя выстрелами.

Отмечу, что делалось арендатором весьма много: перестраивались старые производственные корпуса и возводились новые, модернизировалось и приобреталось оборудование, совершенствовалась технология. Основные изменения заключались в большем применении станочных работ при изготовлении некоторых частей винтовки. Имеющиеся на заводе станки, машины, приводы регулярно исправлялись и подкрашивались, поэтому зачастую выглядели как новые, а здания, дворы и мастерские рабочие содержали в чистоте, за чем Стандертшёльд ревностно следил. В 1881 г. на Ижевском заводе была устроена сварочно-прокатная мастерская и появилась возможность изготовлять сталь всех возможных сортов, нисколько не уступающую заграничной. Полным успехом увенчались опыты Стандертшёльда и в изготовлении инструментальной стали. По своим характеристикам она ни в чем не уступала самым лучшим сортам иностранной стали [10].

В феврале 1882 г. Стандертшёльд провел в Ижевске две телефонные линии: одну – от дома управляющего заводом до заводской полиции, вторую – на пристрелке винтовок для удобства переговоров между стрелками и махальными [11].

В 1882 г. Ижевские оружейный и сталеделательный заводы участвовали во Всероссийской художественно-промышленной выставке в Москве. Опыт подобного участия уже был: так, в 1867 г. продукция Ижзаводов на Всемирной выставке в Париже удостоилась серебряной медали с дипломом.

24 апреля 1882 г. Гуго Стандертшёльд поручил классному оружейному мастеру Михаилу Петровичу Пушину отправиться с экспонатами в Москву, и 15 мая представитель Ижзаводов завершил размещение экспонатов в ореховой витрине, состоящей из шкафа и боковых тумб, затянутых красным сукном. Золотыми буквами по стеклу на красном фоне шла надпись: «Произведения Ижевских оружейного и сталеделательного заводов».

На этой выставке были представлены две половины слитков, разрезанных по длине: из тигельной стали — для изготовления стволов и коробок и из мартеновской — для изготовления штыков, трубок. Образцы стали: квадратной — для стволов и коробок, затворов и отверток, круглой — для замочной трубки, ударников, шомпольных шпилек и винтов. Образцы тигельной инструментальной стали: круглой, квадратной и плоской. Кроме того, Ижзаводы представили коксовый тигель для плавки стали, кварцевый кирпич и кирпич из белой огнеупорной глины, пехотную малокалиберную винтовку Бердана и крепостное ружье барона Гана с принадлежностью.

Посетители выставки могли увидеть все этапы изготовления ствола на Ижзаводах: начиная от чернового до ствола после второй токарной обработки. Экспонаты были сопровождены подробными статистическими сведениями о состоянии и производительности Ижевского оружейного завода, включая данные о численности рабочих.

По просьбе М. П. Пушина фотограф, работавший на выставке, сделал 13 фотографий, которые затем отправили Гуго Стандертшёльду.

Крепостное ружье было возвращено в Ижевск, а витрина и все остальные экспонаты — подарены помощнику заведующего артиллерийским отделом Московской политехнической и мануфактурной выставки капитану фон дер Ховену.

В 1882 г. «за высокое качество изготовленных заводом винтовок, за введение стального производства и, в особенности, за выделку инструментальной стали высокого достоинства, а также за полную коллекцию последовательной разработки ружейного ствола к малокалиберной винтовке» Ижзаводы удостоились диплома I разряда, соответствующего золотой медали, на Всероссийской промышленно-художественной выставке в Москве [12].

Много внимания Гуго Стандертшёльд уделял обеспечению чистоты и порядка в мастерских и вокруг них. 22 мая 1879 г. он в очередной раз потребовал от заведующих мастерскими объявить рабочим, что мочиться можно только в специально устроенные писсуары. Вне их, в особенности с лестниц и мостов, ведущих к фабричным корпусам, делать это строго запрещалось. Кроме того, при каждой мастерской были устроены по два деревянных ящика, выложенных внутри кирпичом. Маленький – служил для сваливания тряпок, а большой – для стружки. Сваливание тряпок и стружки вне их также строго запрещалось. Виновные в несоблюдении чистоты и порядка в первый раз наказывались рублем, а во второй – увольнялись с завода [13].

2 июня на дровяном дворе был поставлен еще один большой ящик, в который сторожа выносили мусор, собиравшийся при подметании мастерских. При этом сторожа должны были строго следить, чтобы туда не попали промасленные тряпки, от которых могло произойти возгорание. В этом случае вся вина падала на заведующего той мастерской, откуда вынесли мусор. Спустя два дня Стандертшёльд поручил брандмейстеру Горину по мере накопления в ящике тряпок назначать из пожарной команды конюха с лошадью для сбора тряпок и передачи их прачке. В свою очередь, заведующий молотовой мастерской обязан был назначить конюха для вывоза стружки на переплавку, а поручик Гаврилов — возчика для вывоза на окраину поселка мусора из ящика, устроенного на дровяном дворе. Ему же поручалось наблюдать за вывозкой из молотовой и сталелитейной мастерских, а также от мартеновской печи мусора, шлака и щебня в ящик, установленный около пароходной пристани [14].

19 мая 1880 г. арендатор обратил внимание на то, что его требования в соблюдении чистоты и порядка не всегда исполняются. Тогда он приказал заведующим мастерскими строже следить за соблюдением чистоты и ежедневно лично осматривать мастерские внутри и снаружи. Теперь них лежала личная ответственность за исполнение требований Стандертшёльда. Результат настойчивости арендатора не замедлил сказаться [15].

В 1881 г. приехавший в Ижевск инспектор оружейных и патронного заводов генерал-лейтенант Нотбек отметил, что «дворы и мастерские содержатся в надлежащей чистоте, насколько это возможно в заводском деле, в особенности при металлургических операциях» [16].

И через год инспектор не без удовлетворения заявил, что «вообще заводы найдены не только в полном порядке, но и в щеголеватом виде» [17]. Отличное их состояние было отмечено и в 1883 г. [18], и в 1884-м: «Здания, дворы и мастерские содержатся в чистоте» [19].

Немало внимания Стандертшёльд уделял и противопожарной безопасности Ижзаводов. В частности, согласно заведенному порядку, специальные обходные в течение ночи обязаны были несколько раз обойти заводы для проверки противопожарной безопасности. И ежедневно по утрам полицмейстер с помощью контрольных часов проверял исполнение ими этой обязанности.

При возникновении пожара, грозящего принять большие размеры, если он случался внутри заводских зданий, об этом дается знать машинисту при паровом котле. Если же пожар вначале виден снаружи, то дежурный на башне четырехэтажного корпуса должен подать сигнал звоном тому же машинисту. В обоих случаях машинист обязан подать прерывистые свистки — знак пожара на заводах. Для тушения пожара обязаны явиться все служащие и работающие на заводах и пожарная команда. Если же он случался в заводском поселке, то сигнал о тревоге подавали с помощью колокольного звона на всех церквях и часовнях.

При пожарной паровой машине находились двое дежурных. С первым же сигналом тревоги на заводах они обязаны были разводить в ней огонь, чтобы при доставке машины к месту пожара в ней были готовы пары. В пяти местах заводского водопровода были установлены пожарные краны, к которым прикручивались рукава, соединявшиеся в свою очередь с паровыми машинами.

Во все этажи четырехэтажного корпуса вода стала подаваться при помощи насоса, а не вручную, как раньше. При возникновении возгорания воду от насоса можно было подать с помощью пожарных рукавов в любую комнату каждого этажа. На всех трех главных заводских корпусах были 8 наружных лестниц, идущих от земли до крыши. На лестницах появились помосты для проникновения в каждый из корпусов через окна в случае необходимости.

Все заводские корпуса и движимое имущество были застрахованы в Российском страховом от огня обществе, учрежденном в 1827 г. Так, в 1880 г. строения страховались на сумму 680 500 руб., станочный парк — на 551 386, приводы — на 69 998, винтовочные части — на 262 669, инструменты — на 38 150, материалы — на 184 367 руб. Страховка обошлась в 16 166 руб. 29 коп. [20].

25 апреля 1881 г. один из обходных заметил в угольном обмете огонь. Когда подбежал к месту возгорания, то увидел тлеющую веревку, привязанную к куску сахарной бумаги. Веревка и бумага оказались пропитанными селитрой и пороховой пылью. Так как в бумагу была завернута тяжесть, то совершенно понятно было, что ее кто-то перебросил с целью поджога угля.

Тогда Гуго Стандертшёльд через заведующих мастерскими объявил рабочим, чтобы они между собой усилили надзор за неблагонадежными людьми, желающими устроить в заводах пожар и тем самым остановить производство. При этом он пояснил, что в случае пожара он лично ничего не потеряет, так как все имущество застраховано, пострадают же сами рабочие, лишившиеся заработков. Управляющий Ижзаводами заявил, что указавший на поджигателя

и подтвердивший свои показания в суде, получит 200 руб. в качестве вознаграждения [21].

В 1881 г. инспектор оружейных и патронного заводов генерал-лейтенант Нотбек отметил, что заводская пожарная команда найдена им в достаточном составе и в полном порядке. После учебной тревоги команда выехала через 2 минуты, а паровая пожарная машина начала действовать через 28 минут [22]. 5 июня 1882 г. под крышей каменного здания чугунолитейной мастерской загорелись деревянные стропила от раскалившейся дымовой трубы. Возгорание было быстро ликвидировано [23].

Кроме того, один из первых приказов, отданных капитаном Стандертшёльдом в качестве арендатора Ижевского оружейного завода, был направлен на борьбу с непрекращающимся воровством. 4 января 1880 г. он приказал заведующим мастерскими объявить рабочим, что они должны отвечать круговою порукой за вверенное им имущество. Этим приказом вводилось новое правило: ежегодно в июле при проверке вещей должна составляться ведомость всех пропавших вещей, а затем их стоимость взыскана с каждого рабочего поровну [24]. 17 июля того же года Стандертшёльд приказал заведующим мастерскими объявить рабочим: если кто из них предоставит вора с явными уликами в совершении кражи, тому будет выдаваться награда (от 1 до 5 руб.) в зависимости от ценности украденного и обстоятельств, которыми сопровождались кража и поимка вора. На основании заводских правил рабочих, замеченных в краже, должны были увольнять из завода навсегда. Некоторым заведующим мастерскими, которые ограничивались простым штрафованием провинившихся, арендатор напомнил о существующих правилах [25]. В 1880 г. было зафиксировано 12 случаев краж, в 1881 – 15, в 1883 – лишь 6. Обычно рабочие выносили с завода мелкосортное и рельсовое железо, чугун и инструментальную сталь. Попадались несуны с сыромятной кожей, запасными валками к шарошечным станкам, штыковыми болванками, стволами, спусковыми крючками, черновыми винтовочными затворами и метчиками.

Для оказания помощи рабочим после несчастных случаев на производстве, а также для лечения их с семействами был в заводском поселке Приемный покой. Медицинскую помощь оказывали доктор и три фельдшера. При покое была аптека, снабженная медикаментами. Любой рабочий, получивший на производстве травму, имел право во время лечения на половину получаемого им заработка. Кроме того, семьям рабочих, умерших в результате несчастного случая, выдавалась материальная помощь: единовременная или в течение нескольких лет, например до поступления старшего сына на завод [26].

26 мая 1880 г. по приказу Гуго Стандертшёльда в Ижзаводах на видных местах были вывешены правила предупреждения несчастных случаев на производстве — для цеховых старших мастеров, машинистов у гидравлических колес и приводов, машинистов у паровых двигателей, рабочих на станках и общие для всех [27].

В 1880 г. на Ижзаводах произошло 142 несчастных случая, из них 2 – со смертельным исходом. Раны, переломы и вывихи рабочие обычно получали по собственной неосторожности. В 1881 г. количество пострадавших значительно

уменьшилось — до 85, но один рабочий все же получил тяжелое увечье — лишился глаза. К 1 января 1881 г. в Приемном покое оставалось 2 больных, затем в течение года поступило 256, из них 239 выздоровело, 5 выписали домой по собственному желанию самих или их родных, умерло 8. В течение года в Приемном покое побывал 6 191 амбулаторный больной. Венерическими болезнями страдало 116 человек.

В 1882 г. количество рабочих, получивших травмы на производстве, сократилось до 74, при этом один погиб и одному ампутировали руку выше локтя. В Приемном покое на койках лежало 232 человека, из них выздоровело 170, выписано с зачислением в состав амбулаторных больных — 61, умерло 7. В 1882 г. в Приемном покое лечились 5 499 амбулаторных больных, из них сифилисом страдало 125 человек.

В течение 1883 г. 4 несчастных случая на производстве окончились тяжелыми увечьями: трое рабочих лишились по глазу, и одному оторвало палец. Приемным покоем пользовалось 7 911 амбулаторных больных, из них 139 страдали сифилисом. К началу 1883 г. в Приемном покое не оставалось ни одного стационарного больного. В течение года их прибыло 275. Из них 263 выздоровело, умерло 6. К 1 января 1884 г. лежать на койках оставалось 6 больных [28].

Военный совет 14 марта 1879 г. определил наименьшую деятельность оружейных заводов по выполнению годовых нарядов в течение 6 лет, начиная с 1880 г. Ижевский оружейный завод должен был выпускать ежегодно не менее 80 тыс. пехотных винтовок Бердана.

Винтовка ижевского производства с березовой ложей должна была стоить 18 руб., и на 50 коп. дороже – с ореховой.

Согласно инструкции коммерческому заготовителю от 12 апреля 1879 г., капитан Стандертшёльд за время управления Ижзаводами никакого содержания от казны не получал.

Чтобы заготовить металлы и материалы для бесперебойного действия Ижзаводов, в 1879 г. арендатору были выданы 740 тыс. руб.: после утверждения условий аренды – 500 тыс. руб. и 240 тыс. руб. – после удостоверения через представителя Главного артиллерийского управления, в том, что все необходимые металлы и материалы приобретены.

В 1880 г. и в последующие 5 лет коммерческий заготовитель ежегодно должен был получать от казны по 1 млн. 480 тыс. руб.

В январе 1880 г., после удостоверения со стороны ГАУ, что все работы выполняются, Стандертшёльд должен был получить 650 тыс. руб. на продолжение производства, выплату зарплаты рабочим и заводской администрации, хозяйственные расходы, заготовление металлов и материалов.

В мае того же года по приемке от арендатора не менее 30 тыс. винтовок Приемной комиссией – еще 430 тыс. руб. В сентябре при сдаче не менее 50 тыс. винтовок, считая с 1 января 1880 г., – остальные 400 тыс. руб.

По такому же принципу должен был осуществляться расчет с арендатором в течение 1881–84 гг. Деньги Стандертшёльд мог получить не иначе, как предъявив квитанции Приемной комиссии о полной сдаче всех винтовок наряда предыдущего года.

В январе 1885 г. после предъявления квитанции Приемной комиссии о полной сдаче 80 тыс. винтовок наряда 1884 г., коммерческому заготовителю выдавалась бы последняя операционная сумма в 740 тыс. руб. [29].

В ноябре 1881 г. Военное министерство посчитало необходимым заказы оружейным заводам на малокалиберные винтовки сократить на треть. Так, на 1882 г. Ижзаводам вместо 80 тыс. пехотных винтовок был дан наряд только 70 тыс. и вместо 125 тыс. стволов с коробками только 100 тыс.

В 1883 г. Ижевскому оружейному заводу предполагалось дать наряд на 65 тыс. винтовок, в 1884 — на 56 тыс. и в 1885 — лишь на 33 тыс. Ижевский сталеделательный завод должен был изготовить в 1883 г. 100 тыс. стволов с коробками, в 1884 — 90 тыс. и в 1885 — только 60 тыс.

13 января 1882 г. в своем письме в ГАУ Стандертшёльд заявил, что выполнение значительно сокращенных нарядов без увеличения цены невозможно. Наряды 1882 и 1883 годов он согласился выполнить без изменения прежней цены, при отпуске денег и чугуна в установленные сроки. Кроме того, арендатор согласился изготовить по прежней цене к 1 июля 1884 г. еще 40 тыс. винтовок и 60 тыс. стволов с коробками, чтобы не передавать заводы в зимнее время и не испытывать связанных с этим неудобств.

В связи с изменившимися условиями Стандертшёльд внес дополнения и поправки в Инструкцию коммерческому заготовителю от 12 апреля 1879 г. В частности, изменялся порядок расчетов. В мае 1882 г. по приемке от коммерческого заготовителя Приемной комиссией не менее 20 тыс. винтовок ему выдавалось 430 тыс. руб. В сентябре того же года, при сдаче не менее 40 тыс. винтовок, считая с 1 января 1882 г., арендатору выдавали 180 тыс. руб. В январе 1883 г., по предъявлении Стандертшёльдом квитанции Приемной комиссии о полной сдаче всех винтовок наряда предыдущего года, ему выдавалось бы 650 тыс. руб. В мае 1883 г. после приемки не менее 18 тыс. винтовок ему выдавалось 430 тыс. руб., а в сентябре того же года после сдачи не менее 35 тыс. – еще 90 тыс. руб.

К 1 июля 1884 г. коммерческий заготовитель обязан был сдать Приемной комиссии 40 тыс. винтовок. Причитающиеся за них деньги (720 тыс. руб.) засчитывались в возврат выданных ему 740 тыс. руб. на приобретение металлов и материалов для безостановочной сдачи винтовок с начала 1880 г. Оставшиеся 20 тыс. руб. должны были засчитаться капитану Стандертшёльду при сдаче денег за металлы и материалы по заготовительной цене, которые будут приняты от него Артиллерийским ведомством при передаче заводов в казну.

Так как до 1882 г. коммерческому заготовителю было отпущено 390 049 пудов 3 фунта чугуна, то в течение 1882 г. ему еще отпускалось 60 тыс. пудов чугуна, а в 1883-м — остальные 37 950 пудов 37 фунтов чугуна. В общей сложности получалось по 32 фунта на каждый ствол с коробкой.

В мае 1882 г. после приемки от арендатора Приемной комиссией не менее 30 тыс. стволов с коробками, ему выдавалось 100 тыс. руб. В сентябре того же года после сдачи не менее 70 тыс. стволов с коробками, считая с 1 января 1882 г., Стандертшёльд получал 25 тыс. руб. В течение 1883 г. выдача денег производилась по тем же правилам, что и в 1882 г.

К 1 июля 1884 г. коммерческий заготовитель обязан был сдать Приемной комиссии 60 тыс. стволов с коробками. Положенные за них деньги — 180 тыс. руб., засчитывались в возврат выданных в 1879 г. денег на заготовление материалов и начало работ по безостановочной сдаче стволов с коробками с начала 1880 г. Оставшиеся 750 тыс. засчитывались при выдаче Стандертшёльду денег за металлы и материалы по заготовительной цене при принятии Артиллерийским ведомством заводов в казну [30].

Любопытно было бы подсчитать, сколько Гуго Стандертшёльд заработал во время управления Ижзаводами? Рискну предположить, что, не одну сотню тысяч рублей...

Добрую память среди современников Гуго Стандертшёльд оставил своей благотворительной деятельностью. Зная просвещенное сочувствие арендатора к общественным делам, в октябре 1879 г. Сарапульское уездное земское собрание обратилось к нему с просьбой принять на себя звание попечителя Ижевской земской больницы и получило на это его согласие [31].

В феврале 1880 г., накануне 25-летнего юбилея царствования императора Александра II, Стандертшёльд предложил служащим и работающим на заводе организовать добровольную подписку для устройства в пос. Ижевск бесплатной столовой для населения, не имеющего никаких средств к пропитанию. Только в декабре 1881 г. в устроенной им столовой было бесплатно роздано 14 тыс. порций обеда. Ежедневно в народной кухне раздавалось свыше 300 порций [32].

Во время спектаклей, устроенных с благотворительной целью в Ижевском клубе, было собрано в пользу народной столовой 23 января 1883 г. — 160 руб., 25 февраля того же года — 141 руб. 24 коп., а 12 февраля 1884 г. — 132 руб. 5 коп. [33].

Капитан Стандертшёльд щедро тратил большие суммы денег ради сближения местного общества офицеров и чиновников со значительным числом служивших при его управлении иностранцев. Когда возникла мысль о постройке нового здания Общественного клуба на уступленном казной участке земли, стоимость постройки исчислялась в 12 тыс. руб. В кассе же клуба имелось лишь 1 800 руб. Сначала Стандертшёльд открыл кредит на всю недостающую сумму, а затем, когда здание начали строить, торжественно объявил, что жертвует для постройки всю недостающую сумму. После завершения строительства он обратил внимание на скудность убранства клуба и на собственные деньги выписал из Казани лампы, люстру, мебель, сделал паркетный пол в зале и подарил портрет государя императора Александра II. Кроме того, во время управления Ижзаводами он содержал прекрасный оркестр духовой музыки из 15 человек [34].

В марте 1880 г. Стандертшёльд по просьбе жителей Ижевска разрешил развести сад у памятника генерал-фельдейхмейстеру Великому князю Михаилу Павловичу напротив Александро-Невского собора, открыл между служащими, получающими окладное жалованье добровольную подписку, и сам пожертвовал на это 50 руб. [35]. Для сравнения: в перв. пол. 80-х гг. XIX в. ежедневный заработок ижевского рабочего составлял от 80 коп. до 2 руб., в зависимости от его способностей.

В августе того же года к арендатору Ижзаводов обратились представители Комитета по сооружению православного храма у подножия Балкан в южной Болгарии для вечного поминовения воинов, павших в войну 1877—78 гг., с просьбой о пожертвовании средств. В октябре по заводу открылась добровольная подписка. Гуго Стандертшёльд пожертвовал на сооружение храма 16 руб. 15 коп. В мае 1883 г. он пожертвовал деньги также на сооружение православного храма в Батуми.

В сентябре Стандертшёльд участвовал в сборе пожертвований для покупки золотого с драгоценными камнями наперстного креста, который весной 1884 г. был преподнесен настоятелю Александро-Невского собора протоиерею Тимофею Ионовичу Чемоданову.

В октябре арендатор пожертвовал 70 руб. в пользу Сарапульского благотворительного общества, почетным членом которого он являлся.

Арендатор Ижевского оружейного завода постоянно входил в нужды населения поселка. По его распоряжению и за его счет для снабжения жителей Заречной волости были устроены водопровод с чанами и хорошей ключевой водой вместо «весьма вредной воды» из мелких колодцев, существовавших там; а также — лавка для продажи муки и соли по ценам ниже рыночных.

27 апреля 1881 г. Стандертшёльд утвердил форму записки, по которой рабочим отпускалась мука из заводской лавки по цене 1 руб. 10 коп. за пуд. Получивший такую записку рабочий обязан был являться с ней в Главную контору к кассиру для наложения на нее штемпеля. Затем, при предъявлении записки, ему отпускалась мука.

К штрафной сумме 1881 г. Стандертшёльд прибавил собственных 3 275 руб., так что к 1 июля образовался капитал в 10 тыс. руб. Он пожелал жертвовать в штрафную сумму по 2 тыс. руб., дабы при сдаче завода всю накопившуюся сумму передать в распоряжение начальства, которое бы из нее, как из пенсионного капитала, выдавало материальную помощь рабочим, пострадавшим на заводе.

В 1884 г. Гуго Стандертшёльд пожертвовал 1000 руб. в пользу Нагорной волости на образование фонда для покупки муки и продажи ее в учрежденной им лавке. Значительную сумму он передал и в пользу Александро-Невского приходского попечительства на образование фонда для борьбы с возможными в Ижевске эпидемиями.

Расставаясь с Ижевском, Стандертшёльд подарил на память вятскому губернатору охотничье двуствольное ружье, сделанное из металла ижевского производства [36].

С 2 июля 1884 г. Хозяйственный комитет Ижзаводов и полковник для особых поручений Петербургского патронного завода Ярошенко приступили к приемке Ижзаводов от коммерческого заготовителя капитана Стандертшёльда. 19 июля (!) приемка завершилась, и капитан Стандертшёльд получил законную квитанцию [37].

К сожалению, сегодня фамилия Стандертшёльда — прекрасного организатора, Промышленника с большой буквы и щедрого мецената, оставившего заметный след в отечественной оборонной промышленности, незаслуженно забыта и для большинства жителей нашего города ни о чем не говорит. А ведь он вполне заслужил, чтобы его именем назвали одну из улиц Ижевска,

для горожан которого он так много сделал. Некоторые могут сказать, что его фамилию трудно произносить. Но есть же у нас улица Карла Либкнехта, не имевшего к Ижевску ни малейшего отношения, и его фамилию ничего – выговариваем, привыкли уже...

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1. Центральный государственный архив Удмуртской Республики. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2465. Л. 170.
  - 2. Там же. Л. 174.
  - 3. Там же. Д. 2395. Л. 4.
  - 4. Там же. Д. 2462. Л. 33.
  - 5. Там же. Д. 2508. Л. 265.
  - 6. Там же. Д. 2462. Л. 33.
  - 7. Там же. Д. 2508. Л. 734.
  - 8. Там же. Д. 2466. Л. 217.
  - 9. Там же. Л. 360.
  - 10. Там же. Л. 212.
  - 11. Там же. Д. 2393. Л. 135.
  - 12. Там же. Д. 2460. Л. 72.
  - 13. Там же. Д. 2389. Л. 10
  - 14. Там же. Л. 13.
  - 15. Там же. Д. 2427. Л. 18.
  - 16. Там же. Д. 2466. Л. 191.
  - 17. Там же. Л. 220.
  - 18. Там же. Л. 320.
  - 19. Там же. Л. 361.
  - 20. Там же. Л. 102.
  - 21. Там же. Д. 2455. Л. 20.
  - 22. Там же. Д. 2466. Л. 191.
  - 23. Там же. Л. 296.
  - 24. Там же. Д. 2427. Л. 2.
  - 25. Там же. Л. 28.
  - 26. Там же. Д. 2466. Л. 102.
  - 27. Там же. Д.2427. Л. 23.
  - 28. Там же. Д. 2482. Л. 43.
  - 29. Там же. Д. 2395. Л. 4.
  - 30. Там же. Д. 2462. Л. 11.
  - 31. Там же. Д. 2436. Л. 17.
  - 32. Там же. Д. 2466. Л. 191.
  - 33. Там же. Д. 2508. Л. 34.
  - 34. Там же. Д. 2648. Л. 8.
  - 35. Там же. Д. 2436. Л. 147.
  - 36. Там же. Д. 2508. Л. 738.
  - 37. Там же. Д. 2547. Л. 7.

V. A. Maratkanov

The diverse Hugo Standertskjöld

Coverage of the work of the Izhevsk arms factory in the period of governance of the Hugo Standertskjöld - one of the representatives of well-known Finnish noble family, it has played a significant role in the development of the armaments industry of Russia.

Keywords: rental management, the Izhevsk arms plant, production, rifles, working.

Маратканов Владимир Александрович,

соискатель, Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения РАН г. Ижевск E-mail: riabinnik@inbox.ru

Maratkanov Vladimir Aleksandrovich,

PhD student, Udmurt Institute of history, language and literature Ural branch of the Russian Academy of Sciences Izhevsk

E-mail: riabinnik@inbox.ru

КУЛЬТУРА, ИСКУССТВО *

УДК 745/749(=511.131)

Е. В. Байкова, Л. И. Буянова, О. Л. Пислегова

ОПЫТ СОХРАНЕНИЯ И РАЗВИТИЯ
УДМУРТСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО КОСТЮМА
В СИСТЕМЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ «НАЦИОНАЛЬНОГО
ЦЕНТРА ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОГО
ИСКУССТВА И РЕМЕСЕЛ»

В Национальном центре декоративно-прикладного искусства и ремесел УР по инициативе директора Р. М. Каримова создана уникальная система, направленная на сохранение, возрождение и развитие народного декоративно-прикладного искусства и ремесел. В статье освещается опыт такой работы.

Ключевые слова: костюм, традиционная культура, декоративно-прикладное искусство, сувенирная кукла, народная игрушка, дизайн костюма, Национальный центр декоративно-прикладного искусства и ремесел.

Основная цель деятельности Национального центра декоративно-прикладного искусства и ремесел (далее – НЦ) сформулирована в концепции его развития и заключается в создании высокохудожественных этнически узнаваемых произведений искусства [1]. Такие работы можно создать только при условии обращения к народному наследию. Это касается и народного костюма, над сохранением и развитием которого сегодня активно работает НЦ. С самого начала его деятельности внимание мастеров было обращено к таким традиционным видам ремесел, как ткачество, вышивка, вязание и др.

Одна из форм работы НЦ – это монографические выставки, посвященные национальному костюму и народной игрушке, в частности сувенирной кукле как носителе образа костюма (фото 1).

^{*} В данном разделе размещена часть материалов Научно-практической конференции «Костюм народов Урало-Поволжья как материальное и духовное наследие», состоявшейся 26 ноября 2012 г. в «Доме Дружбы народов» г. Ижевска. Организаторы конференции: Министерство национальной политики Удмуртской Республики, Бюджетное учреждение Удмуртской Республики «Дом дружбы народов», Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, Финно-угорский научно-образовательный центр гуманитарных технологий УлГУ.

В 1999 г. НЦ организовал выставку-конкурс «Народная игрушка» [2]. Основу выставки составляла народная игрушка в виде кукол из различного материала (тряпичные; из дерева – резные и расписные; из бересты, соломки, льна и глины). На представленных куклах был – в основном стилизованно – показан народный костюм как первая попытка воспроизвести в миниатюре костюмные комплексы удмуртов, отразить этнические силуэты.

В 2000 г. НЦ стал организатором двух республиканских выставок-конкурсов: по ткачеству «Журчащие узоры» и по вышивке «Звенящие узоры», в рамках которых были представлены различные детали и комплекты удмуртской одежды, в том числе — стилизованной [3]. В 2000 г. была проведена также выставка «Дизайн одежды по мотивам традиционного удмуртского костюма», по материалам дипломных работ ПУ № 7.

Фото 1. Экспозиция республиканской выставки изделий мастеров народного декоративноприкладного искусства по национальному костюму в Национальном центре декоративноприкладного искусства и ремесел

А в 2003 г. впервые была открыта монографическая республиканская выставка «Удмуртская народная одежда. Вчера. Сегодня. Завтра» [4], посвященная национальному костюму. В ней приняли участие мастера из 16 Центров и Домов ремесел Республики.

В 2004 г. на республиканской выставке «Народная игрушка» [5] вновь доминантной была сувенирная кукла в яркой народной одежде, а в куклах, выполненных в технике росписи по дереву, мастера попытались с этнографической точностью передать особенности национального костюма различных групп удмуртов.

Первые выставки в основном показали живую трансформацию известных классических материалов при создании копий народного костюма. Авторы костюмов попытались сохранить дух народной одежды. Виды же современной народной одежды, созданные с использованием деталей вышивки, элементов кроя, элементов построения декора в комплектах будничной одежды и моделей эстрадных костюмов во многом проигрывали традиционному костюму. Тут каждый творил, что мог, чем объясняются всевозможные накладки: сочетание не сочетающихся тканей (к примеру, домотканины и нейлона); неграмотное использование орнамента; мало образцов мужской и детской одежды.

В то же время эти выставки продемонстрировали интерес и желание творить народную одежду. Также они позволили охватить различные варианты создания народного костюма: традиционный, сценический, современный. Впервые были поставлены проблемы сохранения и развития национального костюма, форм существования народного костюма на сегодняшний день, необходимости стилизации костюма, поиска новых форм в создании гармоничных, этнически узнаваемых изделий, которые действительно могут быть востребованы в современном мире.

Фото 2. Работа художественноэкспертного совета при Национальном центре декоративно-прикладного искусства и ремесел

Успеху в решении этих проблем способствовала целенаправленная работа художественно-экспертного совета (ХЭС) [6], созданного в 1997 г. при НЦ. Идея создания системы работы ХЭС принадлежит директору НЦ Р. М. Каримову. В состав совета входят ведущие ученые Республики в области археологии, искусствоведения, этнографии, а также специалисты НЦ (фото 2). Каждое изделие декоративно-прикладного искусства, изготовленное мастерами Удмуртии, становится предметом обсуждения на заседаниях ХЭС, после чего вы-

явленные проблемы обсуждаются на практических и обучающих семинарах. Результаты семинаров, оценки работ и методические рекомендации оформляются в виде Протоколов ХЭС, включающих в себя рецензии на выставку в художественном салоне НЦ, с фотографиями изделий. Эти протоколы – своеобразные методические пособия, которые предоставляются районным Центрам и Домам ремесел для ознакомления. Фотографии работ мастеров, с точностью до одного изделия, заносятся и хранятся в электронном архиве НЦ с 1999 г.

В 2004 г. по инициативе НЦ центра были организованы курсы «Культура исполнения удмуртского костюма». В 2005-м — однодневный семинар для методистов в области народного костюма, ткачества, вышивки и национальной куклы. В 2007 г. проведен республиканский семинар «Традиции удмуртского текстиля».

Итогом работы стало открытие в 2007 г. в художественном салоне НЦ республиканской выставки современного костюма и его отдельных элементов, выполненных по мотивам традиционной удмуртской одежды «Удмуртский костюм XXI века» [7]. Выставка показала, что если раньше национальные костюмы представлялись в основном в направлении «Сценический костюм», то здесь поиски мастеров проявились в нескольких направлениях: сценический, представительский и повседневный костюм, адаптированный к сегодняшнему ритму жизни, что играет важную социальную роль, подчеркивая статус человека в современном обществе.

Республиканская выставка национальных костюмов народов Удмуртии «Удмуртия — дорэ мынам» («Удмуртия — мой край родной»), посвященная 450-летию добровольного вхождения удмуртов в состав России, проводимая НЦ в 2008 г., показала востребованность такой работы и движение в создании удмуртского костюма [8]. Участники 19 Центров (Домов) ремесел представили много сценических костюмов, разработанных для различных мероприятий. Однако специально подготовленных для выставки работ, как раз того, что можно было бы назвать народным костюмом, оказалось недостаточно.

Сцена и жизнь – не одно и то же. При создании сценических и народных костюмов решаются разные задачи. Исходя из этого, решением XЭС стала

организация специального обучающего семинара для мастеров, работающих в направлении народного костюма.

В 2010 г. НЦ совместно с Центром повышения квалификации работников культуры УР провел Республиканский семинар «Национальный костюм удмуртов: сохранение и актуализация традиций» для методистов декоративно-прикладного искусства, руководителей самодеятельных художественных коллективов, художников по костюмам и музейных работников. Преподавателями были ведущие специалисты в области этнографии, археологии (С. Х. Лебедева, Т. И. Останина, Е. В. Попова, А. Н. Прокопьев), ведущие методисты НЦ (А. В. Ядыгарова, Л. И. Буянова, М. В. Данилова). А в 2011 г. семинар был посвящен народной игрушке, но в его рамках также поднималась и освещалась тема народного костюма специалистами разного профиля. Участвовали А. Н. Прокопьев, преподаватель УдГУ («Традиционный костюм как культурный текст»), С. X Лебедева, сотрудник Архитектурно-этнографического музея «Лудорвай» («Особенности удмуртской одежды»), А. В. Ядыгарова, ведущий методист НЦ («Семантика и расположение орнаментов в костюме»), Р. Г. Махмутова, преподаватель Лицея мод («Народный костюм в современном проектировании»).

По итогам проведенных семинаров в 2011 г. была проведена республиканская выставка изделий мастеров народного декоративно-прикладного искусства по национальному костюму [9]. Были представлены изделия мастеров из 21 Центра и Домов ремесел УР. Выставка вновь выявила проблему создания современного костюма, который пока уступает реконструкциям традиционного костюма, проверенного веками и поколениями. Если во время дефиле современные костюмы «оживают», то без моделей они уязвимы для критики. Острым остается вопрос и о применении орнамента, гармонии кроя и цвета. Было принято решение о проведении семинара — уже для молодых мастеров, работающих над созданием народного костюма, адаптированного к современности.

В 2012 г. НЦ организовал Республиканскую выставку изделий мастеров народного декоративно-прикладного искусства под названием «Волшебный мир народной игрушки» [10]. В ней приняли участие мастера из 22 Центров (Домов) ремесел республики. Выставка продемонстрировала великолепие сувенирной куклы как носителя образа народного костюма, сложно изготовленного, с богатой традиционной основой.

В октябре 2012 г. в НЦ прошел республиканский семинар для мастеров Домов (Центров) ремесел по национальному костюму. В нем участвовали Л. А. Молчанова, канд. историч. н, доц. УдГУ («Символика удмуртского костюма»), Р. Г. Махмутова, преподаватель Ижевского технологического техникума («Костюм с национальной тематикой сегодня. Назначение костюма»), Е. И. Ковычева, доц. каф. истории искусств Института искусств и дизайна УдГУ, канд. искусствоведения («Костюм современного фольклорного коллектива»), Т. Н. Москвина, реставратор Удм. респ. музея изобразительных искусств (презентация выставки «Вераме потэ. Очарование удмуртского костюма»).

К сожалению, отсутствие настоящей художественной культуры у некоторых мастеров приводит к тому, что в погоне за простотой и дешевизной создаются

 Φ ото 3. Экспедиционная работа районных Центров и Домов ремесел

неудачные изделия. Необходимо учиться тщательнее подбирать декоративные элементы, грамотно использовать орнамент, деликатно подходить к подборке цветовых сочетаний, исходя из традиционных.

Специалисты Центров и Домов ремесел ведут исследования с целью восстановления утраченных народных промыслов своего района, проводят этнографические экспедиции. На этой основе разрабатываются методические пособия и диски с обучающим материалом, который может быть полезным не только для мастеров, но и для всех интересующихся. Экспедиции дают возможность познать историю родного

края, его духовные и материальные ценности (фото 3).

Уникальные произведения служат не только украшением выставок, но и образовательной базой для нового поколения мастеров. Возрастающий интерес к народному творчеству побуждает районные Дома и Центры ремесел к обучению населения традиционным видам декоративно-прикладного искусства. При Домах ремесел организованы кружки для детей и подростков. Лучшие из юных мастеров отбираются для участия в Республиканской творческой смене для детей подмастерьев, занимающихся декоративно-прикладным искусством «Усточикар» («Город мастеров»). Кроме практических занятий, для детей организуются выездные семинары, встречи с ведущими учеными и мастерами республики, где ребята получают знания по мифологической символике, традиционному орнаменту, основам композиции, особенностям моделирования национального костюма и др. По результатам смены лучшие подмастерья представляют Удмуртию на всероссийских, межрегиональных, международ-

Фото 4. Республиканская творческая смена для детей-подмастерьев, занимающихся декоративно-прикладным искусством «Усточикар» («Город мастеров»). Выставка изделий по итогам смены

ных детских фестивалях и конкурсах (фото 4).

Обширный фонд материалов, собранный в ходе этнографических экспедиций, богатые традиции удмуртов, художественный анализ и научные изыскания ученых Удмуртии благотворно влияют на развитие народного декоративно-прикладного искусства в целом и, в частности, на создание интересных,

необходимых в современном быту колоритных предметов национального характера. Лучшие из них — уникальные и этнически узнаваемые — становятся образцовыми экспонатами фонда НЦ и электронного каталога для дальнейшего демонстрирования и передачи опыта по народному декоративно-прикладному искусству Удмуртии. Костюмы, выполненные руками специалистов НЦ,

Фото 5. Женские и мужские костюмные комплексы, выполненные мастерами Национального центра декоративно-прикладного искусства и ремесел для фольклорно-этнографического ансамбля «Чипчирган»

являются украшением ведущих фольклорных коллективов Удмуртии (фото 5).

Результаты этой деятельности дают о себе знать. Выездные межрегиональные, всероссийские и международные мероприятия показывают высокий уровень мастерства удмуртских творцов, о чем говорят многочисленные дипломы и грамоты лауреатов. Глазовские мастера во Всероссийском конкурсе мастеров народного декоративно-прикладного искусства «Русь мастеровая» на приз Президента Чувашской Республики (2009) стали лауреатами 1 степени в номинации «вышивка». В 2009 г., в рамках Межрегионального фестиваля национального костюма в Йошкар-Оле, были показаны выставки рукотворных кукол, реконструкций костюмных комплексов и современных национальных костюмов народов Удмуртии. На дефиле были представлены 2 коллекции костюмных комплексов: «Удмуртские батыры» (автор А. В. Ядыгарова, в номинации «Традиционный костюм») и «Вуюись» – «Радуга» (авторы Н. Р. Сидорова и Л. В. Темкина, в номинации «Современный костюм»). Было представлено 65 изделий по 2 направлениям. Национальному центру Удмуртии были вручены специальные дипломы – «За сохранение и развитие традиций», «За высокий уровень выставки». Специальные дипломы «За высокий уровень исполнения» получили 15 мастеров и 3 творческих коллектива. Помимо этого дипломантами фестиваля стали 4 Дома

ремесел нашей республики и 4 мастера.

В том же году в концертном зале им. Чайковского (Москва) состоялась Торжественная церемония вручения премии Правительства РФ «Душа России» за вклад в развитие народного творчества, где чествовали ведущего методиста НЦ по ткачеству

Фото 6. Презентация изделий удмуртских мастеров на III Межрегиональном фестивале финно-угорского костюма «Масторава» (Саранск)

А. В. Ядыгарову. Она было удостоена звания лауреата в номинации «Народный мастер». Среди представленных авторских изделий (51) были и традиционные комплексы мужской и женской одежды, выполненные в технике ткачества. В 2011 г. на III Межрегиональном фестивале финно-угорского костюма «Масторава» (Саранск) дипломом I степени награжден Национальный центр декоративноприкладного искусства УР за коллекцию костюмов «Связь времен» в номинации «Традиционный костюм» (фото 6).

Удмуртская Республика, благодаря внедрению и реализации системы развития народного декоративно-прикладного искусства, является сегодня уникальным центром, возрождающим и развивающим народное декоративно-прикладное искусство на основе традиций и национальных признаков в новых формах.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1. *Куликов К. И., Иванова М. Г.* Научная концепция развития народного декоративно-прикладного искусства и ремесел в Удмуртской Республике. Ижевск, 2001.
- 2. Протокол заседания художественно-экспертного совета ГУК НЦДПИиР УР от $15.10.1999~\mathrm{r}$.
- 3. Протокол заседания художественно-экспертного совета ГУК НЦДПИиР УР от $21.01.2000\,\mathrm{r}$.; Протокол заседания художественно-экспертного совета ГУК НЦДПИиР УР от $27.01.2001\,\mathrm{r}$.
- 4. Протокол заседания художественно-экспертного совета ГУК НЦДПИиР УР от $15.01.2003~\Gamma$.
- 5. Протокол заседания художественно-экспертного совета ГУК НЦДПИиР УР от $12.02.2004~\mathrm{r}$.
- 6. Положение о художественно-экспертном Совете по народному декоративно-прикладному искусству и ремеслам при Национальном центре декоративно-прикладного искусства и ремесел Министерства культуры Удмуртской Республики от 22 октября 2003г.
- 7. Протокол заседания художественно-экспертного совета ГУК НЦДПИиР УР от $16.11.2007~\mathrm{r}$.
- 8. Протокол заседания художественно-экспертного совета ГУК НЦДПИиР УР от $07.11.2008~\mathrm{r}.$
- 9. Протокол заседания художественно-экспертного совета АУК УР НЦДПИиР от $10.05.2011~\mathrm{r}$.
- 10. Протокол заседания художественно-экспертного совета АУК УР НЦДПИиР от 27 04 2012 г

Поступила в редакцию 28.11.2012

E. V. Baikova, L. I. Buyanova, O. L. Pislegova

Experience in maintenance and development of Udmurt national costume in the system of National Centre for applied arts and crafts

The art of creating a costume, like any other skill, requires the creation of skill, knowledge, imagination, taste, certain skills. Unfortunately, very few professionals cope with this task. Leading cultural institution that demonstrates a high level of skill of the creators of folk costumes, today is National Center for applied arts and crafts. The unique system created

at the initiative of R. M. Karimov, aimed at the preservation, revival and development of the decorative arts and crafts, and the creation of highly unique ethnically recognizable distinctive products of arts and crafts.

Keywords: costume, traditional culture, arts and crafts, souvenir dolls, folk toys, costume design, National center of decorative arts and crafts.

Байкова Елена Вячеславовна.

заведующая научно-методическим отделом,

АУК УР «Национальный центр декоративно-прикладного искусства и ремесел» г. Ижевск

E-mail: decorart91@mail.ru

Буянова Людмила Ивановна,

заведующая отделом узорного рукоделия,

АУК УР «Национальный центр декоративно-прикладного искусства и ремесел» г. Ижевск

E-mail: decorart91@mail.ru

Пислегова Ольга Леонидовна,

заместитель директора,

АУК УР «Национальный центр декоративно-прикладного искусства и ремесел»

г. Ижевск

E-mail: decorart91@mail.ru

Baikova Elena Vyacheslavovna,

Head of scientific-methodological Department of National Centre for applied arts and crafts Izhevsk

1ZIIC V SK

E-mail: decorart91@mail.ru

Buyanova Lyudmila Ivanovna,

Head of the Department of art needlework of National Centre for applied arts and crafts

Izhevsk

E-mail: decorart91@mail.ru

Pislegova Olga Leonidovna,

Deputy Director of National Centre for applied arts and crafts

Izhevsk

E-mail: decorart91@mail.ru

УДК 746.4(470.51)

Е. И. Ковычева

ПРОБЛЕМЫ КОСТЮМА СОВРЕМЕННОГО ФОЛЬКЛОРНОГО КОЛЛЕКТИВА

Костюм современного фольклорного коллектива является вариантом праздничного национального костюма. Он происходит из разных источников: это и традиционная народная культура, и любительское творчество, и профессиональный дизайн сценического костюма. Проблемы возникают ввиду различия законов творчества в этих областях.

Ключевые слова: костюм, фольклор, традиционная культура, любительское творчество, лизайн костюма.

Праздники и фестивали республиканского и российского уровней, к участию в которых привлекаются многочисленные фольклорные коллективы, способствуют сохранению и возрождению национальной культуры. Костюмированные участники массовых мероприятий — это мощный источник эмоционального переживания всех присутствующих на праздниках, ощущения ими причастности к истории своего народа, приобщения к культурно-историческому наследию предков. Такие мероприятия обладают серьезным воспитательным потенциалом, поэтому требуют взвешенного и требовательного подхода, в том числе — к костюму. Можно сказать больше: костюм фольклорного коллектива существует как вариант современного праздничного костюма представителей этносов, проживающих на территории Республики. Отсюда его возрастающее значение.

Однако сегодня костюмы коллективов, позиционирующих себя как фольклорные, значительно отличаются даже в выступлениях участников одного коллектива (фото 1). Многие костюмы этнографически недостоверны и несовершенны эстетически. Причина неразборчивости их создателей в источниках, начиная от следования аутентичной традиции и заканчивая самодеятельным творчеством — с типичными признаками любительства и непрофессионализма. Третья тенденция: коллективы, обладающие денежными средствами, привлекают дизайнеров, не умея разъяснить им

специфические особенности и законы функционирования фольклора. Чтобы выявить проблемы, требующие своего разрешения, проанализируем костюмы фольклорных коллективов на материале республиканского праздника «Гербер» (музейно-этнографический комплекс Лудорвай, 2012) и фестиваля традиционной русской культуры «Высокий берег» (с. Мазунино, Сарапульского р-на, 2011, 2012).

Лучше всего выглядят коллективы, выступающие в аутентичных костюмах, собранных в экспедициях. Научный подход свойственен костюмам молодежных ансамблей, руководимых учеными и преподавателями, знающими законы традиционной народной художественной культуры, актуальные и результативные способы ее сохранения и передачи, как, например, ансамбли из УдГУ: «Чипчирган» (рук. И. В. Пчеловодова) (фото 2) и «Важнин ключ» (рук. В. Г. Болдырева).

Старинные костюмы, несомненно, обладают удивительной красотой и благородством цветового решения, поражают богатством

Фото 1. Разностилье костюмов одного коллектива

 Φ *ото* 2. Народные реконструированные костюмы локальных групп удмуртов на участниках ансамбля «Чипчирган» (УдГУ)

ручной декоративной отделки, при этом сохраняя цельность и лаконичность. Это настоящие произведения народного искусства, где профессионализм формировался многолетним отбором в коллективном творчестве, повторением всеми признанных лучших образцов. Их эстетическое совершенство связано с глубочайшей символикой, отражающей мировоззренческие представления и идеалы этноса. Именно эти архетипы, несущие общечеловеческие ценности, имеют огромное воспитательное значение, так как остаются понятными и дорогими нашим современникам всех возрастов.

Особенно впечатляет, когда в студенческом межфакультетском ансамбле «Чипчирган» рядом находятся участники в костюмных комплексах различных локальных групп удмуртов, которые в контрасте усиливают свою неповторимую красоту. Такой подход оправдан происхождением студентов из разных мест Удмуртии, подбором репертуара, ставящего задачу показать уникальность и разнообразие фольклорных традиций.

Оба названных выше коллектива ставят цель – приобщить молодежь к традициям синкретичной народной культуры во всем богатстве ее проявлений. Для участников ансамбля «Важнин ключ», обучающихся в Институте искусств и дизайна на специальности «Народная художественная культура», занятия фольклором – неотъемлемая часть будущей профессии в качестве руководителей этнокультурных центров. В концепцию подготовки специалистов нового типа заложены востребованные сегодня не только исполнительские, но и педагогические, организационные, научно-методические, профессиональные компетенции. Специальные знания и умения преподавателей направлены на бережное отношение к традиционной культуре, на собирание и сохранение уникальных образцов народного искусства в архивах, личных коллекциях и музейных собраниях. Воспитательный потенциал фольклора направлен на формирование уважительного отношения к опыту и мастерству предков, и в итоге - национального самосознания будущих поколений. Ради этого коллектив активно участвует в концертной деятельности и фестивальном движении и является лауреатом многочисленных конкурсов (в Санкт-Петербурге, Казани, Саранске, Подольске и других городах РФ).

Однако при положительном значении концертной деятельности коллективов задачи пропаганды и сохранения народного искусства начинают вступать в некоторое противоречие. Возникает вопрос: правомочно ли использовать при выступлениях старинные костюмы музейного значения. Богатейшие традиции женских традиционных ремесел Удмуртии и Прикамья в большинстве своем утрачены, и над их восстановлением трудятся на протяжении последних десятилетий реставраторы музеев и специалисты системы центров декоративноприкладного искусства и ремесел УР. Выход один – копировать народные костюмы, соблюдая традиционные технологии кроя костюма, вышивки, ткачества. Большинство коллективов из Удмуртии, Пермского края, Татарстана, Самарской области, Мордовии, принимавшие участие в фестивале «Высокий берег», продемонстрировали именно этот верный подход.

Самодеятельные же сельские коллективы сейчас довольно часто выступают в старинных костюмах. И эта тенденция, скорее всего, будет упрочена под влиянием успеха «Бурановских бабушек». Стоит только порадоваться, что в сундуках некоторых деревенских женщин сохранились рукотворные костюмы. Проблемы возникают, когда костюмный комплекс найден в разрозненном виде, что особенно характерно для районов, где традиции создания национальных костюмов утрачены. Так возникает несоблюдение достоверности местных костюмных комплексов, произвольность в манере ношения, дополнение нехарактерными элементами.

Для разрешения этой проблемы участники фольклорных коллективов должны познакомиться с научной литературой о народном костюме, проконсультироваться с музейными работниками, а реконструкцию утраченных элементов поручить профессионалам из центров ремесел, где владеют традиционными технологиями ткачества и вышивки.

Рассмотрим теперь уступающие в совершенстве национальные костюмы, сформировавшиеся во вт. пол. XX века. В силу ряда причин, именно они

преобладают на участницах фольклорных коллективов. В советское время произошло значительное отторжение от народных традиций. Промышленные технологии вытеснили ручной труд. Но самый большой вред народному искусству нанесли даже не техника и товарное производство, заменившее уникальный народный костюм на модное, но унифицированное платье из магазина, а идеология, направленная на разрушение национального самосознания. Благодаря насаждавшимся в искусствознании методологическим подходам, само понятие «народное искусство» было подменено понятием «народное творчество», под которым понималось самодеятельное, любительское творчество трудящихся масс, досуговая культурная деятельность, имеющая, скорее, идеологические и развлекательные задачи. Если профессионализм народного искусства основывается на следовании традициям, на преемственном коллективном творчестве и тяготеет к отбору, лаконичности, то народное творчество индивидуально, подвержено скоротечным тенденциям моды, зачастую замаскировывает непрофессионализм броскостью и яркостью. Подмена понятий привела к размыванию традиционного слоя культуры, противоречащего идеологии партократического режима и стремившегося лишить советских людей национальных различий, что реализовывалось в формальных мероприятиях, демонстрирующих парадную оболочку этнической культуры.

Удмуртские деревенские женщины, к своей чести, сохранили приверженность традиционному покрою платья и фартука. Для пожилых удмурток это принятый в силу своего удобства повседневный стиль одежды. В праздничной ситуации большинство из них, если имеют, надевают костюмы и украшения из сундуков. Так, широкое, с оборкой по подолу платье с воротником-стойкой и передник с грудкой стали вариантом национальной праздничной одежды. В советское время они выполнялись из покупных тканей (шелка, саржи, атласа), считающихся более праздничными и модными:. Обогащали комплекс старинные наследственные серебряные украшения, которые берегли уже в силу их высокой стоимости.

Но если в праздничном быту (например на свадьбе) каждая женщинаудмуртка могла сохранить свою индивидуальность благодаря цвету и качеству тканей, а также красивым семейным украшениям, то в системе клубной работы и по сей день существуют фольклорные коллективы, ориентированные на массовость и единообразие. Недостаточное материальное обеспечение учреждений культуры оборачивалось принципом – «дешево и сердито». Для костюмов покупали блестящие синтетические ткани, иногда даже мебельные или технические. Дешевизна компенсировалась яркостью расцветок, «бьющих в глаза». Одинаковые платья и фартуки, в контрастных сочетаниях, помноженные на количество участниц, преследуют цель – добиться внешнего эффекта. Отсутствие старинных монист компенсируется на скорую руку изготовленной их имитацией из блестящих металлических кружков или мишурных материалов, которых сегодня в магазинах в избытке. Явный признак самодеятельного подхода, который грешит утратой вкуса и пристрастием к излишней декоративности (фото 3).

Конечно, это не столько вина, сколько беда сельских женщин, родившихся уже после войны, воспитывавшихся в советских школах и самодеятельных клубных коллективах. Ценно уже то, что покрой их платьев традиционен и многие стремятся

Фото 3. Использование ярких дешевых, в том числе имитационных, материалов в современном национальном костюме признак любительского подхода

украсить передники вышивкой. Наиболее распространены белые фартуки, они придают ансамблю нарядность и торжественность, сразу вспоминается праздничная школьная форма. Однако вышивка на них часто выполнена пестро и неаккуратно, синтетические ткани морщатся под стежками, узоры из натуралистичных цветов непропорционально велики и не гармонируют с формой изделия, так как заимствованы из модных в 1960—70-е гг. занавесок и столешников.

Исправить ситуацию вполне

возможно, если дать вышивальщицам достойные образцы цветочных орнаментов, с чем могут справиться мастера центров ремесел. Тем более что в деревне до сих пор действует принцип подражания и копирования, а технологии узорного рукоделия (вышивки и вязания) пользуются уважением. Нужно только желание клубного работника превратить репетиции в посиделки с участием женщин разного возраста, девушек и девочек. Это создаст семейную добрую атмосферу, будет способствовать дружбе поколений и — восстановлению механизма преемственности традиций. У пожилых женщин будет повод для гордости признанием их мастерства, девочкам же полезно будет перенять бесценный опыт мам и бабушек. Традиционная культура сильна коллективизмом, ощущением важности общего дела, простотой и действенностью приемов трудового и духовно-нравственного воспитания.

Примером такого механизма преемственности может стать деятельность фольклорного коллектива «Выль Зардон» из д. Новая Монья Малопургинского р-на (рук. Ю. Н. Ильина). Ансамбль является первичной организацией ветеранов и создан по инициативе самих участниц. Своими силами они отремонтировали старый детский сад, поставили там печь, где пекут табани, отмечают песнями и плясками каждый праздник и юбилей, на основе музейной коллекции просвещают деревенских ребятишек, встречают гостей. В июле 2012 г. у них побывали школьники из Москвы, участники экспедиции Детской академии русской культуры ГБОУ Центра образования №1828 «Сабурово» (рук. к.п.н. Л. В. Резанов, Д. В. Ковальков). На отчетное мероприятие (приглашение новых друзей) новомоньинские бабушки на собственные средства поехали всем коллективом, захватив по 3 комплекта костюмов для концерта. Старинные удмуртские песни и обряды исполнялись в костюмах «из сундуков», а более новые – в атласных голубых платьях с белыми вышитыми фартуками, украшением были старинные серебряные мониста и перевязи. Бережное отношение к костюму и понимание его значения, как знака национальной принадлежности, отразились в том, что повседневный костюм женщин тоже был выполнен в национальных традициях. Это сшитые одной из участниц коллектива (В. С. Андреевой) платья

из клетчатых тканей и черные фартуки. Поскольку заказчицы сами покупают ткани, они отличаются по расцветке и качеству, но объединяет их местная традиция кроя. Даже темный фартук для нарядности украшен тщательной вышивкой крестом. Вышивать по канве умеют почти все женщины. Нитки выдергивают из ярких покупных шерстяных платков. Узоры составляют сами, иногда перерисовывая понравившиеся изображения с занавесочного тюля. Особенно ценится работа самых умелых мастеров, например Н. В. Иванова – сына одной из участниц коллектива. Признаком мастерства считается оборотная сторона вышивки, на которой не заметно ни единого узелка. Понравившиеся узоры копируются, о чем говорят кисточки-«чук» на фартуках. Не удивительно, что в Москве бабушек встречали с огромным восторгом, каждый считал за счастье сфотографироваться с ними, даже на улице или в музеях, которые они посещали.

Замечу, что непоправимый урон национальному костюму наносит слепое подражание. Выступая на одной республиканской сцене, самодеятельные коллективы перенимают друг у друга понравившиеся костюмы и подходы к ним. В результате размываются и уничтожаются особенности местных костюмных традиций, и почти невозможно бывает понять, откуда приехал фольклорный ансамбль: с севера, юга или из центральных районов Удмуртии. Даже костюмы родственных народов нивелируются, приобретая сходные черты. Преодолевать эту тенденцию в пользу уникальности местных традиций — не только в репертуаре и манере пения, но и в костюме, необходимо при помощи ученых, экспертов, членов жюри фестивалей.

Не меньшая беда фольклорных коллективов — подражание знаменитым ансамблям советского времени, например ансамблю «Италмас», в репертуаре которых преобладают профессиональные обработки народных песен, а также песни-гимны. Костюмы для них чаще всего выполняли московские дизайнеры, знакомые с национальным костюмом только по книгам и преследующие цель создать сценическую, индивидуально-творческую версию с вольной трактовкой орнаментального и цветового решения как правом на авторское прочтение. В сценическом костюме тоже всегда приветствовались утрированные

решения, яркие цветовые сочетания, замена традиционных технологий ручной вышивки более простыми, но эффектно смотрящимися издали техниками машинной вышивки, аппликации тесьмой и лентами, использованием металлизированной мишуры, сверкающей под светом софитов (фото 4).

В то время старинные костюмы были упрятаны в сундуки, и прославленный «Италмас», ставящий себе совсем иные задачи, был единственным образцом для подражания, что оправдывало

Фото 4. Псевдоудмуртский костюм, выполненный дизайнерами без учета традиций

сценические псевдонародные костюмы на исполнителях фольклора. Но сегодня никто не будет спорить, что «Бурановские бабушки» покорили Европу именно красотой рукотворного народного удмуртского костюма. Несмотря на навязанный им репертуар, они сохранили самобытность и органичность, остались верны родному языку.

Итак, сегодня востребован не усредненный удмуртский, а местный вариант костюма, хранящий верность фольклорной традиции. Предстоит серьезная работа не только для руководителей клубных и школьных коллективов, но и для мастеров центров ремесел. В сотрудничестве с учеными и специалистами музеев необходима экспедиционная деятельность, направленная на собирание местных образцов традиционной одежды. Для удешевления костюма возможен подбор готовых тканей, благо выбор сейчас огромный. Но крой и техники декорирования нужно использовать традиционные. Пример такой работы дает реставратор Удмуртского республиканского музея изобразительных искусств Т. Н. Москвина. Ее юбилейная выставка «Вераме потэ» («Очарование костюма») прошла в музее в ноябре-декабре 2012 г. Кроме реконструированных национальных костюмов реставратор предлагает женщинам варианты платья, комплекты из платья и фартука, верхнюю одежду традиционного покроя. Все они отличаются вкусом, красотой цветовых и фактурных сочетаний, ручной декоративной отделкой. Не случайно, именно ей было поручено сшить повседневные платья для «Бурановских бабушек». В жарком Баку участницам фольклорного коллектива было удобно и легко в штапельных платьях и фартуках, гармонирующих по цвету с тканями в мелкий цветочек. Жители и гости столицы Азербайджана замечали и запоминали необычный наряд удмуртских конкурсанток.

Реконструкцией народных костюмов сегодня успешно занимаются многие методисты центров декоративно-прикладного искусства и ремесел. Назовем лучших: это – Л. И. Буянова, Л. В. Мамеева, В. Н. Фардиева, Н. Г. Мансурова, Н. Е. Прокопьева (Ижевск), Е. И. Виноградова, Л. Л. Лебедева (Якшур-Бодья), С. Б. Ломоносова (Алнаши), М. В. Данилова (Яр), Л. Н. Буранова, Н. Г. Ускова (Игра).

Перспектив для такой деятельности много. Достоверная реконструкция с соблюдением техник декорирования — это основа для создания современного костюма в народных традициях, который сегодня приобретает все большую актуальность. Удобное традиционное платье и передник пользуются большим признанием и уважением на селе. Все больше городских женщин хотят иметь праздничный национальный костюм. Конечно, костюм ручной работы должен стоить дорого, поскольку труда и умения в него вложено немало. Выход из положения один — учиться шить и вышивать самим женщинам, следуя музейным образцам и работам профессионалов в этой области. Ценным подспорьем в этой деятельности могли бы стать методические пособия, в том числе электронные, легко тиражируемые.

E. I. Kovycheva

Problems of contemporary folk group's suit

Contemporary folk group's suit today is a variant of the festive national costume. He comes from a variety of sources. This is a traditional folk culture, amateur and professional creative design costumes. Problems are caused by the difference in the laws of creation in these fields. *Keywords*: costumes, folklore, traditional culture, amateur art, costume design.

Ковычева Елена Ивановна.

кандидат искусствоведения, доцент, ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет» г. Ижевск E-mail:el_kovich@mail.ru

Kovycheva Elena Ivanovna,

Candidate of Science (Art), associate professor, Udmurt State University Izhevsk E-mail: el kovich@mail.ru УДК 745(=511.1):39

И. А. Сазыкина

СЦЕНИЧЕСКИЙ КОСТЮМ КАК ФЕНОМЕН НАРОДНОГО КОМПЛЕКСА ОДЕЖДЫ

Сходство и различие костюмов Урало-Поволжья финно-угорской группы. Влияние пермского звериного стиля на современные ювелирные изделия. Сценические костюмы, выполненные студенткой Елизаветой Михайловой ИИиД УдГУ (специальность «Художественное проектирование костюма»).

Ключевые слова: орнаментальные мотивы, этнокультура Урало-Поволжья, пермский стиль, ювелирные изделия, сценический костюм.

Унификация, стандартизация, утрата этнически специфических черт, исчезновение целых комплексов этнокультуры приобрели в современном мире глобальный характер. Один из способов противостояния этому — обращение к культурному наследию, национальным ценностям и традициям, изучение истоков и эволюции, а также определение перспектив развития. Особую значимость приобретает сегодня исследование народного костюма — одного из важнейших маркеров этноса, имеющего не только утилитарную, но и дифференциальную функцию, осуществляемую с помощью орнаментально закодированной информации.

Художник по костюму постоянно в поиске новых идей, и народный костюм Урало-Поволжья интересен и самобытен для него в плане творчества. Костюмы удмуртов, мордвы, марийцев сохраняли длительный период времени архаичные черты. Такие формы одежды, как туникообразная рубаха и кафтан, головные уборы на высокой твердой основе и меховые шапки, налобная повязка-венец и шапочка «такья», обшитая монетами, — общие для народов Урало-Поволжья. Сходство элементов костюмных комплексов народов региона неоднократно отмечалось в этнографической литературе (См. Примечания).

Из фрагментов (монет, бисера, раковин – каури, бусин) создавались многие виды украшений, к ним относятся нагрудные фибулы, ожерелья, чересплечные изделия. Общие черты находим в вышивке:

- в технике исполнения;
- в цветовой гамме;
- в расположении орнаментации;
- в орнаментальных мотивах.

Вышивка схожа плотным заполнением фона, техника заполнения фона – косой стежок, набор, роспись. В цветовой гамме преобладают красный цвет марены и белый – естественный цвет отбеленного полотна.

В орнаментальных мотивах значительное место занимают стилизованные формы флоры и фауны. Финно-угорской группой народов глубоко почитались мотивы медведя, коня, уточки, оленя. Среди растительных мотивов популярны ель и сосна. Стилизованными изображениями ели удмуртки в праздничной одежде украшали область груди.

Мордва-мокша вышивали низ рубахи и рукавов стилизованными цветами шиповника. Маками и васильками вышивали мужские рубахи марийские девушки.

Геометрический орнамент у финно-угров доминирует. Такой вид орнамента этнографы признают самым древним. Семантика в основном отражает условные знаки:

- волнистые и прямые линии обозначали воду, радугу, землю;
- круг символизировал небесный огонь солнце.

В ювелирном искусстве наблюдаем те же общие черты, присущие Урало-Поволжью. В металлопластике ярче всего выступает Пермский звериный стиль (стилизованные звери), а также женские и детские образы. В удмуртском костюме в период матриархата изображение солнца выполнялось лишь на женских нарядах. Впоследствии солярный мотив утратил прежде широкое символическое значение. До нас дошла лишь одна функция узора – оберег. Возникшее в условиях матриархата уподобление:

Отец (мужчина) – солнце;

Мать (женщина) — луна; сохранилось в многочисленных произведениях фольклора, в частности в народной сказке «Зять солнца», записанной в 1885 г. венгерским ученым Б. Мункачи в д. Старый Сентек [1].

В вышивке, в узорном ткачестве, в резьбе по дереву, а также в ювелирных изделиях применяли узор «Звезда».

Солярные знаки (*питырес*): Солнце (*шунды*) – Отец (мужчина); Луна (*то-лэзь*) – Мать (женщина); Звезда (*кизили*) [2. С.179]

В путях развития народной одежды отражаются сложные историко-культурные процессы, неразрывно связанные с экономическим, культурным и общественным сознанием финно-угорской группы.

Для дизайнера по костюмам национальные комплексы являются прекрасным источником в творческой работе. На научно-практической конференции «Костюм

народов Урало-Поволжья как материальное и духовное наследие» мы показали творческую работу студентки Елизаветы Михайловой (рук. проекта автор статьи), ювелирные изделия выполнены в мастерской В. П. Степанова (см. фото).

Музыкальные и танцевальные коллективы нуждаются в обновлении своего гардероба, и им на помощь приходят художники со свежими идеями.

Чтобы коллекция моделей была востребована специалистами сцены, работу составляли следующие этапы:

- изучение истории и традиции удмуртского народного костюма, ювелирных изделий;
- анализ научных статей, отражающих теоретический подход к изучению и перспективам развития темы;
- учет информации о влиянии и значении народной одежды при создании коллекции сценических костюмов;
- анализ современных тенденций моды в работе ведущих дизайнеров мирового уровня.

К каждому комплекту одежды подбирались ювелирные украшения в технике горячей эмали.

Восхищаясь народным костюмом, дизайнер помнит о том, что нельзя, минуя стилизацию, «выносить» этот костюм на театральные подмостки, так как на сцене существуют свои правила игры.

Через костюм художник выражает свои ассоциации и ощущения, он пропускает через себя и передает свое понимание действительности, добиваясь единства формы и содержания. Только в этом случае зрители единодушно говорят, что сценический костюм органично завершает образ актера.

В статье представлена небольшая часть материалов, составляющих содержание учебно-методических комплексов и рабочих программ автора для студентов Института искусств и дизайна УдГУ специальности «Художественное проектирование костюма».

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1. Виноградов С. Н. Терминология удмуртских народных узоров // Ежегодник финно-угорских исследований. Ижевск: Удмуртский государственный университет, ERGO, 2008. С. 178–188.
- 2. *Майкова Л. Е., Гаврилова Н. В. и др.* Основы художественных промыслов народов мари. Йошкар-Ола: Вертикаль, 2007. 168 с., ил.
- 3. *Меджитова* Э. Марийское народное искусство. Йошкар-Ола: Марий книга, 1995. 269 с.
- 4. *Юшкин Ю.* Ф. Мордовия. Народное искусство. Саранск: Мордовское кн. изд., 1995. 141 с.

Поступила в редакцию 27.11.2012

I. A. Sazykina

Onstage dress as phenomenon of folk costume

The similarity and difference of Finno-Ugrian costumes of Urals-Volga region. The influence of Permian animal style on modern jewelry. Onstage dress, made by Elizaveta Mihailova, the student of Institute of Arts and Design of UDSU, specialized in Costume Design.

Keywords: ornamental motives, ethnic culture of Urals-Volga region, Permian style, jewelry, onstage dress.

Сазыкина Ирина Анатольевна,

доцент, ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет» г. Ижевск

E-mail: rvkir@mail.ru

Sazykina Irina Anatolyevna,

associate professor, Udmurt State University Izhevsk

E-mail: rvkir@mail.ru

УДК 398(=511.131)

Н. И. Шутова

О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАРОДНОГО ЭТНОФУТУРИСТИЧЕСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ *«ТÖДЬЫ ЮСЬ»* («БЕЛЫЙ ЛЕБЕДЬ»)

В работе дана информация о деятельности народного этнофутуристического объединения « $T\ddot{o}$ дьы юсь» («Белый лебедь»).

Ключевые слова: этнофутуристическое объединение, семейные и календарные обряды.

Этнофутуристический коллектив *«Тодьы юсь»* («Белый лебедь») создан в с. Якшур-Бодья УР в 2007 г. для возрождения и популяризации удмуртской национальной культуры. Руководитель – Татьяна Петровна Селиверстова.

Уникальность и ценность творческого объединения обусловлена следующими важными обстоятельствами. Члены коллектива занимаются сбором фольклорно-этнографического материала в ряде районов Удмуртии, стремительно исчезающего вслед за исчезновением десятков и сотен сельских поселений и уходом из жизни людей старшего поколения. Они внимательно изучают научную и научно-популярную литературу по истории края, традиционным обрядам и одежде, активно сотрудничают с учеными, преподавателями вузов, краеведами. В результате синтеза имеющихся данных и творческого их осмысления коллектив воссоздает старинные народные костюмы, музыкальные инструменты древних эпох и предметы домашнего обихода. Самостоятельно изготовленные костюмы поражают новизной и точностью воспроизведения, деликатностью цветового решения. Важно отметить, что собственные полевые фольклорные сборы, бережное обращение с этим материалом, тщательное изучение археологических, исторических и этнографических данных, позволяют участникам коллектива творчески перерабатывать имеющийся материал, адаптировать его к условиям и задачам современности. Великолепная атрибутика традиционной культуры ретранслируется при проведении публичных выступлений, демонстрирующих семейные и календарные обряды удмуртов. В деятельности коллектива, помимо взрослых, активное участие принимают дети 10–16 лет.

Семейные обряды (свадьба – *сюан*, рождение ребенка – *нуны сюан*, поминовение предков – *йыр-пыд сётон*) ставят вопросы о важности семьи и детей в жизни человека и общества, способствуют активизации творческих сил молодежи, вдохновению, восприятию детей как большой семейной ценности, а создание семьи – как знаменательное событие в жизни человека. Особенную ценность представляют разработки свадебного ритуала «Единение семьи», выполненного на основе старинных ритуалов с включением новых актуальных элементов, что придает современное звучание такой важной праздничной церемонии, как свальба.

Календарные обряды (Пасха или Великий день — Быд3ым нунал, праздник встречи весны — суждор и др.) выражают любовь к природе, к окружающей среде, радость земного бытия. Проводится ряд перфомансов, основанных на интерпретации мифов и преданий о птицах, солнце, деревьях. Особо подчеркнем, что сценические народные костюмы и сценарии праздников разработаны авторами самостоятельно. Активная публичная деятельность творческой группы $«Т\ddot{o}дьы юсь»$ («Белый лебедь») восполняет недостаток культурного общения в сельской среде.

Деятельность подобных творческих объединений имеет большую практическую и научную ценность для реализации принципа национально-регионального компонента в образовании, в мобилизации интеллектуальных и творческих возможностей жителей региона, в решении нравственных задач (пропаганда и воспитание семейных ценностей, патриотизма, любви к малой родине, к своему Отечеству, уважение к культуре дедов-прадедов).

Творчество этнофутуристического объединения пользуется уважением и известностью в локальных районных и республиканских кругах, имеет общероссийское и международное признание: коллектив неоднократно становился

дипломантом и лауреатом районных, республиканских, межрегиональных и международных фестивалей.

Коллектив «Тодьы юсь» (Белый лебедь») молод, активен, полон творческих сил и энергии. Его деятельность лежит в русле современных мировых трендов, обращенных к познанию и вплетению элементов аутентичного фольклора в ткань нашей жизни, к актуализации традиционных семейных и общественных ценностей, идей экологического мышления.

Поступила в редакцию 28.11.2012

N. I. Shutova

About activity of the folk ethnofuturistic association «Todjy Yus» («White swan»)

The paper gives the information about the activity of the folk ethnofuturistic association *«Todjy Yus»* («White swan»).

Keywords: ethnofuturistic association, family and calendar rituals.

Шутова Надежда Ивановна,

доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения РАН

г. Ижевск

E-mail: shutova@ni.udm.ru

Shutova Nadezhda Ivanovna,

Doctor of Science (History), professor, senior research associate,
Udmurt Institute of history, language and literature
Ural branch of the Russian Academy of Sciences
Izhevsk

E-mail: shutova@ni.udm.ru,

ИННОВАЦИИ И ТЕХНОЛОГИИ

УДК 378.014(=511.1)

А. В. Ишмуратов

ФИННО-УГОРСКИЙ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ЦЕНТР ГУМАНИТАРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ УДМУРТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА – ИТОГИ И ЗАДАЧИ

Статья посвящена итогам деятельности Финно-угорского центра за 5 лет его существования. Определены цели, задачи и перспективы развития.

Ключевые слова: традиционная культура, структура и направления деятельности, Ежегодник финно-угорских исследований, российские и международные научные партнеры, результаты работы Центра.

Значительная часть удмуртского населения в основном живет в сельской местности, где уровень образования зачастую отстает от городов. Что обусловлено не только нехваткой как высококвалифицированных специалистов, так и современных высоких технологий обучения.

При этом все более ощущается отстраненность молодежи от своих национальных корней, от родного языка, что неблагоприятно отражается на качестве подготовки национальных кадров среди удмуртов.

Задачи преодоления негативных явлений и тенденций, а также создания благоприятный условий для этнокультурного образования был призван решать образованный в кон. 2007 г. Финно-угорский научно-образовательный центр гуманитарных технологий (далее – Центр) УдГУ.

В концепцию системного подхода к организации Центра заложено развитие связей с академическими структурами, ведущими исследования в области финно-угроведения в РФ, а также за рубежом. Центр призван выполнять междисциплинарные проекты с выходом на сравнительно-типологический уровень, осуществляя интеграцию исследований вуза с академической наукой.

Достижения научно-образовательного процесса Удмуртского госуниверситета в области финно-угроведения, его богатый интеллектуальный и кадровый потенциал направлены на содействие Центру в разработке образовательных, инновационных и гуманитарных технологий.

Стратегия Центра опирается на три «И»: интеграция, инновация, институционализация, – органически связанные как аспекты целого.

Особенность проекта — не останавливаться только на гуманитарных направлениях, а сделать в перспективе удмуртский Центр одной из площадок российского финно-угорского образования, которое должно отвечать современным требованиям, чтобы наш выпускник был конкурентоспособным на европейском уровне.

Центр осуществляет координацию работы ученых разных профилей, исследующих проблемы развития личности, гуманитаризации общества и социального прогресса.

Центр исходит из гипотетического положения, что восхождение к общечеловеческой культуре осуществляется через этнокультуру. Этнокультура — это целостная стройная система: самобытная, самодостаточная, самоорганизующаяся и самоценная. В ней все «притерто», «отлажено»: друг другу соответствуют мифология, миропонимание, фольклор, этнопедагогика, традиции, обычаи, обряды. Поэтому Центр вплотную занимается решением проблем сохранения и дальнейшего развития национальной культуры.

Основополагающую роль для Центра играет процесс институционализации как формы получения и развития опережающего знания. Центр объединил исследования, которые ведутся в его лабораториях, связанные с сохранением и преумножением традиционного культурного наследия удмуртов.

Знаковым для Центра было выездное заседание Ассоциации финно-угорских университетов, посвященное организации научной деятельности в национальных университетах, которое прошло в ноябре 2008 г. в Ижевске под председательством тогдашнего ректора УдГУ С. Д. Бунтова. Как пример рассматривался накопленный Центром опыт комплексного решения образовательных проблем и проблем межкультурного взаимодействия.

В резолюции выездного заседания была одобрена деятельность Центра и рекомендовано распространение его опыта по внедрению гуманитарных и инновационных технологий.

Одним из пунктов резолюции было предложено рассмотреть возможность выпуска Центром межвузовского научного «Ежегодника финно-угорских исследований» как официального издания Ассоциации финно-угорских университетов.

В редакционный совет вошли ученые Удмуртии, Мари-Эл, Мордовии, Ханты-Мансийского АО, Финляндии, Венгрии, Эстонии, Карелии.

Центр заключил рамочное соглашение о сотрудничестве с Ассоциацией финно-угорских народов, проживающих во Франции. Представители Ассоциации также вошли в редакционный совет Ежегодника. Ведется взаимный обмен научными работами французских финно-угроведов и ученых Удмуртии.

Ежегодник публикует материалы, посвященные изучению, разработке и внедрению в общественную практику современных гуманитарных технологий, направленных на социально-экономическое, духовно-нравственное и культурное развитие финно-угорских народов.

Журнал объединяет международное финно-угорское научно-образовательное пространство. Он активно сотрудничает с учеными Татарстана, Чувашии

и других регионов России. Признание его ведущими учеными финно-угроведами Европы подтверждается их участием в качестве авторов научных статей и в составе редакционного совета. Журнал активно привлекает и молодых ученых — соискателей, аспирантов и магистрантов.

За сравнительно небольшой срок функционирования Центр выполнил также ряд серьезных научно-образовательных проектов по намеченным направлениям своей деятельности.

Так, он явился ответственным организатором ряда научных форумов, из которых наиболее значимы Международные научно-практические конференции «Финно-угорские этносы: технологии развития в условиях глобализации» (ноябрь, 2009) и «Этногенез удмуртского народа. Этнос. Язык. Культура. Религия» (ноябрь, 2010), научно-практические конференции «Традиционная культура в системе образования» (декабрь, 2011), «Самостоятельная работа студентов в области музыкального образования: теоретический и практический аспекты» (февраль, 2012), «Традиционная культура в полиэтническом пространстве» (апрель, 2012).

Ценные и оригинальные исследования проводятся лабораториями Центра. По двум генеральным направлениям ведутся научно-исследовательские работы Лабораторией лингвистического картографирования и исторической лексикологии (рук. д. ф. н. Р. Ш. Насибуллин). Это, во-первых, изучение лексических особенностей удмуртских диалектов методом лингвистической географии при создании диалектологических карт. Выпущены 2 тома Диалектологического атласа удмуртского языка. Издание содержит карты, снабженные научными комментариями. Лаборатория полностью освоила сложную технологию составления электронно-цифровых карт, с помощью которых можно реконструировать весь ход перемещения или противостояния слов на языковой территории; на их основе можно создать мультимедийные учебники и т. д.

Продолжаются работы над удмуртской частью «Лингвистического атласа Европы» (ЛАЕ) и комплексным изучением лексики удмуртского языка с применением современных электронных технологий.

Лаборатория в состоянии создать электронно-цифровые диалектологические карты любой сложности и обладает возможностью на высоком профессиональном уровне оказывать помощь финно-угорским научным центрам в составлении таких карт.

Второе направление – исследование русских заимствований по удмуртским письменным источникам с 1726 г. по настоящее время. Начальный этап этой работы – создание фундаментального «Историко-хронологического словаря русских заимствований в удмуртском языке». По своей значимости и масштабности он не имеет аналогов среди языковых словарей народов России. Для его создания обработано более 3000 письменных источников, в их числе – около 2000 книг. Словарь содержит около 50 тыс. словарных статей. Это своего рода летопись появления новых слов, обозначающих новые предметы и понятия в удмуртском языке. Данный труд имеет большое научное и практическое значение. Нужную информацию найдут в нем не только лингвисты, но и историки, этнографы, культурологи, краеведы...

В лаборатории подходит к завершению создание «Сводного словаря удмуртского языка» на основе 21 словаря удмуртского языка. Уже известно, каким количеством слов располагают словари, созданные в лаборатории — все вместе они содержат 80 тыс. слов. А если ввести в этот словарь и материалы Историко-хронологического словаря, то общий словарный запас удмуртского языка составит около 120 тыс. слов. Среди языков народов Российской Федерации это второй словарь после русского.

В деятельности лаборатории «Мифология и литература финно-угорских народов» (рук. проф., д. ф. н. А. С. Измайлова-Зуева) выделены следующие основные направленияо:

- определение актуальных задач и динамики развития удмуртской художественной словесности (устной и письменной);
- выявление роли и значения мифо-фольклорных традиций в развитии новых художественных структур, направленных на освещение современной действительности в связи с этнокультурными и этнофилософскими особенностями художественного мышления национальных писателей;
- изучение особенностей воплощения образа мира и человека в проблемном, жанровом и жанрово-стилевом аспектах;
- выявление и исследование мировоззренческих и эстетических концептов национального менталитета.

В научных трудах сотрудников лаборатории представлен анализ процесса развития удмуртской литературы в реальных связях с историей, материальной и духовной культурой народа с привлечением данных смежных наук (этнографии, фольклористики и др.). Это позволяет выявить специфические особенности развития удмуртской литературы и взаимодействие мифологических, языческих и христианских традиций на разных этапах литературного развития.

Центр осуществляет издание научных и научно-популярных исследований, учебников и учебно-методических пособий. Для студентов гуманитарных и негуманитарных вузов разработаны учебно-методический комплекс «История культуры Удмуртии» и спецкурс «Особенности постструктуралистского анализа текста».

О продуктивности контактных этнических зон написано множество проектов исследований. Лабораторией реализуется масштабный проект издания серии книг о деятелях литературы финно-угорского сообщества и соседних с Удмуртией регионов. Вышли в свет книги о чувашском писателе Мишши Юхма (Чувашское изд-во, 2011) и о ненецкой писательнице Нине Ядне (Салехард, 2010).

Лаборатория реализовала смелую идею создания общего финно-угорского языка. Это уникальный языковой проект, над которым работает молодой ученый, к. ф. н. А. А. Арзамазов. Разработанный общий язык — своеобразное эсперанто, названный «Будинос», подчеркивает финно-угорское родство, которое в реальном мире далеко не всегда очевидно. Проект обозначил новые пути в развитии финно-угорской проблематики — поиск нетривиальных, даже неожиданных способов общения, взаимопонимания. «Будинос» представляет безусловный интерес для языкознания: искусственные языки «рождаются» довольно редко и становятся определенным событием в культурной, филологической среде. Языком «Будинос» активно интересуются в Европе.

Продолжая разговор о деятельности структурных подразделений Центра, особо остановимся на работе мастерской «Крезь» — ресурсно-методическом центре по восстановлению, изготовлению и реставрации традиционных финноугорских музыкальных инструментов.

Несколько слов о *крезе* (аналоге русских гуслей). Этот музыкальный инструмент – визитная карточка удмуртов. По преданию, крезь небесного происхождения. В древности его изготовляли из ели, на которую ударом молнии указывал сам Инмар (удм. верховное божество). От этого и звучание *крезя* называли мелодией *небесной росы*.

Одна из основных задач мастерской – создание первой в Удмуртии открытой информационной базы (каталога) мастеров, исполнителей, педагогов, ученых, организаций, работающих в сфере традиционной музыкальной культуры.

Одновременно «Мастерская Крезь» занимается разработкой методических материалов и организацией работы в подобных центрах, разработкой технологий изготовления и реставрации финно-угорских музыкальных инструментов, оказывает консультационные услуги. Проводятся образовательные и научно-практические семинары, мастер-классы на темы сохранения и развития национальных музыкальных инструментов.

Цель многоплановой деятельности Лаборатории социальных и этнокультурных практик (рук. к. п. н. А. В. Ишмуратов) — осуществление новых способов активизации жизнеспособных культурно-исторических традиций финно-угорских народов, в том числе и для образовательного процесса.

С позиции инноваций проводятся научные исследования (в том числе совместные) для воссоздания и создания гуманитарных технологий, направленных на социально-экономическую и духовно-нравственную ревитализацию финноугорских народов.

В этом направлении отметим два наиболее интересных проекта. Первый – это создание мультимедийного диска, на котором представлен репродуцированный и подвергнутый незначительной художественной интерпретации (в стилистике фольклорного театра) обряд в честь рождения ребенка *«Нуны сюан»*.

«Нуны сюан» — это традиционный обряд родин, общественное признание новорожденного, облеченное в обрядовую форму, включение его в систему семейно-родственных отношений, обретение появившимся на свет социального имени. Также этот обряд — действенная форма социальной и психологической поддержки семьи новорожденного и профилактики сиротства и безнадзорности, создания «аварийной» группы поддержки в лице крестных отцов и матерей.

Второй проект «Женщина в финно-угорском мире» направлен на инициирование женской аудитории функции деторождения и семейных ценностей. Выпущен мультимедийный диск с исполнением молодыми певцами традиционных удмуртских песен, сопровождающих различные жизненные циклы. Три новеллы — три «свадьбы» (в интерпретации удмуртов «свадьба» — это переход из одного жизненного состояния в другое): рождение — свадьба уход в иной мир.

Смена социально-экономической парадигмы в российском обществе привела к серьезным изменениям в социальной сфере (обнищание, безработица,

неуверенность в завтрашнем дне и, как следствие, падение рождаемости, социальная апатия). Отсутствие достаточных государственных средств для решения этих проблем побуждает к поиску сохранившихся и бытующих в традиционной культуре форм взаимопомощи и взаимоподдержки, к их реконструкции и использованию в новых жизненных реалиях. Для решения этих проблем разрабатывается социальный проект «Технология организация взаимопомощи и взаимной поддержки молодой семьи методами традиционной культуры».

Кроме реализации художественно-сценических программ осуществляются проекты в жанре декоративно-прикладного творчества и иных культурно-просветительских видах деятельности, ориентированных на возросшую потребность общества в традиционных видах и жанрах искусства (в том числе в альтернативных формах презентации фольклора) с приданием им академического статуса университетских проектов.

Выпущен ряд мультимедийных дисков в различных областях удмуртской культуры: фольклоре, литературе, живописи, традиционной музыке и др. К работе над дисками привлечены искусствоведы, писатели, художники, композиторы, мастера народных промыслов.

В перспективе планируется организация методологической поддержки производителей изделий народных промыслов и ремесел, традиционного прикладного искусства, музыкальных инструментов и других предметов материальной культуры удмуртского народа.

Следующее важное направление деятельности Центра – подбор и распространение среди удмуртских читателей научной, образовательной литературы, художественных произведений общепризнанных и молодых финно-угорских авторов, пропаганда удмуртской книги как важнейшего элемента удмуртской культуры. Финно-угорским библиотекам России, Центральной публичной библиотеке (Москва), районным и сельским библиотекам Удмуртии передаются научные, публицистические и художественные издания, словари, учебники удмуртских авторов.

Центр регулярно проводит лекции и выступления по финно-угорской тематике (с привлечением преподавателей УдГУ, ученых, писателей, журналистов) в библиотеках и образовательных учреждениях. Большой интерес (особенно в сельских районах) вызывают встречи удмуртских поэтов и прозаиков с читателями и презентации новых книг, организуемые и проводимые при участии Центра.

Значительный вклад в популяризацию Центра вносят удмуртские научно-публицистические и литературно-художественные журналы, публикующие информацию о результатах научно-исследовательской деятельности Центра.

Большое внимание уделяется переводам и координации издательской деятельности Центра (научным, образовательным и художественным изданиям, вышедшим в свет при его содействии, и осуществленные им переводы).

На одном проекте остановимся особо. При содействии проф. Н. С. Витрука (Москва), ныне покойного, осуществляется выпуск серии стихотворений классиков русской поэзии в переводах на удмуртский язык. Вышли в свет переводы стихов А. Кольцова, А. Фета, М. Лермонтова, «Евгений Онегин» А. Пушкина.

В тесном сотрудничестве Центра с д. ф. н. (в наст. время – наш сотрудник), протодиаконом РПЦ Михаилом Атамановым издан первый удмуртский эпос «Тангыра». Хотя «Тангыра» – авторский текст и является художественным произведением, но в основе его – история удмуртского народа, в самых драматических ее моментах. Феномен удмуртского эпоса – проблема не только сугубо научная, представляющая интерес для филологов и фольклористов. Издание «Тангыры» – событие большой важности и для научного мира, и для удмуртской литературы. Наличие эпоса устанавливает значимость народа в масштабах мировой культуры, поднимая самосознание этноса на новый уровень.

Расширению деятельности Центра в формировании этических норм, обеспечивающих уважение к ценностям традиционной культуры удмуртов и других этносов и лучшее понимание этнокультурного многообразия общества, способствует его участие в национальных удмуртских праздниках, где информационные материалы Центра широко распространяются.

Все большее внимание привлекает действующий интернет-ресурс Центра, предоставляющий российским и зарубежным университетам возможность размещать на сайте и их материалы по финно-угорской тематике. На сайте Центра представлены персональные страницы финно-угорских ученых, композиторов, литераторов, а также виртуальный музей художников Удмуртии.

Кроме виртуального общения, значительную роль для Центра играет непосредственное общение с коллегами из других регионов РФ и других стран. Удмуртская культура и язык при умелом представлении становятся объектом немалого общественного интереса: этническая удмуртская культура — не только далекая экзотика, но и память о прошлом, интуитивное желание быть ближе к золотому веку цивилизации, к ее богатству и многообразию.

Главный ожидаемый результат от работы Центра видится в формировании среди политической, экономической, интеллектуальной, бизнес-элиты и в целом в среде этносов устойчивого представления о традиционной культуре финно-угров как одного из ресурсов социально-экономического, духовно-нравственного, культурного развития человека и среды его обитания.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1. *Ишмуратов А. В.* Система взаимопомощи и взаимоподдержки удмуртов // Сб. материалов Междунар. науч.-практич. конф. «Социальная работа в поликультурном обществе». Ижевск: Удмуртский университет, 2011. С. 174–186.
- 2. *Ишмуратов А. В.* Финно-угорский научно-образовательный центр гуманитарных технологий (идея, концепция и принципы) // Людей связующая нить...: Сб. материалов науч.-практич. конф. «Традиционная культура в системе образования». Ижевск, 2011. С. 7–8.
- 3. Ишмуратов А. В. Финно-угорский научно-образовательный центр гуманитарных технологий (идея, концепция и принципы) // Финно-угорские этносы: технологии развития в условиях глобализации: Сб. материалов конф. Ижевск: Удмуртский университет, 2010. С. 8–10.
- 4. *Ишмуратов А. В., Прокопьев А. Н.* Возможности традиционной культуры в духовном, нравственном и этическом возрождении народов // Каталог удмуртского ПЕН-клуба. Ижевск, 2005. С. 48-50.

- 5. Финно-угорское родство. Финно-угорский язык // Материалы конгресса. Ижевск: Удмуртский университет, 2011.
- 6. *Ишмуратов А. В.* Фольклорные коллективы как фактор стабилизации социально-экономической ситуации в сельских поселениях // Congressus XI. Internationalis Fenno-Ugristarum: Piliscsaba, 9–14. VIII. 2010. Piliscsaba, 2010. P. 2. Summaria acroasium in sectionibus. P. 190.

Поступила в редакцию 30.11.2012

A. V. Ishmuratov

Finno-Ugric Research and Education Center of Humanities Technology Udmurt State University – Results and problems

The article is devoted to the results of the Center for 5 years of its existence. Defined goals, objectives, prospects of development of the Centre and the expected result.

Keywords: traditional culture, organizational structure and activity, Yearbook of the Finno-Ugric Studies, Russian and international academic partners, the work of the Centre.

Ишмуратов Анатолий Васильевич,

кандидат педагогических наук, доцент, ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет» г. Ижевск

E-mail: rvkir@mail.ru

Ishmuratov Anatoliy Vasiljevich,

Candidate of Science (Pedagogy), associate professor,
Udmurt State University
Izhevsk

E-mail: rvkir@mail.ru

УДК 372.8:91(045)

Н. Н. Тимерханова, А. Ф. Кудрявцев

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЕКТ «"ГЕОГРАФИЯ" НА УДМУРТСКОМ ЯЗЫКЕ»

«"География" на удмуртском языке» является научно-образовательным проектом. Его результатом должны стать пособия и мероприятия по географии для детей разного возраста, чтобы передавать знание языка и знания о языке, в частности – удмуртского языка и об удмуртском языке; расширить кругозор по географии в теоретическом аспекте. Кроме того, пособия имеют практическую направленность.

Ключевые слова: научно-образовательный проект, пособия по географии для детей дошкольного, младшего и старшего школьного возраста.

Проект «"География" на удмуртском языке» — это совместная научноучебная работа кафедры экономической географии географического факультета и кафедры удмуртского языка и методики его преподавания факультета удмуртской филологии. Результатом реализации проекта должны стать пособия для владеющих удмуртским языком детей разного возраста, а также фотоальбом (в электронной форме), предназначенный для широкого круга людей, интересующихся географией Удмуртии. Удмуртский государственный университет в лице ректора, а также Общество М. Кастрена (Финляндия) отметили важность этого проекта и поддержали его с финансовой стороны. В чем же его актуальность и ценность?

Уровень владения родным языком детьми-удмуртами оставляет желать лучшего, а в последнее время происходит ассимиляция населения, обрусение, вследствие непрестижности родного языка. Другая причина состоит в том, что родители-удмурты, думая, что их детям будет сложно учиться в школе, стараются говорить с ними только по-русски (при этом мы не отрицаем положительного эффекта, если родители хорошо владеют русским языком, близким к литературному). К сожалению, довольно часто их язык далек от русского литературного языка, скорее всего это местный русский говор, с большим количеством просторечных фраз. Кроме того, ребенок и самостоятельно усваивает речь, близкую

к речи героев мультфильмов и кинофильмов, изобилующей жаргонными фразами, грубыми выражениями и предложениями агрессивного характера (в образованной молодежной среде для подобной речи существует характеристика: «говорит, как гопник»).

Другая проблема вытекает из предыдущей: в результате отказа от родного языка ребенок теряет навыки родной речи и в то же время плохо владеет русской речью. В результате он не может выразить свою мысль на русском языке. Многие родители не знают, что уже доказано положительное влияние родного языка на усвоение второго и третьего языков; знание одной языковой системы помогает изучать и усваивать другую, при том, что языки друг другу абсолютно не мешают.

В то же время родительское обучение русскому языку дает положительные результаты, особенно в тех случаях, когда взрослые читают детям хорошие русские книги соответственно возрасту детей: сказки, рассказы, стихи, различные энциклопедии, в частности по географии. Было бы только время и желание.

В случае же с детьми, относительно хорошо говорящими на удмуртском языке, изучение географии на родном языке позволит расширить возможности в освоении ими явлений объективной действительности, а при сопоставлении со знаниями, полученными на уроках русского языка, закреплять полученные знания, углублять и уточнять их (причем уточнять взаимно - как на русском языке, так и на удмуртском. К такому выводу мы пришли в ходе работы над переводом географической терминологии с русского языка на удмуртский, а также констатируя некоторые факты разночтений, неточностей и даже явных ошибок в детских пособиях и учебниках). Кроме того, ребенок может столкнуться с ситуацией, когда он знает, каким образом явление или факт объяснить на родном языке, но затрудняется сформулировать свою мысль по-русски. Некоторые воспитатели и учителя не разрешают формулировать мысль на родном языке (и лишь затем переводить на русский) и в этом не являются помощником ребенку в обучении. В то же время, на наш взгляд, в старших классах это уже не может быть правилом, а только исключением, в связи с нашей системой дальнейшего обучения только на русском языке.

Из сказанного не следует, что мы предлагаем преподавать естественные науки, в частности географию, на удмуртском языке. Речь идет лишь о введении занятий-игр в детских садах и уроков в школе, которые бы дополняли и обогащали полученные детьми знания материалами на родном языке.

Согласно разрабатываемому проекту, знание языка и знания о языке можно передавать разными способами. Одним из лучших, на наш взгляд, способов передачи знаний об окружающем мире и географии является детская энциклопедия. В этом случае включается и знание языка, и знание о языке, например, почему склон называется по-удмуртски бам? Потому что бам «лицо» является «лицом» горы; часто встречающееся наименование реки карашур восходит к сочетанию каро шур «река, на котором есть поселение»; пужымнюр (название влажного участка) восходит к сочетанию пужымо нюр «топь, где есть сосны»; вужёрты «старица» восходит к сочетанию вуж öр ты «озеро старого русла» и др. Такие сравнения и экскурсы из географии в лингвистику детям обычно интересны, особенно, когда связаны с местностью их проживания.

Кроме того, большинство детей по природе бывают любопытны, им интересно, как те или иные географические объекты и явления называются поудмуртски и по-русски.

Исходя из сказанного, мы поставили цель создать такие учебные пособия по географии на удмуртском языке, которые помогли бы решить сразу несколько задач:

- 1) предоставить ребенку выбор, на каком языке он хотел бы усваивать материал (здесь решающую роль играют доступность и интересная подача материала);
- 2) обеспечить расширение кругозора в теоретическом аспекте (преумножение фоновых знаний по географии), в то же время давая им практическую направленность, например: помочь ребенку научиться хорошо ориентироваться в пространстве, научиться читать карты, познавать географические объекты, находящиеся рядом, и др.

На сегодня в Удмуртской Республике нет учебных пособий по географии на удмуртском языке. Создание таких пособий для воспитанников детских садов и школ открыло бы им возможность обучаться на русском и удмуртском языках, что стимулировало бы усвоение начальных знаний, связанных с географией, и понимание этого школьного предмета, а также повышало мотивацию в обучении географии на родном языке.

Нашим коллективом (А. Л. Лекомцев, А. Ф. Кудрявцев, А. А. Кашин, А. Н. Лобыгин, Н. Н. Тимерханова, Е. Р. Тимерханова) уже создано и подготовлено к изданию несколько видов пособий по географии на удмуртском языке: «География. Детская энциклопедия», презентации для школы по географии Удмуртии по всем темам, изучаемым в школе, фотоальбом «Ландшафты Удмуртии». Кроме того, проведена Олимпиада по географии среди старшеклассников с вариантом задания и возможностью ответа на удмуртском языке, получившая положительные отзывы преподавателей-географов, некоторых директоров школ и языковедов. Предполагаются и другие формы работы в рамках заявленного проекта. Для более широкой доступности материалы будут изданы в электронном формате и выложены на сайте географического факультета УдГУ.

Детская энциклопедия рассчитана на детей 6–10 лет. Поскольку она задумана в формате презентации Power Point, материал сопровождается анимацией, а в некоторых случаях — звуком и видеороликом. В большинстве случаев это — иллюстрации в виде фотографий, а не рисунков, чтобы дети воспринимали географические объекты и явления в их природном виде. Безусловно, используются и карты. Всего в энциклопедии 570 слайдов.

Мы стремились отразить в этом издании самые важные и интересные географические объекты и некоторые факты, связанные с ними, в доступной для детей форме. В то же время мы преследовали цель – дать ребенку основополагающие энциклопедические знания по географии. Поэтому, кроме теоретического материала, в пособие включены эксперименты, простые анимационные игры, небольшая викторина и физкультминутки. Приведем для примера содержание энциклопедии (на удмуртском и русском языках) и скриншоты некоторых слайдов:

Некоторые разделы энциклопедии находятся внутри более общего раздела. Так, биосфера рассматривается в связи с конкретным материком и определенной территорией, а землетрясения и вулканы входят в раздел «Рельеф» и др. Такое деление поможет ребенку выявить взаимосвязь явлений и фактов.

Для создания энциклопедии была проведена большая терминологическая работа на удмуртском языке, поскольку многие термины в удмуртском языке еще не устоялись. Нужно было очень аккуратно подбирать названия географических объектов и явлений; при этом выбирались наименования, более известные широкому кругу читателей (и взрослым, и детям). А к терминам, еще не очень знакомым либо знакомым только старшему поколению, даны постраничные

словарики: нажав на слово или термин, написанный шрифтом синего цвета, можно перейти в словарь, где дан перевод на русский язык.

Относительно терминологии и номенклатуры отметим, что у большинства географических объектов и явлений есть наименования на удмуртском языке (венгерский лингвист Янош Пустаи не раз отмечал, что удмуртский язык – хорошо развитый язык). Действительно, существует богатая языковая система с обозначениями многих географических объектов. Мы не говорим о лакунах, большую часть которых составляют этнографизмы. Если же на данный момент нет отдельных наименований, то система языка позволяет их создать. Из тех названий, которые уже существуют, некоторые издавна имеют интересные корни. Например, название *Млечного пути – Лудзазегсюрес* (и др. варианты) – связано с обозначением пути перелетных птиц, и в переводе на русский язык обозначает «дорога диких гусей» (см. об этом и о названиях некоторых звезд и созвездий в источнике*). Интересна последовательность обозначения фаз луны: новолуние - толэзьлэн вордиськемез «рождение луны», первая четверть – толэзьлэн будэмез «рост луны», полнолуние – тыр толэзь «полная луна», последняя четверть - толэзь кулэсмон «убывание луны» и многое другое.

Большое значение мы придаем работе и выходу в свет фотоальбома «Ландшафты Удмуртии» (Ижевск, 2013), цель которого двоякая. Памятуя о том, что ландшафт — это зеркало культуры (в т.ч. этнической), полагаем, что фотоальбом будет, своего рода, визитной карточкой нашего региона, информацией о нем — во внешний мир. В то же время фотоальбом будет интересен и населению самой Удмуртии: жители нашего региона, особенно горожане, порой слабо представляют себе, что и где находится за пределами городов. Парадоксально, что население Удмуртии, хорошо ориентирующееся в географии (даже микрогеографии) заморских стран, мало знают свой родной край. Мы питаем надежду, что фотоальбом станет тем информационным ресурсом, который внесет свою лепту в формирование регионального и национального самосознания, а также — в воспитание, особенно у подрастающего поколения, любви к своей малой родине.

В июне 2012 г. в рамках проекта нами был инициирован конкурс фоторабот учащихся «Ландшафты родного края». Участников оказалось не более десяти человек. Тем не менее победитель и призеры (учащиеся школ Ижевска, Дебесского и Можгинского районов) были определены и торжественно награждены на юбилейной научно-практической конференции, посвященной 50-летию высшего географического образования в Удмуртии (9 октября 2012 г.).

Исходя из необходимости и важности вышеназванных пособий, можно сказать, что данный проект и первые его результаты актуальны и значимы – теоретически и практически. В работе с пособиями у ребенка-удмурта развивается чувство гордости за то, что это его предки – исконные жители территории Удмуртии – дали названия многим географическим объектам

^{*} Кириллова Л. Е. Удмуртская космонимия // Pars IV. Dissertationes sectionum et symposiorum ad linguisticam: Congressus XI. Internationalis Fenno-Ugristarum, Piliscsaba, 9–14. VIII. 2010. С. 230–236.

окружающего мира и обозначили не только местные объекты, а и космические и многие другие.

Поступила в редакцию 10.12.2012

N. N. Timerkhanova, A. F. Kudryavtsev

Research and Education Project «"Geography" in the Udmurt Language»

«"Geography" in the Udmurt Language» is a research and education project. It will result in textbooks and activities in geography for the children of different ages. Using textbooks it is possible to broadcast knowledge about the language, in particular – the Udmurt language and about the Udmurt language. These publications will broaden horizons in the theory of geography and moreover they have a practical approach.

Keywords: Research and education project, aid in teaching geography to preschool, primary school and secondary school children.

Тимерханова Надежда Николаевна,

кандидат филологических наук, доцент, ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет» г. Ижевск

E-mail: timer-nadezhda@yandex.ru

Кудрявцев Андрей Федорович,

кандидат географических наук, доцент, ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»

г. Ижевск

E-mail: kudr2005@mail.ru

Timerkhanova Nadezhda Nikolaevna,

Candidate of Science (Philology), associate professor, Udmurt State University

Izhevsk

E-mail: timer-nadezhda@yandex.ru

Kudryavtsev Andrey Fyodorovich,

Candidate of Science (Geography), associate professor,
Udmurt State University

Izhevsk

E-mail: kudr2005@mail.ru

ЮБИЛЕИ УДК 929(470.51)

ЯШИНА РОЗА ИВАНОВНА

В январе 2013 г. отметит свой 80-летний юбилей поэтесса, литературный критик, лингвист и литературовед, кандидат филологических наук, профессор, научный сотрудник ФУНОЦ ГТ УдГУ Роза Ивановна Яшина.

Родилась 1 января 1933 г. в д. Русский Зязьгор Кезского р-на Удмуртии в семье сельского учителя. С двух лет жила и воспитывалась в д. Аргурт (Ариково) Дебесского р-на. Окончив Дебесское педучилище с отличием, в 1951 г. поступила учиться в Удмуртский педагогический институт. После окончания пединститута в 1955—1959 гг. работала учительницей русского языка и литературы в г. Глазове. В 1959 г. вместе

с мужем, известным удмуртским поэтом, фольклористом и литературоведом Д. А. Яшиным, перевелись в Удмуртский пединститут, где Роза Ивановна поступила в аспирантуру.

В 1965 г. успешно защитила кандидатскую диссертацию на тему «Сравнительные конструкции в удмуртском языке». Диссертация имела определенное практическое значение, поскольку позволила внести некоторые коррективы в существующие правила пунктуации по синтаксису удмуртского языка.

Первые годы работы в пединституте вела лекционные курсы по синтаксису и методике преподавания удмуртского и русского языков, осуществляла руководство педагогической практикой студентов. С ее приходом на кафедру преподавание методики заметно улучшилось: свой практический опыт работы в средней школе г. Глазова она щедро передавала студентам.

Р. И. Яшина принимала активное участие в создании учебников по синтаксису и морфологии удмуртского языка. Первый учебник под названием «Удмурт кыл. Синтаксис. 6—8 классъёслы», написанный в соавторстве

с А. В. Конюховой, выдержал 6 изданий. Второй учебник «Удмурт кыл. Морфология. 5–6 классъёслы», написанный в соавторстве с Г. Н. Никольской, А. А. Поздеевой и И. В. Таракановым, также переиздавался 6 раз. Р. И. Яшина является также одним из авторов учебника нового поколения по удмуртскому языку для школ «Удмурт кыл: 8–9 классъёслы» под редакцией Г. А.Ушакова (Ижевск, 2003).

Большую помощь Р. И. Яшина оказала учителям республики, опубликовав учебное пособие под названием «Удмурт кылъя внеклассной ужъёс» («Внеклассная работа по удмуртскому языку». Ижевск: Удмуртия, 1972. 162 с.), в котором представлен богатый, разносторонний лексический и грамматический материал и даны рекомендации для проведения занятий по различным разделам удмуртского языкознания. Другая объемная работа Р. И. Яшиной «Удмурт стилистикая очеркъёс» («Очерки по стилистике удмуртского языкознания.

В последующие годы Р. И. Яшина читала лекционные курсы по кафедре удмуртской литературы и литературы народов СССР и вела научно-исследовательскую работу по литературоведению и методике преподавания литературы. Многие из ее работ посвящены анализу художественных произведений Кузебая Герда, Ашальчи Оки, А. Бутолина, М. Лямина, А. Лужанина, Флора Васильева, Евгения и Семена Самсоновых, Д. Яшина, М. Петрова, Степана Широбокова и других. Начиная с 1958 г. в газетах регулярно публиковались ее рецензии и статьи по вопросам исследования удмуртской литературы. Всего Р. И. Яшиной опубликовано более 100 научных статей и 14 отдельных книг и учебных пособий для студентов и учителей общеобразовательных школ.

В 2003–2010 гг. Р. И. Яшина занимала должность профессора кафедры языка и средств массовой информации и литературно-художественной критики факультета журналистики, а с 2010 г. является научным сотрудником ФУНОЦ ГТ Удмуртского госуниверситета.

Еще в годы учебы на филологическом факультете Удмуртского педагогического института Роза Ивановна начала пробовать свои силы в поэзии. Ее стихи печатались в газете «Советской Удмуртия», в журнале «Молот», в коллективных поэтических сборниках, переводились на многие финно-угорские языки, а стихотворение «Сибирский тракт» переведено даже на итальянский язык (1989). Читателям Удмуртии хорошо известна ее лирическая поэма «Тодйськод на-а тон?» («Помнишь ли ты?»).

В последние годы Р. И. Яшина занимается переводами на удмуртский язык произведений корифеев русской поэзии: А. Пушкина, Н. Некрасова, С. Есенина. В 2010 г. вышел из печати переведенный ею на удмуртский язык роман в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Полный текст романа в переводе на удмуртский язык издан впервые. Ее переводы отличаются проникновенностью, точностью передачи настроения, чувством поэтического слога.

Роза Ивановна Яшина имеет 57-летний трудовой стаж. Ее труд отмечен многими правительственными наградами: в 1983 г. ей присвоено звание «Заслуженный деятель науки Удмуртской АССР», она награждена медалями «Ветеран труда», Почетным знаком Министерства просвещения «Отличник народного

просвещения РСФСР», Почетными грамотами Президиума Верховного Совета Удмуртской АССР, Совета Министров Удмуртской АССР, Правительства УР, является лауреатом национальной премии им. К. Герда. Она почетный профессор Удмуртского госуниверситета, хранитель и издатель архивов Д. А. Яшина, инициатор издания книги о нем «Поэт. Ученый. Педагог» (1993). В начале 1990-х гг. возглавляла Всеудмуртскую ассоциацию «Удмурт Кенеш», избиралась депутатом Индустриального райсовета, народным заседателем Верховного суда Удмуртской АССР.

В настоящее время Роза Ивановна продолжает активно работать, создавая новые труды в области лингвистики, критики, литературоведения и поэзии.

Поступила в редакцию 27.12.2012

Коллеги ФУНОЦ ГТ УдГУ

УДК 929(470.51)

А. С. Измайлова-Зуева

СЛОВО ОБ УЧИТЕЛЕ

И вечный бой. Покой нам только снится... Aлексанdр Блок

Имя Розы Ивановны Яшиной широко известно в Удмуртии и за ее пределами. Талантливый человек, она уверенно идет по жизни, постоянно общается с людьми, не замечая бега времени, не зная усталости и покоя. Ученый-лингвист, общественный деятель, литературовед, переводчик, методист, поэтесса – таковы грани ее разносторонней творческой натуры. Более 40 лет работает она в УдГУ на кафедре удмуртской филологии, все силы и знания отдавая развитию языка и культуры родного народа. Учителя республики часто обращаются к ней за советом и методической помощью. Любители словесности охотно слушают ее яркие содержательные лекции по удмуртскому языку и литературе.

Кандидат филологических наук, проф. Р. И. Яшина – автор более ста научных книг и статей. Особо выделим монографию «Сравнительные конструкции в удмуртском языке» (1963), книги-пособия «Внеклассная работа по удмуртскому языку» (1978), «Степан Широбоков. Жизнь и творчество» (1972), «Очерки по стилистике удмуртского языка» (1990), сборник статей «Поэт, ученый, педагог: Даниил Яшин. Жизнь и творчество» (1994) и учебник по синтаксису удмуртского языка, написанный в соавторстве с А. В. Конюховой и выдержавший шесть изданий; а также в их соавторстве – учебник по морфологии удмуртского языка и научного синтаксиса («Синтаксис сложного предложения»), существенно расширив после П. Н. Перевощикова знания в этой области удмуртского языка. В литературоведении обратим внимание на ее глубокие статьи о первой удмуртской поэтессе («Лирическая героиня Ашальчи Оки» в сб. «Вопросы истории и поэтики удмуртской литературы и фольклора»), на исследования жанровых особенностей прозы Г. Красильникова («О формах повествования в рассказах Г. Красильникова» в сб. «Малые жанры прозы в литературах народов

Поволжья и Приуралья»), на выявление специфики языка и стиля Г. Е. Верещагина («О некоторых особенностях языка поэмы-сказки Г. Е. Верещагина «Батыр дйсь»» в сб. «Внутренние и межнациональные связи удмуртской литературы и фольклора»). При анализе литературных явлений Р. И. Яшина отталкивается от первоэлемента художественного текста — удмуртского языка.

Юбиляру свойственна активная жизненная позиция. Она была депутатом Индустриального райсовета г. Ижевска (двух созывов), руководила профсоюзной и партийной организациями, была президентом Всеудмуртской ассоциации «Удмурт кенеш», народным заседателем Верховного суда республики. И сегодня она активно участвует в работе по возрождению удмуртского народа.

Но особенно много Роза Ивановна Яшина работала и работает со студентами, заботясь не только об их глубоких знаниях, но и о нравственном их развитии. Профессор, заведующий кафедрой И. В. Тараканов верно подметил: «Розе Яшиной можно доверить любую работу. Всегда исполнит вовремя и качественно. И Даниил Яшин так работал».

Она мать двух хороших сыновей, помогает в воспитании четверых внуков. Старший сын, Александр Данилович, — доктор физико-математических наук, профессор, завкафедрой математики на факультете информатики в Московском институте педагогики и психологии. Младший сын — художник-оформитель.

Роза Ивановна Яшина родилась 1 января 1933 г. в д. Русский Зязьгор Кезского р-на, в крестьянской семье, два года спустя семья переехала в д. Аргурт (Ариково) Дебесского р-на, где и прошли детство и юность. Отец к тому времени окончил Учительский институт и начал преподавать в школе, позже стал ее директором.

Здесь Роза Ивановна успешно закончила семилетку и в 1947 г. поступила в Дебесское педучилище, которое окончила с отличием. В 1951 г. была направлена на учебу в УГПИ, на филологический факультет. Окончит его с отличием. В институте она активно участвовала в литературно-творческом кружке, которым тогда руководили будущие известные литераторы Евгений Самсонов и Даниил Яшин. Роза Ивановна пела в удмуртском хоре. В эти годы она близко познакомилась с Д. Яшиным и по окончании института вышла за него замуж. Переехала в Глазов, где он тогда работал, и 3 года работала в школе.

В 1959 г. удмуртское отделение переводят из Глазова в Ижевск, куда переезжает и семья Яшиных. Роза Ивановна поступает в аспирантуру, научный руководитель – доцент А. А. Поздеева. С 1962 г. преподает в вузе. Успешно защитила кандидатскую диссертацию (1965), и в 1970 г. ей было присвоено ученое звание доцента.

Ветеран педагогического труда, прекрасный методист, воспитатель и педагог, Р. И. Яшина требовательна к себе и другим. Ее занятия по удмуртскому языку высокопрофессиональны, несут в себе большой гражданский смысл, поиски истины, добра и справедливости. Мне приятно сознавать, что я в стенах УдГУ училась у нее 5 лет. Она была нашим куратором, «вывела» нашу группу в число передовых по результатам соцсоревнования. Благодаря сотрудничеству с ней я стала Ленинским стипендиатом (1971). Мы ее боялись и уважали одновременно. Она предъявляла большие требования и добивалась поставленных целей.

Воспитывала по принципу: «Поэтом можешь ты не быть – Но гражданином быть обязан».

Она продолжает «сеять разумное, доброе, вечное», обучает и воспитывает новые поколения студентов. С каким восторгом моя дочь Катерина отзывается о ее занятиях по современному удмуртскому языку на факультете журналистики! «Требовательна, смела, принципиальна», – говорят о ней студенты разных поколений. Рядом с таким человеком чувствуешь себя защищенным. Вот и приходят к ней за советом бывшие выпускники, учащиеся школ, активисты национального движения, студенты. И она готова всех выслушать, помочь каждому, сказать «нужное слово в нужное время», назвать вещи своими именами. Имея на все свое мнение, она способна дать резкую оценку зарвавшемуся чиновнику, выступить от имени своего народа, требуя демократических прав, реальной свободы малочисленному этносу в условиях демократизации в постсоветском пространстве. Будучи председателем ассоциации «Удмурт кенеш», она делала ряд радикальных заявлений в защиту удмуртского народа, формировала общественное мнение в масштабах финно-угорского сообщества. «Эмоциональный лидер удмуртского народа» – так можно охарактеризовать Р. И. Яшину как руководителя национального движения. К сожалению, после кончины Д. А. Яшина в 1988 г. рядом с ней нет человека, несущего рациональное начало. Личность крупная, значительная, Р. И. Яшина всегда способна на яркий поступок. Это натура импульсивная, эмоциональная, творческая.

Ее первые стихи и лирическая поэма публиковались в республиканской печати еще при Михаиле Петрове, который высоко оценил их за искренность выражения чувств. О поэме «Помнишь ли ты?» литературовед Ф. К. Ермаков позже напишет: «Поэма... является монологом безымянной лирической героини. Жизненная фабула довольно проста: герой дает слово девушке любить ее до конца жизни, а сам после учебы возвращается в деревню с красавицей женой. Вскоре жена уходит от него, оставив ему сына. Тогда он вспоминает свою первую любовь. Девушка тем временем получила образование и приехала в деревенскую школу учительницей. Он обращается к ней с запоздалым предложением. Героиня тяжело переживает измену друга, но не собирается мстить ему. Очевидно ее нравственное превосходство, душевное богатство...». Поэма, как и все творчество Р. Яшиной, покоряет естественностью интонаций, романтическим пафосом восприятия мира.

Ее стихи и поэма искренни, глубоко лиричны. Таковы – «Сибирский тракт», «Дорога в жизнь», «Люблю», «Не уставай удивляться» и др. Фольклорными интонациями навеяны триптих «Человек», «Колыбельная матери». Публицистичны по содержанию стихотворения «Жизнь продолжается», «Свобода придет», «Великому русскому народу». Своеобразие поэтического почерка удмуртских стихотворцев хорошо передано в цикле переводов классиков удмуртской литературы (Ашальчи Оки, М. Петрову, Ф. Васильеву, Д. Яшину, Л. Кутяновой), отражено в ее стихах-посвящениях.

В 1997 г. вышла книга Р. И. Яшиной «Улон азинске» («Жизнь продолжается»), включающая в себя стихи, рассказы и статьи. Эпизоды военного времени – это, очевидно, факты биографии самого автора и в то же время события

и характеры несут в себе обобщение. Тяготы и беды, перенесенные конкретной удмуртской семьей, характерны почти для всех. В рассказе «Три каравая» автор подчеркивает доброту, сердечность и взаимовыручку людей в условиях тяжелого испытания. Особенно колоритен образ матери, готовой на все ради спасения своих детей.

В последнее десятилетие Р. И. Яшина обратилась к переводам русской поэзии на удмуртский язык. Ей принадлежат переводы поэзии С. Есенина. Выполнены они мастерски, в них сочетается поэтическая образность оригинала и неповторимый колорит удмуртской речи. Вслед за Кузебаем Гердом, Н. Байтеряковым, Ф. Васильевым, С. Перевощиковым, занимавшимися переводом русской поэзии на удмуртский, она актуализирует интерес к творчеству Сергея Есенина в наши дни. В этих переводах его лирика психологична и внутренне драматизирована.

19 сентября 2002 г. состоялась презентация книги «Сергей Есенин», организованная Р. И. Яшиной в УдГУ. Впервые Есенин издан отдельной книгой в переводах на удмуртский язык.

По числу переводов его лирики на удмуртский пальма первенства принадлежит Р. И. Яшиной (около 400 стихотворений).

Она активно переводит также произведения А. С. Пушкина, Н. А. Некрасова и др. В 2010 г. опубликован переведенный ею роман в стихах «Евгений Онегин». Впервые издан полный текст романа на удмуртском языке.

Поступила в редакцию 27.12.2012

Измайлова-Зуева Анна Сергеевна,

доктор филологических наук, профессор, ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет» г. Ижевск

E-mail: rvkir@mail.ru

Izmaylova-Zueva Anna Sergeevna,

Doctor of Science (Philology), professor, **Udmurt State University** Izhevsk E-mail: rvkir@mail.ru ОТЗЫВЫ, ОБЗОРЫ

УДК 001.89(470.51)

М. Г. Иванова

УДМУРТСКИЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ УрО РАН В ГОД РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ: ОСНОВНЫЕ РАЗРАБОТКИ

Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения РАН (до 1991 г. УдНИИ при СМ УАССР) — учреждение науки, более 80-лет специализирующееся на изучении исторических, языковых и этнокультурных процессов в Камско-Вятском регионе, в очередной раз продемонстрировал способность чутко реагировать на вызовы времени, реализовав ряд инициативных и социально значимых проектов, включенных в план основных мероприятий по проведению празднования 1150-летия зарождения российской государственности, 200-летия победы России в Отечественной войне 1812 года и Года оружейной славы Удмуртии.

Так, по Соглашению с Министерством образования и науки УР подготовлена к печати и опубликована коллективная монография «Удмуртская Республика: историко-этнографические очерки» [7]. Впервые в региональной историографии была представлена панорама исторического и культурного развития народов Удмуртии — удмуртов, русских, татар, бесермян, марийцев, чувашей и кряшен, сохранивших самобытность культур, способность к трансляции традиций как основы этнической идентичности и базового элемента регионального сознания.

Своеобразным дополнением коллективной монографии стала электронная информационная база и интерактивная карта «Удмуртия: историко-культурное наследие», также подготовленная по заказу Правительства УР. На электронном ресурсе сосредоточены научно-популярные материалы об особенностях истории и культуры основных народов, компактно живущих на территории Удмуртии. В информационной структуре издания представлены сведения о памятниках археологии и архитектуры, музеях республики. Тексты статей проиллюстрированы картами, архивными и современными фотографиями, таблицами и аудиозаписями.

Совместно с Комитетом по делам архивов при Правительстве УР и ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет» проведена Всероссийская научная конференция «Региональная история, локальная история, историческое краеведение в предметных полях современного исторического знания», на которой

выступили 64 докладчика из 22 городов страны [4]. Главная задача научного форума состояла в том, чтобы объединить интеллектуальные усилия в получении исторического знания об отдельном месте, локусе, крае, регионе, понять его значение в обществе в условиях социально-политических, экономических, методологических изменений.

В работе Региональной научно-практической конференции, посвященной 200-летию победы России в Отечественной войне 1812 г. и Году оружейной славы Удмуртии, приняли участие ученые, преподаватели вузов, аспиранты, студенты, учащиеся учреждений СПО и НПО, учителя школ городов и районов республики, представители общественных организаций, заинтересованных министерств и ведомств Удмуртской Республики [3].

Комплексный характер ведущихся в УИИЯЛ УрО РАН исследований способствует участию его сотрудников в реализации крупных российских и международных научных проектов, включению в состав экспертно-консультативных групп, и взаимодействию с органами власти различного уровня. В текущем году в Институте выполнялось 2 проекта по программам Президиума РАН, 5 – по конкурсным программам Президиума УрО РАН, 5 проектов по грантам РГНФ, 2 проекта РФФИ.

Итогом многолетней собирательской, составительской и редакторской работы стала публикация энциклопедии «Удмуртская Республика: культура и искусство», изданной при поддержке Республиканской целевой программы «Культура Удмуртии» (2010–2014 гг.) [8]. В энциклопедии систематизированы материалы по истории, теории, современному состоянию культуры и искусства республики, а также сведения о деятелях культуры и искусства, учреждениях и руководителях отрасли, видных деятелях культуры Удмуртии и России, ближнего и дальнего зарубежья, внесших значительный вклад в культурный процесс и подготовку кадров.

На протяжении ряда лет при финансовой поддержке Фонда Форда по договору с Творческой некоммерческой организацией «Кама рекордз» выполнялся проект «Новая песня древней земли. Аутентичная география». Итогом проекта стали 4 выпуска Альманаха, посвященного этнотерриториальным группам удмуртов и CD с записями традиционной песенной и инструментальной культуры. В 2012 г. издан выпуск, посвященный культуре, традициям и быту завятских удмуртов, живущих в республиках Татарстан и Марий Эл.

Всего в 2012 г. УИИЯЛ УрО РАН выпущено 24 издания, среди которых 7 монографий, 6 сборников статей, 3 учебно-методических пособия для работников образования и культуры, 3 научно-справочных издания, готовые к использованию в социальной практике.

Инновационный характер имеют ведущиеся в УИИЯЛ УрО РАН работы по дигитализации фольклорных материалов с применением современных технологий по принципам и стандартам, рекомендуемым Техническим комитетом Международной ассоциации звуковых и аудиовизуальных архивов (IASA) под эгидой ЮНЕСКО. Созданная при поддержке гранта EAP – 347 «Sound Archive of the Udmurt Institute for History, Language and Literature of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences» (Фонограммархив Удмуртского института истории,

языка и литературы УрО РАН), лаборатория была снабжена специальным современным оборудованием, включая мощную рабочую станцию с соответствующим программным обеспечением, сетевое хранилище на 12 Тб памяти, 6 внешних блоков памяти (HDD) на 1 Тб каждая, коммутатор для интернет-сети, сканер, ноутбук для ввода данных, профессиональные диктофоны. В рамках реализации вышеуказанного гранта и проекта молодых ученых и аспирантов УрО РАН оцифровано около 52 час. звучания, всего архив содержит свыше 400 час. записей.

В истекшем году углублялись партнерские связи с академическими и отраслевыми институтами. Наиболее выразительные результаты были получены в ходе работы над интеграционными и междисциплинарными проектами, выполняемыми в Уральском отделении РАН: «Этнополитические процессы и межэтнические отношения в Урало-Поволжском регионе Российской Федерации» совместно с Институтом философии и права УрО РАН (рук. от УИИЯЛ УрО РАН д.и.н. А. Е. Загребин) и «Литературные стратегии и индивидуально-художественные практики пермских литератур в общероссийском социокультурном контексте XIX – первой трети XX вв.» совместно с Институтом истории и археологии УрО РАН и Институтом языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН (рук. от УИИЯЛ УрО РАН д.ф.н. В. М. Ванюшев). Продолжены междисциплинарные исследования средневековых памятников бассейна р. Чепцы совместно с Физико-техническим институтом УрО РАН, в рамках деятельности научноинновационного центра «Естественнонаучные методы в археологии». Заключен трехсторонний договор о сотрудничестве с ГКУ «Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия», ФГБУН Институт языка и литературы Коми НЦ УрО РАН, ФГБУН УИИЯЛ УрО РАН о сотрудничестве сторон с целью организации и проведения фундаментальных исследований по важнейшим проблемам общественно-гуманитарных наук, направленных на получение новых знаний в области финно-угроведения.

Совместно с Институтом этнологии и антропологии РАН (на средства государственной поддержки, выделенные Институтом общественного проектирования в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 02 марта 2011 г. № 127-рп.) проведен социологический опрос по теме «Перспективы занятости и решение проблем безработицы в регионах РФ», по результатам подготовлены отчет и рекомендации для органов государственной власти.

При поддержке Министерства национальной политики УР проведена XII Всероссийская научно-практическая конференция «Сельская Россия: прошлое и настоящее», организованная совместно с Институтом российской истории РАН, Всероссийским институтом аграрных проблем и информатики им. А. А. Никонова РАСХН, Всероссийским научным и культурно-просветительским обществом «Энциклопедия российских деревень» и Управлением культуры МО «Игринский район» 10–14 августа 2012 г. на базе д. Сеп Игринского района Удмуртской Республики [5]. В работе конференции приняли участие более 130 человек из академических и вузовских центров России, обсудивших широкий круг проблем, связанных с историей развития российской деревни, материальной и духовной культурой полиэтничного сельского сообщества.

В истекшем году коллективом УИИЯЛ УрО РАН проведено 13 конференций, среди которых 8 всероссийских, 1 региональная, 2 республиканских, межрегиональный семинар, круглый стол. Сотрудники приняли участие в работе 52 конференций разного уровня, директор института – А. Е. Загребин выступил с научным докладом «История и историки в России: диалоги с прошлым и настоящим» на Общем собрании Уральского отделения РАН. На международных и всероссийских научных конференциях прочитано 15 пленарных докладов, что свидетельствует о зрелости коллектива и востребованности сотрудников в научном сообществе.

Научно-исследовательская и научно-организационная деятельность УИИЯЛ УрО РАН осуществляется во взаимодействии с учреждениями науки и образования. Наиболее тесное сотрудничество осуществляется с ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет» в рамках договора № 728 от 11.01.2011 г. о реализации совместных фундаментальных и прикладных исследований, организацию научных мероприятий.

Активно функционируют два университетско-академических научно-образовательных центра. В русле деятельности «Финно-угорского НОЦ гуманитарных технологий» издается научный журнал «Ежегодник финно-угорских исследований», проведены Всероссийская научная конференция «Региональная история, локальная история, историческое краеведение в предметных полях современного исторического знания» и Научно-практическая конференция «Костюм народов Урало-Поволжья как материальное и духовное наследие».

В рамках НОЦ «Центр социальной политики» проводятся научно-практические семинары по актуальным вопросам обществознания. В 2012 г. издано научно-методическое пособие «Актуальные проблемы безопасности регионального социума», включающее результаты исследований 2009–2011 гг., материалы круглого стола по проблемам конфессионального фактора в образовании, научные публикации по вопросам региональной безопасности, гражданско-патриотического воспитания, официальные документы [1]. Проведен Межрегиональный семинар Клуба уральских политологов, на котором заслушаны доклады об особенностях электоральной активности населения в регионах РФ на протяжении 2011-2012 гг., формирования и развития региональных элит, выборных процессах и технологиях. В семинаре приняли участие научные сотрудники академических учреждений УрО РАН, преподаватели высших учебных заведений УР, сотрудники Администрации Президента и Правительства УР.

Более половины списочного состава сотрудников ведет преподавательскую работу в Удмуртском государственном университете, Ижевском государственном техническом университете, Глазовском государственном педагогическом институте, Камском институте гуманитарных и инженерных технологий. Созданная в Удмуртском государственном университете базовая академическая кафедра этнологии и регионоведения в 2012 г. преобразована в кафедру этнологии и истории Удмуртии.

С 1994 г. в институте работает аспирантура по пяти специальностям: этнография, этнология и антропология; археология; отечественная история; фольклористика; литературоведение. В 2012 г. в аспирантуре обучалось 17 человек. С открытием аспирантуры по фольклористике сложилась научная школа

д.ф.н. Т. Г. Владыкиной, в деятельности которой в настоящее время участвует 14 человек, в том числе 10 – до 35 лет, двое из них в 2012 г. успешно защитили диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук (Т. И. Панина и Т. В. Окунева).

С каждым годом все более выразительными становятся результаты работы молодых ученых, которые составляют более трети списочного состава научных сотрудников. К примеру, авторами половины изданных в текущем году монографий являются недавние аспиранты.

В монографии к.ф.н. А. А. Арзамазова «То be or not to be: структурно-семантические вариации инфинитива (-ны) в удмуртской поэзии» впервые в литературоведении осуществлено лингвопоэтическое исследование удмуртской лирики в аспекте одной языковой детали (инфинитива), характеризующего важнейшие черты авторского идиостиля [2]. В ходе анализа широкого корпуса поэтических текстов (1910–2010 гг.) выявлены ключевые структурно-семантические вариации инфинитива, инфинитивного письма в языке удмуртской поэзии, отражены виды грамматических и смысловых трансформаций художественного мышления в эпоху соцреализма и на современном этапе развития национальной литературы.

В монографии к.и.н. Е. А. Чураковой «Этноконфессиональные отношения в Удмуртии на рубеже XX–XXI вв.» на оригинальных полевых материалах автора представлены особенности проявления этноконфессионального фактора в жизни населения Удмуртской Республики. Проанализирована деятельность ведущих религиозных и национально-культурных организаций, показано взаимопроникновение этнического и религиозного начал в общественном сознании [9].

В монографии к.ф.н. А. А. Шибанова «Наречия в удмуртском языке» впервые в истории удмуртской морфологии определено место наречий в системе частей речи удмуртского языка, сделана попытка отграничения от них звукоподражательных и наречно-изобразительных слов [10]. Особое внимание уделено рассмотрению образования наречий и проблеме недифференцированных слов удмуртского языка. Привлечение сравнительного материала из родственных и неродственных языков позволило проследить общие и отличительные особенности удмуртских наречий, выявить закономерности в лексическом использовании, в морфологическом оформлении и в синтаксическом употреблении.

Примечательно, что две монографии на конкурсной основе получили финансовую поддержку Президиума Уральского отделения РАН. Всего молодыми сотрудниками в 2011–2012 гг. выиграно 10 конкурсов, в том числе 2 молодежных проекта РГНФ, 4 исследовательских проекта молодых ученых, 2 тревэл-гранта Президиума УрО РАН. Молодые ученые, показавшие наилучшие результаты научной деятельности, отмечены благодарственными письмами и награждены грамотами министерств и ведомств Удмуртской Республики.

Самым позитивным образом на имидже института сказалась «вписанность» трудов удмуртских историков и филологов в финно-угорский научный и культурный контекст. Практически все направления научной деятельности разрабатываются в содружестве с учеными финно-угорских центров России, Эстонии, Венгрии, Финляндии, развиваются контакты с соответствующими кафедрами университетов Швеции, Германии и Нидерландов. Наработан позитивный опыт

совместных экспедиций, подготовки и издания коллективных трудов, стажировки молодых ученых в научных и музейных центрах.

В 2012 г. в Будапеште на венгерском, удмуртском и русском языках в серии «Эпос народов мира» выпущена книга «Dorvizsi», подготовленная на основе одноименного издания на удмуртском и русском языках, текстологически обработанного рукописного труда русского ученого и поэта М. Г. Худякова «Из народного эпоса вотяков «Песни, сказания», а также вольного перевода и научно осмысленного в предисловии и комментариях В. М. Ванюшевым. Издание вслед за публикацией «Дорвыжы» в 2009 г. на финском языке открывает доступ к удмуртскому литературному эпосу широкому кругу читателей, особенно студентам, изучающим культуру финно-угорских народов [11].

Как и в прежние годы, сотрудники разрабатывали аналитические записки для органов власти и различных организаций, в качестве экспертов и консультантов участвовали в работе Научного совета Комитета по делам архивов при Правительстве УР, Общественно-консультативного совета при УФМС России по УР, экспертных советов Министерства национальной политики УР и Министерства образования и науки УР, при Управлении Министерства юстиции Российской Федерации по УР, Республиканской термино-орфографической комиссии при Государственном Совете УР, регионального отделения Российского общества историков-архивистов, Президиума Удмуртского регионального отделения ВООПИиК, Ученых советов учреждений культуры, Правления Союза писателей УР. Необходимо отметить, что А. Е. Загребину поступило предложение войтив состав комиссии по вопросам образования и исторического просвещения Совета по межнациональным отношениям при Президенте Российской Федерации, в состав комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России в ПФО.

Приятно, что успешная деятельность сотрудников отмечена правительственными и ведомственными наградами: Василий Михайлович Ванюшев за достигнутые успехи и многолетнюю деятельность награжден орденом Дружбы, Кузьме Ивановичу Куликову, присвоено звание «Почетный ветеран Уральского отделения Российской академии наук», Алексей Егорович Загребин удостоен почетного звания «Заслуженный деятель науки Удмуртской Республики».

УИИЯЛ УрО РАН располагает серьезным потенциалом для дальнейшего развития, в перспективе наряду с проверенными временем направлениями планируется усиление группы исследователей по изучению этнополитических процессов и межэтнических отношений в Урало-Поволжском регионе, расширение работы научно-образовательных центров, созданными совместно с вузами региона.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1. Актуальные проблемы безопасности регионального социума: Научно-методическое пособие / Под ред. В. С. Воронцова, А. Е. Загребина, М. Ю. Малышева, Д. А. Черниенко. Ижевск: Издательство «Удмуртский университет», 2012. 236 с.
- 2. *Арзамазов А. А.* То be or not to be: структурно-семантические вариации инфинитива (*-ны*) в удмуртской поэзии. Ижевск: Издательство «Удмуртский университет», 2012. 260 с.

- 3. «На службе отечеству»: материалы Региональной научно-практической конференции, посвященной 200-летию победы России в Отечественной войне 1812 года и Году оружейной славы Удмуртии (Ижевск, 12 сентября 2012 г.) / Под общ. ред. А. Е. Загребина: УИИЯЛ УрО РАН. Ижевск, 2012. 212 с.
- 4. «Региональная история, локальная история, историческое краеведение в предметных полях современного исторического знания»: сб. ст. / сост., ред. А. Е. Загребин, О. М. Мельникова. Ижевск: Издательство «Удмуртский университет», 2012. 622 с.
- 5. Сельская Россия: прошлое и настоящее: Материалы XIII Всероссийской научно-практической конференции (Удмуртская Республика, д. Сеп, 10–14 августа 2012 г.). Москва: Энциклопедия российских деревень, 2012. 335 с.
- 6. Удмуртия: историко-культурное наследие [Электронный ресурс]. Электронная информационная база и интерактивная карта / Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук. Ижевск: [Б. м.], 2012. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). № гос. регистрации № 0321204053.
- 7. Удмуртская Республика: историко-этнографические очерки / УИИЯЛ УрО РАН; науч. ред. А. Е. Загребин. Ижевск, 2012. 288 с.
- 8. Удмуртская Республика: культура и искусство. Энциклопедия / Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН; Министерство культуры, печати и информации УР; Национальный центр декоративно-прикладного искусства и ремесел УР; гл. ред. А. Е. Загребин; сост. Е. П. Никонова, А. П. Сидорова. Ижевск, 2012. 540 с.
- 9. *Чуракова Е. А.* Этноконфессиональные отношения в Удмуртии на рубеже XX—XXI вв. Екатеринбург-Ижевск: УрО РАН. 216 с.
- 10. *Шибанов А. А.* Наречия в удмуртском языке. Екатеринбург-Ижевск: УрО РАН. 192 с.
- 11. Dorvizsi: Enekazudmurt Hosokrol=Дорвыжы: удмурт батырлыко эпос=Михаил Худяков. Песнь об удмуртских батырах / сост. и пер. на венгерский яз. DyekissVirag и Родионова Елена; консульт. В. М. Ванюшев. Budapest: Europa Folklor Intezet L. Harmattan Kiado, 2012. 242 с.

Поступила в редакцию 27.12.2012

Иванова Маргарита Григорьевна,

доктор исторических наук, профессор, Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения РАН г. Ижевск

E-mail: margrig45@mail.ru

Ivanova Margarita Grigorievna,

Doctor of Science (History), professor, Udmurt institute of history, language and literature Ural branch of the Russian Academy of Science Izhevsk

E-mail: margrig45@mail.ru

РЕЦЕНЗИИ

УДК 82.511.13-95

А. Н. Ракин

РЕЦ. НА: РЯБИНА Е. С. ОСНОВНЫЕ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ В ПЕРМСКИХ ЯЗЫКАХ. ТАРТУ, 2011. 254 С.

7 ноября 2011 г. на заседании диссертационного совета по присуждению ученой степени доктора философии в Тартуском университете состоялась защита диссертации Елены Семеновны Рябиной «Основные цветообозначения в пермских языках». Официальными оппонентами на защите выступили доктор филологических наук А. Н. Ракин (Сыктывкар), доктор философии Вилья Ойя (Таллинн). Работа выполнена на кафедре финно-угорского языкознания Института эстонского и общего языкознания Тартуского университета под руководством профессора Урмаса Сутропа.

Всю совокупность слов и словосочетаний любого естественного языка, предназначенных для выражения цветоощущений человека, называют обычно системой названий-цветообозначений. Особенность данной системы, отличающая ее от других лексико-тематических групп словарного состава, заключается не только в лингвистическом содержании, но и в том, что объект номинации является феноменом психо-физическим – в природе существуют только световые волны, а цвет есть порождение глаза и мозга. В соответствии с денотативными признаками в составе цветовой номенклатуры различаются основные имена цветов и неосновные. Установлено, что набор основных имен цвета для разных языков может быть различным, так как не все основные цвета могут иметь специальные обозначения. В разных языках количество основных обозначений варьирует в пределах 12 единиц. Как правило, входящие в данную группу названия принадлежат исконному фонду словарного состава. К неосновным цветообозначениям относятся оттеночные названия, обозначающие денотативный признак по яркости и насыщенности цвета. В количественном отношении эта группа названий обычно значительно превосходит первую.

Диссертационная работа Е. С. Рябиной представляет собой исследование основных цветообозначений в двух современных пермских языках – удмуртском и коми-зырянском.

Следует отметить, что оно не является первым опытом в данной области. В 90-е гг. прошлого столетия тема цветообозначений рассматривалась в пяти лингвистических работах. Три из них посвящены удмуртскому языку. В 1988 г. в Хельсинки в материалах международной студенческой конференции вышла статья Жужанны Шаланки на финском языке «Названия цветов в удмуртском языке». К 1996 г. этот же автор подготовила на венгерском языке диссертацию «Удмуртские названия цветов». В 1990 г. в Ижевске в сборнике «Вопросы диалектологии и лексикологии удмуртского языка» И. В. Тараканов опубликовал свою статью «Термины цветообозначения в удмуртском языке в сравнении с коми, марийским и мордовскими языками». В 1987 г. состоялась XVII Всесоюзная научная конференция финно-уговедов в г. Устинове. В материалах конференции опубликованы тезисы А. Н. Ракина «Лексика цветообозначения в пермских языках». Под этим же названием текст доклада появился в 1990 г. в Трудах Тартуского университета по финно-угроведению. И в тезисах, и в статье лексика цветообозначения трех родственных языков (коми-зырянского, комипермяцкого и удмуртского) рассматривается как единая система.

Фактический материал, легший в основу диссертации Е. Рябиной, собран лично автором в полевых условиях. Работы по выявлению удмуртских цветообозначений проводились ею в 2007–2008 гг. как на территории Удмуртии, так и в местах проживания удмуртов в Татарстане, Башкортостане, в Пермском крае. В результате опроса 125 удмуртских информантов диссертантке удалось зафиксировать 10037 цветообозначений. Сбор коми-зырянского материала осуществлялся в 2008–2009 гг. среди представителей коренного населения Корткеросского, Койгородского, Сысольского, Усть-Куломского, Усть-Вымского и Ижемского р-нов Республики Коми, а также у двух докторантов, обучающихся в Тартуском университете. В ходе проведенных экспериментов по коми языку было получено 3733 цветообозначения. Надо полагать, что в этих целях автором были использованы и имеющиеся лексикографические источники по обоим исследуемым языкам. Таким образом, рецензируемая диссертация имеет солидную материальную базу, достоверность которой не вызывает никаких сомнений.

В качестве главных целей в диссертации ставятся следующие: 1. Установление основных цветообозначений в удмуртском и коми-зырянском языках. 2. Сравнение фокусов основных цветообозначений в удмуртском, коми-зырянском и русском. 3. Сравнение словарного запаса цветообозначений у удмуртов в гендерном и возрастном аспектах.

Структура диссертации соответствует основным целям и задачам. Работа объемом 254 страницы состоит из Введения и 9 глав. Кроме основной части в диссертации содержатся резюме на эстонском языке и 12 приложений.

В очень кратком Введении, занимающем всего полторы страницы, сообщается, что в своем исследовании автор придерживается теории цветовых универсалий, разработанной американскими учеными Брентом Берлином и Паулем Кеем, изложенной в их монографии

«Основные цветовые термины: их всеобщность и развитие». Перечисляются фамилии отечественных ученых (А. Н. Ракин, И. В. Тараканов), которыми были предприняты, независимо друг от друга, первые попытки разработки данной

темы, и одной зарубежной исследовательницы (Ж. Шаланки). Утверждается, что изучение лексики цветообозначения удмуртского и коми-зырянского языков представляет собой особый интерес, поскольку в цветовой системе обоих языков обнаруживаются своеобразные черты, к которым автор относит существование в удмуртском языке двух терминов для синей зоны спектра (лыз 'синий', часыр 'голубой'), а в коми-зырянском языке — недифференцированность значений слов веж, виж 'зеленый, желтый'. Ставятся главные цели исследования, говорится о содержании всех девяти глав основной части диссертации. Называется методика и программа, с помощью которых осуществляются статистический анализ и подсчеты данных, полученных в результате опроса информантов. Отмечается, что все рассматриваемые примеры, в том числе и диалектные, за исключением нескольких слов, даются в орфографии современных литературных языков.

Первая глава «Пермские языки» (С. 4–14) состоит из небольшой вступительной части и 4 разделов. В соответствующих разделах дается характеристика удмуртского (1.1), коми-зырянского (1.2) языков, говорится о происхождении лексики пермских языков (1.3) и об истории изучения их цветообозначений (1.4).

В составе разделов первой главы наиболее ценным является последний, так как его содержание имеет непосредственное отношение к предмету исследования. Как правило, информация об истории изучения вопроса располагается не в основной части диссертации, а дается в предисловии или во Введении. Нам представляется, что более уместным было бы поступить таким же образом и автору данной диссертации. Информация, содержащаяся в остальных разделах главы, является общеизвестной, в ней нет ничего нового. Как показывает изложение, эти сведения почерпнуты автором из учебной литературы и различных источников справочного характера. Поэтому их отсутствие ни в коей мере не сказалось бы отрицательно ни на объеме, ни на содержании текста диссертации.

Вторая глава «Теория основных цветообозначений» (С. 14–29) состоит из 5 разделов. Она посвящена теоретическим вопросам исследуемой темы. Как свидетельствует содержащийся в главе материал, основоположниками теории основных цветообозначений являются американские ученые Брент Берлин и Пауль Кей. В результате изучения самых разных языков земного шара им удалось установить минимальное и максимальное количество основных цветообозначений. К языкам полного набора основных цветообозначений относится русский язык, в котором основными являются 12 названий: черный, белый, красный, зеленый, желтый, голубой, синий, коричневый, фиолетовый, розовый, оранжевый, серый. Одним из важных моментов данной теории является положение о том, что пополнение и совершенствование цветовой номенклатуры любого языка происходит не произвольно, а в строгой последовательности, в соответствии с определенными стадиями развития. Всего существует 7 стадий. Дальнейшее развитие теория получила в работах последователей Берлина и Кея. Особенно ценным следует признать выработку критериев выделения основных цветообозначений, состоящих из 4 основных и 4 дополнительных. Используя эти критерии, можно определить состав и количество основных наименований цветов в любом языке. Глава завершается разделом (2.5), в котором рассматривается возникновение русских слов синий и голубой, являющихся двумя основными

обозначениями одной и той же зоны цветового спектра, что не характерно для большинства других языков.

Третья глава «Методы исследования» (с. 29–35) содержит в основном сведения технологического порядка. В первом разделе главы описываются методы выявления основных цветообозначений у носителей того или иного языка, разработанные предшественниками диссертантки. Суть этих методов заключается в проведении эксперимента в два этапа: перечисление информантами наименований цветов и называние цветообразцов. Далее излагается процедура применения этих методов самим автором диссертации в практике выявления материала по удмуртскому и коми-зырянскому языкам.

Во втором разделе главы дается характеристика информантов, с которыми пришлось непосредственно работать Е. С. Рябиной в процессе сбора фактического материала. Информация о людях, участвовавших в опросе, включает в себя сведения о половой принадлежности, о возрасте, о месте проживания, о степени владения родным и русским языком и т.д. Все приводимые в разделе данные об информантах располагаются раздельно: сначала — об удмуртах, затем — о комизырянах. Всего в опросе было задействовано 125 удмуртов и 51 коми-зырянин. Почему именно такое несоразмерное количество опрашиваемых по языкам получилось, в диссертации не поясняется. Наше замечание относительно данного раздела сводится также к тому, что его расположение было бы более подходящим опять же для Введения, а не для основной части.

В четвертой (С. 35–58) и пятой (С. 58–69) главах диссертации подробно изложены результаты проведенных экспериментальных исследований в ареалах распространения обоих пермских языков. Как подчеркивает автор, обследование проводилось с учетом диалектных различий. В соответствии с этим отдельно анализируется материал, относящийся к трем локальным вариантам удмуртского языка: южному, северному и закамскому. Коми-зырянский язык представлен материалами присыктывкарского, верхневычегодского, среднесысольского и верхнесысольского диалектов. Как и в других главах, доказательность и наглядность изложения достигается не только благодаря достаточному количеству фактических примеров, но и ввиду довольно большого числа таблиц. Обе главы завершаются соответствующими выводами. По утверждению автора, общими для всех удмуртских диалектов являются 7 основных цветообозначений: горд 'красный', вож 'зеленый', лыз 'синий', чуж 'желтый', сьёд 'черный', тодьы 'белый', пурысь 'серый'. В северном наречии удмуртского языка 8 основных цветообозначений, здесь общий показатель превышен благодаря наличию названия чагыр 'голубой', отсутствующего в других ареалах. В центрально-южном диалекте количество основных цветообозначений доходит до десяти, дополнительными названиями являются курень 'коричневый', лемлет 'розовый', нап-чуж 'оранжевый'. По мнению диссертантки, для получения более объективной картины есть необходимость изучения цветовой номенклатуры в периферийно-южном диалекте у каждого говора отдельно и повторного проведения эксперимента у северного наречия. Согласно выводам о коми языке, в нем имеется 7 основных цветообозначений: горд 'красный', лоз 'синий', сьод 'черный', еджыд 'белый', турунвиж 'зеленый', кольквиж

'желтый', *руд* 'серый'. Для обозначения оранжевого, розового и фиолетового основные термины отсутствуют.

В 6 главе «Различия фокусов основных цветообозначений в удмуртском, коми и русском» (С. 69–82) рассматривается расположение в спектре цветообозначений трех языков, один из которых не является родственным. Сравнение именно этих языков, как пишет диссертантка, объясняется тем, что между ними в течение многих веков были ареальные контакты, а также тем обстоятельством, что основная масса коми и удмуртов двуязычны и владеют не только родным, но также и русским языком. Основные термины, которыми оперирует исследовательница: фокус основных цветообозначений, фокальная точка, прототип или лучший образец. Как разъясняется в тексте, фокальные точки — это области цветового спектра, наиболее соответствующие основным цветообозначениям в каждом языке. В своей работе Е. С. Рябина опирается на принципы сравнения фокусов основных цветообозначений, разработанных М. Уускюла путем сопоставительного исследования финно-угорских (эстонского, венгерского, финского) и индоевропейских (английского, русского) языков.

Основной целью, которую ставит перед собой автор рецензируемой диссертации в данной главе, является выяснение, имеются ли в дистрибуции основных цветообозначений совпадения между родственными языками и могут ли быть сходства между неродственными языками. Главный вывод, к которому приходит автор, заключается в том, что расположение фокусов основных цветов в спектре своеобразно в каждом языке. Кроме того, в пределах одного и того же языка в фокусах отдельных цветовых категорий могут быт междиалектные различия.

В 7 главе «История цветообозначения пермских языков» (с. 82–96) основную ее часть предваряет раздел о принципах реконструкции системы цветообозначений, где говорится об общих положениях по данной проблеме, в том числе — об опыте диахронической реконструкции терминов эстонского зыка. Указывается, что классификация цветообозначений проводится с учетом этимологий, содержащихся в этимологических словарях пермских и уральских языков, а также в соответствующих публикациях И. В. Тараканова и А. Н. Ракина.

В процессе развития лексики цветообозначения пермских языков диссертантка выделяет два этапа: ранний и поздний.

Ранние этапы соответствует допермскому и общепермскому периодам. К раннему этапу приурочивается происхождение названий: 1) белого цвета, 2) черного цвета, 3) красного цвета, 4) желтого и зеленого цветов, 5) синего цвета.

Поздние этапы возникновения цветообозначений соответствует периоду самостоятельного существования пермских языков. К данной категории названий приурочиваются следующие цветообозначения: 1) желтого и зеленого в коми-зырянском языке, 2) коричневого цвета, 3) розового цвета, 4) серого цвета, 5) оранжевого цвета, 6) фиолетового цвета, 7) голубого цвета в удмуртском языке.

В завершающем разделе главы предпринимается попытка объяснить причины различий в области цветовой номенклатуры пермских языков на современном этапе. Как утверждается в диссертации, в южном диалекте удмуртского языка, находящегося на последней, седьмой, стадии развития, имеется наиболее полный набор основных цветообозначений в количестве 10 названий. Цветовая

лексика коми языка, имея 7 обозначений, находится на 5-й стадии развития. Согласно диссертантке, такое явление якобы легко объяснимо и соответствует общим закономерностям формирования и развития системы цветообозначений, в соответствии с которыми количество основных терминов находится в прямой зависимости от уровня цивилизованности общества, а также от языковых и культурных контактов с соседними народами. У тех народов, что живут изолированно, цветовая терминология находится на более низких стадиях развития.

В 8 главе рассматриваются (С. 96–111) способы образования цветообозначений, относящихся к неосновным названиям. В пермских языках существуют 2 способа образования производных цветообозначений: морфологический и использование названия какого-либо предмета для номинации оттенка цвета. К морфологическому способу относятся суффиксация и словосложение.

В составе суффиксальных образований выделяются суффиксы: в удмуртском языке — -алэс, -мыт, -пыр; в коми зырянском языке — -ов, -оват. Как правило, названия данной структуры обозначают цвет по признаку насыщенности: лызалэс 'синеватый', гордмыт 'красноватый', вожпыр 'зеленоватый', рудов 'сероватый', вижоват 'желтоватый'. В диссертации приводятся мнения исследователей пермских языков о происхождении этих суффиксов.

Словосложение используется для образования названий, выражающих смешанные оттенки и светлоту тона. Смешанные оттенки цвета обозначаются путем сочетания двух цветообозначений: удм. лыз-вож 'синий-зеленый', кз. гöрдвиж 'красный-желтый'. Приводятся примеры, свидетельствующие, что словосложение может сопровождаться суффиксацией: удм. вожалэс-курень 'зеленоватокоричневый', кз. лöзоввиж 'синевато-зеленый'.

Для выражения светлоты/темноты тона используются препозитивные компоненты: удм. югыт, кз. югыд 'светлый', удм. пеймыт, кз. пемыд 'темный' и некоторые другие прилагательные (удм. югыт-вож 'светло-зеленый', пеймыт-лыз 'темно-синий'). Как пишет диссертантка, с целью выражения высокой степени проявления оттенка светлого или темного тона препозитивы удваиваются (удм. юг-юг-лемлет 'светло-пресветло-розовый', пеймыт-пеймыт-вож 'темно-претемно-зеленый).

Названия, выражающие интенсивность цветового тона, образуются тремя способами: использованием препозитивов, редубликацией цветообозначения или препозитива, употреблением синтаксических конструкций.

В разделе, посвященном образованию оттеночных обозначений путем использования названий тех или иных предметов, утверждается, что такие наименования не всегда имеют форму прилагательного, то есть в таком качестве употребляются без какой-либо трансформации; например удм. йöл 'молочный (цвет)' (<йöл 'молоко'), кз. мырпом 'морошковый (цвет)' (<мырпом 'морошка'). Употребление подобного рода коми-зырянских слов в функции цветообозначений в словарях не зафиксировано, в своей исследовательской практике мы тоже не наблюдали, поэтому их существование в таком качестве вызывает большие сомнения. Возможно, они являются окказионализмами или же ошибками в речи людей, плохо владеющих коми языком. Что касается названий типа кз. льöм рöма 'цвета черемухи', пöжöм йöв рöма 'цвета топленого молока', в составе которых

присутствие компонента *рома* по нормам коми языка является обязательным, такого рода сочетания действительно имеют место и довольно употребительны.

Наличие большого количества слов данной категории, используемых в качестве цветообозначений, дало возможность диссертантке распределить их по тематическим группам.

Всего автор выделяет 7 групп, например: неживая природа, флора, фауна, продукты питания и т.д. В целях наглядности эти группы представлены также в виде 7 таблиц. Нелогичным следует признать причисление анатомического названия *кровь* к группе фауна и выделение в отдельную группу, относящихся к группе флора, плодов, ягод, овощей.

Поскольку содержание данной главы полностью относится к неосновным обозначениям цветов, она не соответствует названию диссертации. Оправданность наличия в тексте диссертации этой главы в таком виде могла быть лишь в том случае, если бы диссертация называлась «Основные и неосновные цветообозначения в пермских языках».

Глава 9 «Словарный запас цветообозначений у удмуртов: гендерные и возрастные особенности» полностью посвящена удмуртским цветообозначениям. Автором диссертации здесь решается задача определения уровня знаний в области цветовой терминологии в зависимости от социальной роли мужчин и женщин в обществе и от их возрастных особенностей. В результате проведенного исследования в данном аспекте, делается заключение, что профессия информанта у женщин незначительно влияет на знание цветовых терминов. Что касается мужчин, то здесь исключение составляют специалисты с филологическим и художественным образованием, обладающие высоким уровнем информации в данной области знаний. Женщины старшего поколения по сравнению с представителями других возрастов также знают больше цветообозначений. Самый скудный словарный запас диссертантка выявила у молодого женского поколения, что, по ее мнению, свидетельствует не только об их неосведомленности в этой сфере лексики, но и о недостаточном уровне владения родным языком.

Выводы в заключительной части работы убедительны, они отражают суть проблем, рассмотренных в основных разделах исследования.

Большую ценность представляет приложение к диссертации в виде 8 таблиц: 6 из них относятся к удмуртскому языку, 2 – к коми-зырянскому. С помощью таблиц повышается степень наглядности экспериментальной основы исследования.

Объемная работа Е. С. Рябиной в целом производит хорошее впечатление. Она выполнена на высоком научном уровне. В качестве положительного момента надо отметить также то, что по теме диссертации автором издана одноименная монография (262 с.), опубликованы научные статьи. По результатам исследования сделано несколько докладов на конференциях различного уровня.

Однако наряду с достоинствами следует отметить и имеющиеся в диссертации недостатки. Замечания относительно структуры были высказаны нами в процессе анализа на предыдущих страницах рецензии, поэтому нет необходимости повторяться.

На стр. 13 читаем: «...у коми народа под русским влиянием возникла необходимость делать различие между желтым и зеленым», – исходя из чего можно

подумать, что до того как коми-зыряне оказались под влиянием русского языка, они не могли отличать желтый цвет от зеленого. Это, конечно, не соответствует действительности. Здесь, видимо, правильнее говорить о наличии или отсутствии в словарном составе специальных обозначений для этих двух цветов и о возможном воздействии русского языка на их появление.

По нашему мнению, вряд ли стоит отождествлять начало истории удмуртской письменности с первыми фиксациями отдельных удмуртских слов путешественниками, пусть и учеными, как об этом пишется на стр. 5 в диссертации. Письменность и запись отдельных слов – это совершенно разные вещи.

Отмеченные выше недостатки и ошибки легко устранимы и не снижают общей положительной оценки, которую заслуживает рецензируемое исследование. Работа Е. С. Рябиной «Основные цветообозначения в пермских языках» является самостоятельным и законченным исследованием, обладает актуальностью, научной новизной, имеет теоретическую и практическую значимость и вносит определенный вклад в пермское языкознание.

Поступила в редакцию 11.09.2012

Ракин Анатолий Николаевич.

доктор филологических наук,

Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН

г. Сыктывкар

E-mail: anatolij.rakin@mail.ru

Rakin Anatoliy Nicolajevich,

Doctor of Science (Philology),

Institut of Language, Literatur and History of the Komi Research Centre UrB of RAS

Syktyvkar

E-mail: anatolij.rakin@mail.ru

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В 2012 ГОДУ В «ЕЖЕГОДНИКЕ ФИННО-УГОРСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ»

№	Стр.
ЯЗЫКОЗНАНИЕ	
Асталош Э. Е. Позиции сфокусированного объекта	
в удмуртском языке	7
Гаврилова В. Г. Химические и физические термины в учебниках,	
переведенных на марийский язык в 1934 году	13
Гребнева А. М. Диалектные наименования номинантов	
мордовских травянистых растений	6
<i>Душенкова Т. Р.</i> Понятия стыд и совесть в удмуртской	
лингвокультуре	23
Иванова А. М. Модальные значения номинатива в чувашском языке	
Кириллова Л. Е. О некоторых закономерностях образования	
микротопонимов	20
Насипов И. С. Об удмуртских заимствованиях в татарском языке	
Шайхисламова 3. Ф. Взаимодействие языка и культуры	
финно-угорских и тюркских народов на примере эмотивов	
в народных пословицах и поговорках	7
Шибанов А. А. История изучения наречий в удмуртском языке	
ФОЛЬКЛОРИСТИКА	
Владыкин В. Е., Чуракова Р. А. Обряд «йыр-пыд сётон»	
в поминальном ритуале удмуртов	27
Окунева Т. В. Уровни информативности удмуртского	
свадебного текста	31
Пенькова М. В. К истории публикаций марийской несказочной	
прозы (XVIII – нач. XX вв.)	20

	№ (	Стр.
Шушакова Г. Н. Бытование детской игры в современной		•
удмуртской деревне	3	19
3 31		
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ		
Арзамазов А. А. Инфинитивное письмо в поэтическом мире		
Сергея Матвеева: структурно-семантические варианты	. 1	29
Жиндеева Е. А. Литература Мордовии как универсальный код		
социума республики	. 1	39
Камитова А. В. Повесть Лидии Нянькиной «Ау-ау! или зигзаги		
на Небосклоне»: о постмодернизме в удмуртской литературе	. 2	31
Кузнецова Т. Л. Традиции В. Савина в коми прозе рубежа		
XX-XXI BB.	. 2	26
Малева А. В. Одиночество как смысловая доминанта образа		
лирической героини современной женской коми поэзии	. 1	51
Степанова Т. С. Освоение творческого наследия Г. Е. Верещагина		
и текстология его творчества в удмуртском литературоведении	. 3	42
Чикина Н. В. Проблемы становления детской литературы		
на карельском языке	4	39
1		
ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ		
Власова В. В., Шарапов В. Э. Одежда в старообрядческой традиции		
удорских, печорских и вычегодских коми	. 3	50
Иванова М. Г. Средневековые городища бассейна р. Чепцы:		
особенности топографии и планировочной структуры	. 2	48
Круглый стол «История Удмуртии как научное направление		
и учебная дисциплина в системе профессионального		
образования: стратегии развития»	. 1	59
Маратканов В. А. Этот многоликий Гуго Стандертшёльд		63
Михайлов В. Т. Вклад марийских просветителей в становление		
и развитие марийской национальной учебной книги	. 3	61
Пислегин Н. В. Особенности развития народного образования		
Удмуртии в дореформенный период	. 2	57
Садиков Р. Р., Миннияхметова Т. Г. Зарубежные исследователи		
этнографии, фольклора и языка закамских удмуртов:		
историографический очерк	. 4	49
Семёнов Ю. В. Этноконфессиональные отношения как объект		
исследования	. 3	72
Чагин Г. Н. Пограничные ситуации межэтнических взаимоотношений		
народов Среднего Урала в XIX – нач. XXI вв.	. 2	42
Черных Е. М., Митряков А. Е. Археология финно-угрики		
(заметки о полевых исследованиях НОЦ «Историко-культурное		
наследие» летом 2012 года)	. 3	80

№ Стр. КУЛЬТУРА, ИСКУССТВО Байкова Е. В., Буянова Л. И., Пислегова О. Л. Опыт сохранения и развития удмуртского национального костюма в системе деятельности «Национального центра декоративно-прикладного 78 Ёлкин П. В. Из американского альбома... 2 71 Ковычева Е. И. Проблемы костюма современного 86 Пчеловодова И. В. К мифологическому содержанию удмуртских музыкальных инструментов (по материалам Г. Е. Верещагина) .... 1 80 Сазыкина И. А. Сценический костюм как феномен народного комплекса одежды 4 94 Семакова И. Б. Основоположник музыкальной этнографии 86 Шутова Н. И. О деятельности народного этнофутуристического Ишмуратов А. В. Финно-угорский научно-образовательный центр гуманитарных технологий Удмуртского государственного Тимерханова Н. Н., Кудрявиев А. Ф. Научно-образовательный СОЦИАЛЬНАЯ ЭКОЛОГИЯ Кириллова А. В. Место рельефа в культурных ландшафтах Удмуртии .... 2 *Лекомцев А. Л.* Географические факторы расселения народов Логинова Н. Н. Хозяйственное освоение ландшафтов финно-Научный семинар «Культурные ландшафты финно-угорского мира в контексте географической науки» ...... 1 86 Рысин И. И. Эрозионно-обусловленные ландшафты Удмуртии 74 Стурман В. И. Адаптивные аспекты культурных ландшафтов Черных Е. М. Из истории формирования культурного Шутова Н. И. Культурный ландшафт Камско-Вятского региона: 88

·	No	Стр.
РЕЦЕНЗИИ		•
Ракин А. Н. Рец. на: Рябина Е. С. Основные цветообозначения		
в пермских языках. Тарту, 2011. 254 с.	4	129
Салмин А. К. Рец. на: Терюков А. И. История этнографического		
изучения народов коми. СПб.: МАЭ РАН, 2011. 514 с	3	125
ОТЗЫВЫ, ОБЗОРЫ		
Атаманов М. Г. О диссертации Н. В. Кондратьевой		
«Словоизменение имени существительного в удмуртском		
языке (грамматические категории падежа и числа)»	2	100
Иванова М. Г. Удмуртский институт истории, языка		
и литературы УрО РАН в год российской истории:		
основные разработки	4	122
Насибуллин Р. Ш. О диссертации Рануса Рафиковича Садикова		
«Религиозные верования и обрядность закамских удмуртов		
(сохранение и преемственность традиции)»		
<i>Цыганкин Д. В.</i> О «Диалектологическом атласе удмуртского языка»	1	120
ЮБИЛЕИ		
Денисов В. Н. Слегка оглядываясь назад (Автобиографический		
очерк)	3	117
Ившин Л. М. Письменные памятники удмуртского языка		
в исследовательской деятельности В. К. Кельмакова		
Измайлова-Зуева А. С. Слово об учителе		
Яшина Роза Ивановна	4	115
Указатель статей и материалов, опубликованных в 2012 году		
в «Ежегоднике финно-угорских исследований»	4	137

В сборнике научных статей и материалов Международной научной конференции «Этногенез удмуртского народа. Этнос. Язык. Культура. Религия» (Ижевск, 2011) в статье М. А. Павловой и И. Г. Павловой «Заимствованная лексика в кукморском диалекте удмуртского языка» по нашему недосмотру упущены список использованной литературы и сноски на научные труды профессора И. В. Тараканова, за что редколлегия сборника приносит ему и читателям свои извинения.

Уважаемые коллеги!

Приглашаем вас к сотрудничеству в издании «Ежегодника финно-угорских исследований»

В «Ежегодник» принимаются статьи по следующим направлениям:

- I. Процессы социальных изменений технологии развития финно-угорских этносов
  - Роль и место финно-угорских языков в учебных планах высших учебных заведений финно-угорских регионов РФ
  - Изучение финно-угорских языков и литератур в ближнем и дальнем зарубежье
  - Зарождение и формирование финно-угорской интеллигенции
  - Особенности менталитета финно-угорских народов
  - II. Проблемы развития финно-угорских этносов
  - История и перспективы развития финно-угорских языков
  - Тенденции развития финно-угорских литератур
  - Историко-культурное наследие финно-угорских народов
  - Изучение финно-угорских языков и литератур в общеобразовательной школе
  - III. Инновации в системе социальных изменений
  - Роль окружающей среды в формировании социально активной личности
  - Основные социальные изменения в финно-угорских республиках под влиянием глобализации и ее последствий
  - Финно-угорские образовательные учреждения в современных условиях
  - Реагирование финно-угорских образовательных и культурных учреждений на современные вызовы общества

Требования к оформлению статьи

Статья должна быть представлена в электронном виде (на дискете или по электронной почте) и обязательно в виде распечатанной на принтере копии формата A4 (14 шрифтом). Электронная версия записывается в формате Microsoft Word (версии 6.0, 7.0, 97) или RTF. Размер поля снизу, слева, справа — 2 см, сверху — 2,5 см. Страницы должны иметь сквозную нумерацию. Шрифт Times New Roman, размер шрифта 11 пт. Межстрочный интервал — одинарный. Красная строка 0,75 см. Переносы в словах не допускаются.

Рукописи должны быть тщательно выверены и отредактированы авторами.

Статья должна быть подписана автором или соавторами. К статье необходимо приложить рецензию за подписью профессора или руководителя Вашей кафедры.

Объем рукописи статьи (включая таблицы, список литературы, подписи к рисункам и рисунки) не должен превышать по техническим и естественным наукам более 0,5 уч.-изд. л. (12 стр. 11 шрифтом); по гуманитарным не более 1 уч.-изд. л. (24 стр. 11 шрифтом); для информационных публикаций и рецензий – 1–5 стр.; для рекламы – 0,5–1 стр. Объем рисунков не должен превышать 1/4 объема статьи. Ссылки на источники в тексте даются в квадратных скобках, например: [1], [1. С. 5].

Порядок расположения частей статьи:

классификационные индексы Универсальной десятичной классификации (УДК) (11 шрифт, прямой светлый);

инициалы и фамилия автора (11 шрифт, жирный строчной);

название статьи (11 шрифт, жирный строчной);

аннотация статьи (3–5 предложений –10 шрифт, прямой светлый);

ключевые слова (10 шрифт, светлый курсив, сами слова (5–7 слов) – прямым светлым);

текст статьи (11 шрифт. Заголовки набрать в левый край, 11 шрифт, жирный строчной. Подзаголовки, если таковые есть, набираются в тексте — 11 шрифт, жирный курсив);

примечания (10 шрифт);

поступила в редакцию (дата ставится отв. редактором выпуска, 10 шрифт); инициалы и фамилия автора на английском языке (10 шрифт, курсив жирный строчной);

название статьи на английском языке (10 шрифт, жирный строчной); аннотация на английском языке (10 шрифт, прямой светлый);

ключевые слова на английском языке (10 шрифт, светлый курсив, сами слова – прямым светлым);

сведения об авторе (фамилия, имя, отчество -10 шрифт, жирный строчной. Ученая степень, должность, место работы. Страна. Город. E-mail -10 шрифт, прямой светлый).

Таблицы и рисунки нумеруются в порядке упоминания их в тексте, каждая таблица и рисунок должны иметь свой заголовок (жирным строчным) (текст таблицы набирается 10 шрифтом). В рукописи карандашом указываются места расположения таблиц и рисунков.

Сокращения. Разрешаются лишь общепринятые сокращения: названия мер, физических, химических и математических величин и терминов и т.п. Все сокращения должны быть расшифрованы, за исключением небольшого числа общеизвестных. Названия учреждений при первом упоминании в тексте даются полностью, и рядом в скобках приводится их общепринятое сокращение; при повторных упоминаниях дается сокращенное название. *Пример*: Удмуртский государственный университет (УдГУ), повторно — УдГУ, в Гербарии УдГУ и т.д.

Благодарности. В этой рубрике выражается признательность частным лицам, сотрудникам учреждений и фондам, оказавшим содействие в проведении исследований и подготовке статьи, а также указываются источники финансирования статьи.

Литература оформляется в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008.

За правильность и полноту представления библиографических данных ответственность несет автор.

Дополнительная информация:

426034 Ижевск, ул. Университетская 1, УдГУ, корп. 2 (ФУНОЦГТ), ком. 104

тел./факс: 8 (3412) 52-61-83

e-mail: rvkir@mail.ru

Анатолий Васильевич Ишмуратов (зам. гл. редактора)

Роза Владимировна Кириллова (отв. секретарь)

Научное издание

Ежегодник финно-угорских исследований «Yearbook of Finno-Ugric Studies»

Выпуск 4

Составители – А. Е. Загребин, А. В. Ишмуратов, Р. В. Кириллова Дизайн обложки – Л. Н. Загуменова

Оригинал-макет – *И. В. Широбокова, Н. Ю. Юрпалова* (Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН)

Сдано в производство 28.12.2012. Печать офсетная. Формат 70х108/16. Усл. печ. л. 12,5. Уч.-изд. л. 10,3. Тираж 300 экз. Заказ № .....

Издательство «Удмуртский университет» 426034 Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 4. Тел./факс: +7 (3412) 500-295, e-mail: editorial@udsu.ru